

ПОДЖО
БРАЧОЛИНИ

ПОДЖО
БРАЧЧОЛИНИ
•
ФАЦЦЕЦИИ

•
Перевод с латинского и
вступительная статья

А. ДЖИВЕЛЕГОВА

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1984

И(Ит)
П44

Poggius Florentinus

Facietiarum liber

Художник

В. НОСКОВ
(младший)

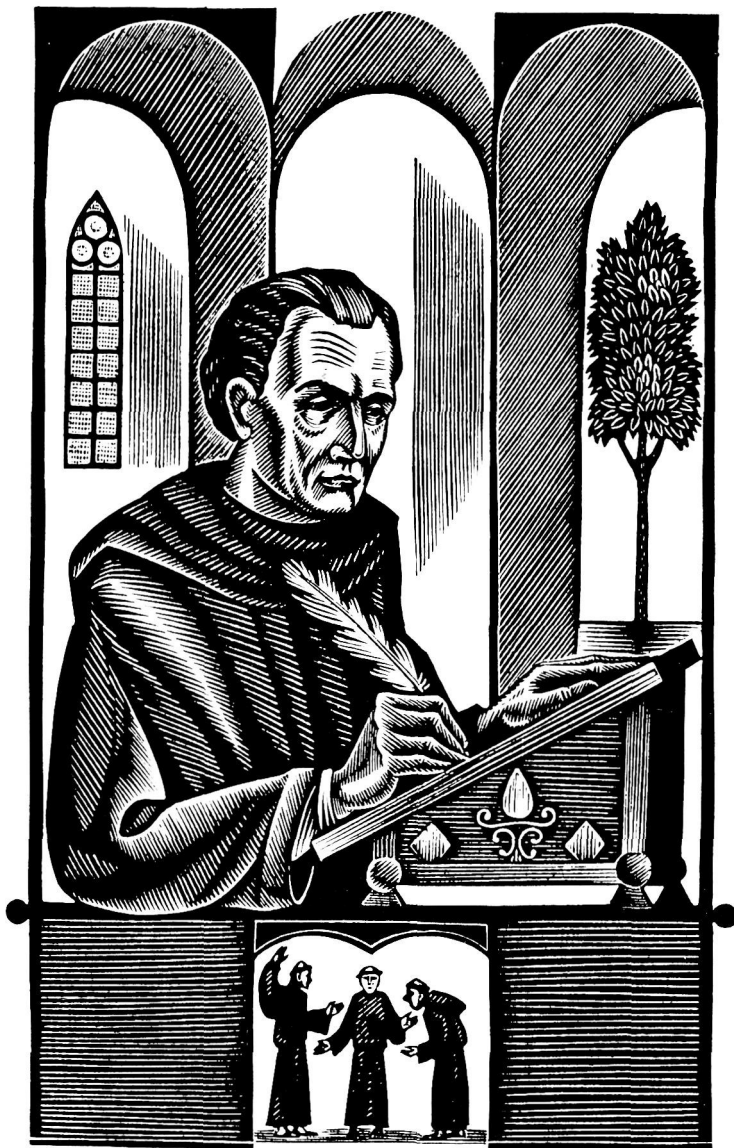
П $\frac{4703000000-240}{028(01)-84}$ без объявл.

© Оформление. Изда-
тельство «Художест-
венная литература»,
1984 г.

От издательства

Настоящее издание приурочено к 110-летию со дня рождения замечательного советского литератора, историка и педагога, крупнейшего знатока эпохи Возрождения Алексея Карповича Дживелегова (1875—1952). Текст «Книги фации» Поджо Браччолини в переводе Дживелегова печатается по изданию «Academia». Вступительная статья, впервые опубликованная в том же издании, печатается с некоторыми сокращениями.

Поджо Браччолини и его «Фацеции»

Среди гуманистов первой половины Кватроченто Поджо — самая яркая фигура. Есть между ними мыслители и ученые более крупные, например Лоренцо Валла. Есть всеобъемлющие гении, как Леон Баттиста Альберти. Но нет никого, кто бы так полно отражал свой век, не опережая его и не отставая от него, как Поджо Браччолини.

Культура Кватроченто обрела в нем великолепный рупор. Он постиг ее вплоть до самых сокровенных изгибов. Он разгадал все ее тайны. Он раскрыл все нити, связующие в одно целое различные ее элементы. Он обнажил ее корни. И всем своим наблюдениям, характеристикам, размышлениям нашел формулы, иногда точные, иногда увертливые, иногда явно фальшивые, но всегда поучительные, всегда в искреннем и в лживом что-нибудь объясняющие. Читая его латинские писания, современники любовались его стилем и восторгались его мудростью. Когда пробегаем их мы, перед нами кусок за куском развертывается картина итальянской культуры первой половины XV века.

Из этих произведений одно доступно и понятно людям нашего времени в такой же полной мере, как и современникам: «Фацеции».

Когда Поджо Браччолини семнадцати-восемнадцатилетним юношей пришел во Флоренцию¹, он нашел там крепкую буржуазную организацию и все усиливающийся интерес к гуманистическим занятиям. Еще несколько лет назад тот общественный и политический строй, который теперь был так прочен, сотрясался от могучих ударов снизу, и одно время казалось, что крупной буржуазии придется если

---

¹ Родился в 1380 г. (Здесь и далее — примечания А. Дживелова. *Ред.*)

не расстаться с властью, то поделиться ею с широкими кругами ремесленного класса. Но опасность миновала. Восстание чомпи в 1378 году было подавлено, а господство мелкой буржуазии длилось очень долго. С 1382 года власть снова находилась в руках богачей. Мазо дельи Альбицци фактически распоряжался судьбами города как доверенное лицо своего класса. Старый канцлер Коллуччо Салутати, который еще недавно припечатывал городской печатью декреты рабочего правительства, теперь вновь вернул себе внутреннее спокойствие: не мучая себя сомнениями, не лицемеря, как при чомпи, а от души управляя делопроизводством буржуазного правительства, которое считал лучшим и которое помогало ему понемногу прикупать земли и богатеть. Салутати был центральной фигурой флорентийского гуманизма. Когда образованная буржуазия собиралась на вилле Антонио дельи Альберти, он вдохновлял и вел происходившие там собеседования. Когда ученые и жаждавшие знаний люди собирались в монастыре Сан Спирито по ту сторону Арно, вокруг монаха-эрудита Луиджи Марсили, — он постепенно затмил его своим красноречием и своей образованностью. Коллуччо делал все, чтобы поддерживать у молодежи любовь к знанию и открывать всем желающим путь к образованию. Он уже раньше поставил на ноги Лионардо Бруни. Теперь он пригрел Поджо.

Юноша был преисполнен пыла. Но средства его были скудными, а у отца, неудачливого аптекаря, кочевавшего с места на место, дела были из рук вон плохи. Чтобы иметь заработок, Поджо выдержал экзамен на нотариуса (1402) и был принят в цех юристов. Вооруженный дипломом, с цеховым матрикулом в руках, Поджо стал пробиваться и самым естественным образом попал переписчиком — у него был красивый почерк — в канцелярию Салутати. Старик быстро разглядел, что у его нового писца есть достоинства получше, чем почерк, и ввел его в свой кружок. Карьера Поджо после этого сразу пошла хорошо.

Луиджи Марсили умер (1394) до его появления во Флоренции, и никто уже не оспаривал у Коллуччо центрального места среди флорентийских гуманистов. Все, что было живого и талантливое, все, что жаждало знаний, теснилось вокруг старого канцлера. Во Флоренции появлялись время от времени учителя. Несколько лет Джованни Мальпагини учил латинскому языку. Потом Мануил Хризолор учил греческому. У обоих было много слушателей. Но Studio, университет, давал только механические знания, которых было недостаточно. Время требовало большего. Кружок Салутати дополнял Studio. Там люди привыкали любить древность, поклоняться античному идеалу красоты и проникаться живым патриотическим чувством, изучая величественную судьбу Древнего Рима.

В кружке Салутати юный Браччолини нашел и своих лучших

друзей: Лионардо Бруни, который был старше его почти на десять лет, Никколо Никколи, который был старше на пятнадцать. Поджо был вообще младшим из всех и, конечно, первое время больше слушал, чем говорил. Но он не потерял времени даром. Все, что он приобрел во Флоренции, очень пригодилось ему потом¹.

Единственно, чего не могла дать ему Флоренция — ни Салутати и никто другой, — это прочного положения. Заработки были скудные и случайные, а аппетиты все росли, и вкусы становились все более изысканными. Чтобы стать на ноги, Поджо собрался с духом и, по совету Бруни, отправился искать счастья в Рим (1403). Флорентийские рекомендации открыли ему многие двери, и Поджо вскоре вступил в папскую канцелярию на должность апостолического писца. Это было незадолго до того, как умер папа Бонифаций IX (1404) и с новой силой обострился великий церковный раскол. Один за другим появились трое пап: Григорий XII, Бенедикт XIII, Александр V. У каждого из них было свое сторонничество, каждый без передышки предавал анафеме двух других, каждый поочередно должен был бежать с одного места в другое, чтобы спастись от многочисленных врагов. Служащие папской канцелярии потеряли голову. Они переходили от одного папы к другому, повинуюсь то соображениям выгоды, то приказам властей родного города. Поджо сначала был у Григория, от него ушел к Александру, а после его смерти остался у его преемника, Иоанна XXIII. Иоанн сделал его апостолическим секретарем и повез с собою на собор в Констанц, где должна была решиться судьба западной церкви и его собственная участь (1414—1418).

Констанцский собор низложил всех трех пап и выбрал нового. Это был римский патриций Оддо Колонна, который стал главою западного христианства под именем Мартина V (1418). Поджо не был утвержден им в своей должности. Он решил, что новый понтификат не сулит ему ничего хорошего, и принял приглашение кардинала Бофора, звавшего его в Англию. В Англии он пробыл четыре года, и, когда возвратился в Рим (1422), папа вновь дал ему должность секретаря. Поджо остался при курии надолго: конец понтификата Мартина V, весь понтификат Евгения IV (1431—1447), и перебрался канцлером во Флоренцию в предпоследний год (1453) понтификата своего друга и покровителя Николая V (1447—1454). За год до

---

¹ По-видимому, систематического образования во флорентийском Studio Поджо, вопреки прежнему мнению, не получил. Он, наверное, не слушал Хризолора и, быть может, не слушал даже Мальпагини. В его латинском языке враги-пуристы — вроде Филельфо и Валлы — до конца находили налет средневековщины, а чтобы мало-мальски одолеть греческий, ему приходилось очень много работать в зрелые годы.

смерти, в 1458 году, он сложил флорентийскую должность и удалился к себе в родную Терранову, небольшой городок в Вальдарно. Умер 30 октября 1459 года, «сытый годами», немного не дотянув до восьмидесяти.

Деятельность Поджо, таким образом, почти до самого конца протекала вне Флоренции, но, работая в Констанце, в Англии и в Риме, Поджо не порывал теснейшей связи с флорентийскими друзьями. В его огромной переписке письма, адресованные им, составляют большинство. Никколó Никколи, Лионардо Бруни, Карло Марсупини, члены семьи Медичи — его главные корреспонденты. Наоборот, нефлорентийские гуманисты, за малыми исключениями — Лоски, Чинчо Романо, Гуарино, Франческо Барбаро, — от него далеки, и он от них далек. Некоторым он резко враждебен. С Филельфо и Валлою он подолгу ссорился, обменивался разнuzданными инвективами и эпиграммами. В своем собственном сознании и в представлении потомства Поджо — флорентийский гуманист. Он так себя и называет: *Poggius Florentinus*, хотя родился не во Флоренции, а в Терранове.

Та группа, к которой Поджо принадлежит, — группа Никколó Никколи:¹ Бруни, Траверсари, Марсупини, Манетти и некоторые другие. Что характеризует эту группу и какое она занимает место в эволюции гуманистического движения?

Салутати и его ближайший кружок — Роберто деи Росси, Якопо да Скарпериа — закончили первый период гуманизма, ранний в тесном смысле этого слова, начавшийся с Петрарки, Боккаччо и их друзей. Вся эта группа, от Петрарки до Салутати, вела борьбу с представителями схоластики и других средневековых дисциплин, но сама была пропитана средневековыми аскетическими реминисценциями, от которых наиболее смелые, как Боккаччо, только-только начинали отходить. Они терзались мучительным раздвоением, боялись крепко стать обеими ногами на почву новой культуры, к которой их тянуло. Древность представляла для них интерес не столько научный, сколько эстетико-патриотический. Аргументы, которые они для обоснования своего мироощущения заимствовали у древних, вели в их душе трудную борьбу с аргументами христианскими, и Августин побеждал Цицерона с Сенекою — быть может, потому, что их классический багаж был невелик. Они не знали греческого языка, и в их распоряжении было мало латинских рукописей.

Группа Никколи поэтому прежде всего ставит себе задачу расширить базу нового мировоззрения. Она учится по-гречески и плано-

---

¹ См. мою книгу «Начало итальянского Возрождения», изд. 2-е, 1925, с. 190 и сл.

мерно собирает рукописи. Она ищет и списывает надписи. Она коллекционирует предметы быта и искусства не только как украшение, но и как подспорье для научной работы. Она деятельно переводит греческих классиков. Она начинает углубленную критическую работу в области филологии, литературы и истории. И она знает, чего она хочет. Если Никколи вождь и вдохновитель этой группы, то Поджо ее самый энергичный и самый даровитый представитель.

Уже в самом начале своей деятельности, в полемике с своим учителем Салутати, он очень определенно выяснил наиболее серьезные расхождения между двумя поколениями гуманистов. Это было в 1405—1406 годах, перед самой смертью старого канцлера. Предметом полемики был Петрарка. Салутати ставил Петрарку как поэта и ученого выше древних, ибо — говорил он — ему раскрылось откровение христианской веры и он имел возможность кроме классиков изучать еще и отцов церкви. Молодое поколение стояло на совершенно иной почве. Салутати не был свободен от средневековых пережитков. В нем не умерли аскетические настроения. Отцы церкви были для него вместилищем живой правды. А научный его багаж был скуден. Молодые знали (кто лучше, кто хуже) греческий и были способны научно сопоставить язык древних с языком средневековых латинских классиков, так сильно окрасивших стиль Петрарки. Для них не было никакого вопроса, чья латынь лучше, Цицерона или Августина. И латынь Петрарки они не были склонны ставить высоко. Эта аргументация и легла в основу ответа Поджо. Он подчеркивал, что нельзя доказывать литературное превосходство аргументами религии и считать, что христианин выше язычника, каковы бы ни были критически взвешенные достоинства того и другого. Поэтому если даже признать, что Петрарка первый писатель своего времени, то его все-таки нельзя сравнивать как поэта с Вергилием, как оратора — с Цицероном, как моралиста — с Варроном¹.

Смысл этой полемики тот, что у гуманистов молодого поколения на место абсолютных критериев Салутати стали исторические: каждого писателя нужно судить и ценить, помня о той обстановке, в которой он жил. Новые критерии были более приспособлены к научной работе. Вопрос сводился в дальнейшем к тому, сумеют ли накопить гуманисты достаточно материала, чтобы, прилагая к нему новые методы, двигать науку. Поджо это прекрасно понимал, и никто из гуманистов не сделал больше, чем он, для того, чтобы собрать столь необходимый для дальнейшей научной работы материал. Его экскурсии в поисках за рукописями, систематические и основанные на

---

¹ Не нужно забывать, что речь все время идет о Петрарке не как об авторе итальянских стихов, а как о латинском поэте и латинском прозаике.

тщательной предварительной разведке издали, пополнили каталог известных в то время классиков рядом чрезвычайно важных произведений, среди которых несколько речей Цицерона, несколько комедий Плавта, Валерий Флакк, Квинтилиан, Аммиан Марцеллин, Сирий Италик, весь Лукреций, весь Стаций, Колумела. Не нужно быть знатоком римской литературы, чтобы понять, насколько богаче и шире стал материал для научной обработки наследия римской древности. Но Поджо не ограничивался рукописями. Он собирал надписи и часть того, что ему удалось списать, вместе с некоторыми, известными раньше, издал в виде сборника. Это его «*Sylloge*», от которой ведет начало римская эпитафия.

У Поджо было ясное представление, чем должна быть античная культура для современности. Человек он был трезвый. Древности он придавал огромное значение, любил и ценил ее, как драгоценный клад, и делал все, чтобы наиболее полно приготовить для научной работы ее остатки. Но границы использования античного наследия для него тоже были вполне ясны. Древность не должна была подсказывать ему никаких существенных формул, определяющих его отношение к миру, к обществу и к человеку. Эти формулы Поджо брал из жизни, присматриваясь к окружающему и стараясь уловить смысл процессов, происходивших вокруг него.

Так же свободен был от рабского преклонения перед древним и латинский язык Поджо. Он почувствовал то, чего не могли почувствовать не только такие гуманисты, как Гаспарино Барцицца, начетчики и школьные учителя, но и такие, как сам Валла, ученые-филологи: что латинский язык, изучаемый на классиках и остающийся строго в пределах лексических и стилистических форм, которые освящены авторитетом Цицерона и Квинтилиана, — мертвый язык. Он нужен немногим. А жить и развиваться способен только такой латинский, который, не нарушая правил, выработанных грамматикой, стилистикой и риторикой древности, будет приспособляться к нуждам текущей жизни. Когда будет речь о «*Фацециях*», мы увидим, какое огромное значение имела инициатива Поджо в области реформы латинского языка и освобождения его от «обезьянства» Цицерону.

Из гуманистов Кватроченто, быть может, только один Валла был способен столь же последовательно, как Поджо, проводить точку зрения историзма и критицизма по отношению к древности. Даже Бруни, человек со спокойным анализирующим умом, находился во власти античных форм и формул. Его учение о добродетели, центральная часть его моральной философии, — не более как сколок с римских переписов стоицизма. Даже тогда, когда, как в «*Истории Флоренции*» и в греческом трактате о флорентийской конституции, Бруни соприкасается вплотную с живыми современными вопросами, он одевает в

античные ризы не только изложение, но и выводы. Это, конечно, не значит, что учение Бруни не имело влияния. Педагогическая доктрина Бруни, например, в большой мере определила развитие не только теоретической, но и практической педагогики Возрождения и, косвенно, школы нового времени. Это понятно. Организация городской культуры предъявляла спрос на новые идеи. Их легче было находить в сочинениях древних, чем додумываться самим, ибо греки и римляне жили в таких хозяйственных условиях, в которые уже вступала Италия, и приспособили к своей экономике сложный комплекс культурных представлений. Развитие новой идеологии шло по линии наименьшего сопротивления. Разница между Бруни и Поджо была в том, что для Бруни авторитет древних и пример древних имели значение решающее, а для Поджо — древность лишь подкрепляла и санкционировала то, что он сам считал важным и нужным, исходя из анализа действительности. Классики шлифовали его мысль, не формировали ее.

Беглое сопоставление трактатов Поджо с трактатами других гуманистов не обнаружит между ними большого различия. Темы у Поджо — обычные гуманистические темы: «О скупости», «О лицемерии», «Об изменчивости судьбы», «О знатности», «О несчастье государей» и т. д., — те же, что и у других гуманистов, начиная от Петрарки. Но, за исключением, быть может, первого трактата — «De avaritia», — содержание их совершенно иное. Задача обычного гуманистического трактата — собрать побольше цитат из классиков для иллюстрации того или иного тезиса моральной философии. Написать такое упражнение не представляло никаких трудностей. Цицерон и Сенека, великие эклектики древности, давали основной материал. К ним подсыпалось кое-что из других писателей, римских, реже греческих, вся эта груда цитат облекалась в диалогическое обрамление, довольно неуклюжее и с содержанием не связанное, — и трактат был готов.

Сочинения Поджо сохраняют от этого шаблона две вещи: диалогическую форму, столь же беспомощную, как у других, и цитатный материал. Но цитаты у него уже не имеют самоудовлетворяющего характера. Они не самоцель. Они лишь иллюстрация. Содержание трактатов совсем иное, — и что еще важнее — иной в них метод рассуждения. Вот, например, «De nobilitate». Тема — общая всем гуманистам: источник истинного благородства — не происхождение, а личные достоинства. Едва ли был гуманист, который бы не затронул в своих сочинениях этой темы. Для каждого из них это и обязательная декларация и апология собственного социального статуса: гуманисты выходили почти сплошь из городских, чаще низших городских, кругов. Но несмотря на то, что гуманисты были кровно заинтересованы в максимальной практической убедительности своих выводов, они

обычно не выходили из круга цитат, именно практической убедительностью не обладавших. Как поступает Поджо? Он начинает диалог широкой, не лишенной и сейчас документального исторического интереса, картиною положения дворянства в крупных и мелких государствах Италии, в важнейших европейских странах, в Византии, в Египте, у турок. Характеристика сопровождается реальным деловым анализом, и лишь потом выступают на сцену Цицерон и Сенека, Аристотель и Платон. То же в диалоге «*De varietate fortunae*». Начинается он как будто по вульгарно-гуманистическому шаблону. Поджо и друг его Лоски глядят с Гарпейской скалы на развалины Рима и рассуждают об изменчивости судьбы. Развертывается великолепное описание римских руин, — его до сих пор цитируют все археологи, — и начинается беседа. Но это вступление не имеет ничего общего с гуманистическими мотивами. Сквозь лирическую дымку описания мы отчетливо чувствуем, что говорит археолог, то есть человек, который смотрит на развалины как на научный материал и если сокрушается о чем-нибудь, то не о том, что пала Римская империя, а о том, что от Древнего Рима мало сохранилось памятников. И этот мотив настолько заслоняет главную тему об изменчивости судьбы, что когда собеседники вспоминают о ней, то разговор идет уже не о Риме, а о... Тамерлане. И после этого уже не покидает современной почвы. В гуманистическом трактате мелькают очень негуманистические имена Жака Бурбона, Ричарда II Английского, Карла VI Французского, Висконти Миланских, Скалиджери Веронских, Гуиниджи Лукканских, пап — Урбана VI, Иоанна XXIII, Григория XII. Дальнейшее распадается на две части: первая представляет в сущности кусок мемуаров о бурном и богатом переменах разных судеб понтификате только что умершего Евгения IV, а вторая, почти не связанная с основной темой, — рассказ о странствованиях по Востоку кьоджанского купца Никколо Контти. О нем еще будет речь. То же и в диалоге «*De infelicitate principum*», который представляет собою злободневную защиту республиканского строя и филиппику против монархии, построенную на материале из недавней итальянской действительности. То же во второй части «*Historia tripartita*», где под видом рассуждения о сравнительных преимуществах права и медицины Поджо развертывает вполне современную политическую доктрину. То же в письмах. То же во всем вообще, что Поджо писал.

Поджо всегда отправляется от живого, от современного, от того, чем он сам живет и дышит. По-настоящему только это его интересует. Древность важна и нужна, потому что древние раньше нас думали о том же, о чем думаем теперь и мы, и могут помочь нам найти необходимую формулу. В этом ее великая ценность. Но и только.

Что же представляет собою мировоззрение Поджо, формирующееся под диктовку жизни?

Поджо меньше, чем других гуманистов, волновали вопросы моральной философии. Он не любил брать их темой для трактатов. Но когда друзья или враги вызывали его на декларацию по той или иной проблеме моральной философии, он не уклонялся. Из его писем мы можем узнать взгляды его на цель человеческой жизни, на идеал человека, на сильные и слабые стороны человеческой природы. Эти взгляды менялись. Формировались они у него смолоду на патристической литературе, которую он изучал в годы английского отшельничества, и на классиках, но по мере того, как он созревал, идеи классиков и отцов церкви бледнели больше и больше. Источником мировоззрения становилась жизнь.

Целью культурного человека Поджо неизменно выставлял спокойную простую жизнь, далекую от суетности, от вакханалии стяжательства, от борьбы страстей. Вдали от жизненного шума, один с самим собою и с книгами, погруженный в созерцание и в науку, в постоянном общении с древними, которое делает облик человека полнее и богаче, — пусть живет каждый. Это — идеал культурной мирской аскезы, идеал *vita solitaria* Петрарки. Но Поджо не умеет удержаться на абсолютных формулах отца гуманизма. Он обставляет их оговорками. Уединенная жизнь, конечно! Но нельзя окончательно пренебрегать богатством и почестями. Они нужны для полноты жизненных ощущений образованного человека. Им лишь не следует давать воли над собой. Ибо нет ничего легче, как позволить соблазнам и прельщениям жизни увлечь себя, и тогда пороки, из которых самый большой и самый ужасный — скупость, завладеют человеком и изуродуют его душу. В таких рассуждениях ясно ощущается, что Поджо говорит об этих вещах нехотя, без темперамента, словно желая отделаться от докучливой тяготы. Ибо свои моральные формулы, даже с обильными оговорками, как максимы практической жизни, он отнюдь не считает для себя обязательными. Для собственного употребления у него были другие правила, свободные, не имеющие ничего общего ни с какой аскезой, ни с христианской, ни с мирской. Он предпочитал жить в центре самых острых соблазнов, в Риме, при папской курии, ловил деньги и почести, не считаясь ни с какими мерками, не только не избегал наслаждений, но тонко их культивировал, грешил всеми грехами и отнюдь не был свободен, особенно к старости, от того, который был в его глазах самым большим и самым страшным — скупости.

Поджо был человек широкий. Наслаждения его, конечно, не ограничивались хмельными пирушками в кругу друзей, веселыми похождениями с мастерицами любовного дела, римскими куртизанками, короткими набегами в зеленые окрестности Рима или родные уголки Тосканы, где, отдыхая, он обслуживал себя сам, ходил на рынок и учился трудному искусству покупать дыни согласно ученым

указаниям своего приятеля, толстого и жизнерадостного объедалы Цуккаро. Конечно, его занятия давали ему наслаждения не менее острые, чем эскапады с жрицами любви и возлияния Вакху. Конечно, его экскурсии за рукописями и охота за надписями заставляли работать его нервы и темперамент, и удача вызывала бурное торжество. Конечно, находка какого-нибудь античного бюста приводила его в экстаз, потому что она заставляла ликовать в нем и чувство красоты, и любовь к древности, и самолюбие археолога. Конечно, его женитьба (очень поздняя: ему было пятьдесят шесть лет) открыла перед ним мир совершенно новых радостей, в которых хотя и отсутствовал острый аромат греха, но зато были бесконечные моменты спокойного блаженства около молодой жены и среди многочисленного потомства.

Огромная трудоспособность, неискоренимый оптимизм и прекрасное здоровье помогали ему пользоваться всеми этими благами жизни. Маленький, круглый, с блестящими глазами и пышной шевелюрой, завитки которой, рано начавшие белеть, падали ему на лоб, Поджо был душою общества и в папской курии, и в кружке Никколи во Флоренции, и в степенном доме Медичи, и в чопорном кругу жениной родни, Буондельмонти, и среди римских престелниц.

Он любил жизнь. Мирской дух, который был особенностью всего гуманистического движения, имел в нем пламенного пророка. Культуре мирского духа не мешало у Поджо ничего. И прежде всего — не мешала его религия. Поджо любят представлять человеком глубоко религиозным и приводят много подтверждений такому взгляду. Но все этого рода доказательства не устраняют одного решающего факта: полного противоречия его жизни и его быта с самым снисходительным представлением о глубокой религиозности, особенно по понятиям XV века.

Поджо не был, разумеется, атеистом. Поджо был верующим человеком. Но его вера не была похожа на трепетную веру Амброджо Траверсари или Джаноццо Манетти. Его вере не хватало пафоса. В ней не было ни малейшего лирического подъема. Она была беспорывная и спокойная. Нам говорят, что изучение отцов церкви в Англии придало ей глубину и захват. Этого нигде не чувствуется. Поджо читал сочинения отцов так, как читал сочинения классиков, — с научной целью. Выставлять напоказ равнодушие к религии он, конечно, не мог. Не только при аскетически настроенном, постоянно подзуживаемом монахами Евгении IV, но и при гуманисте Николае V — индифферентного в вопросах веры папского секретаря курии бы не потерпела. Но вера не должна была мешать ему наслаждаться жизнью и грешить. Это было его собственное к ней требование, и в такие дела курия уже не вмешивалась. Была в вере Поджо еще и наивность, которая сказывалась в том, что он мог быть суеверным, как последний погонщик мулов, и признавать реальность вся-

кого сорта нечистой силы. Но это была уже мелочь. Важно то, что вера папского секретаря и знатока отцов церкви Поджо Браччолини не мешала тому, что было в нем самым типичным и самым ярким: культуре мирского духа.

Мы видели, что между идеалом человеческого счастья, который проповедовал Поджо, и практическим его осуществлением — целая бездна. Говорится одно. Жизнь устраивается по-другому. То, что говорится, окрашено и в цвета стоицизма, и в цвета аскетизма. То, что делается, пропитано красками эпикурейства.

Это противоречие — очень обычное у гуманистов. У большинства из них одна философия для человечества, другая для себя. Люди великолепно знают о своем душевном раздвоении. Лучшие из них, которые не хотят, чтобы оно стало видно другим, не пишут. Таков Никколи. Не пишут и те, у которых — бывают такие редкие исключения — раздвоения нет. Эти предпочитают скромно и молча делать свое дело в жизни. Таков Витторино да Фельтре, педагог. А проповедники всевозможных добродетелей, которые в жизни весело попирают их ногами, не стесняются и пишут. Таковы очень многие. Таков и Поджо. Это — свойство эпохи, переходной и полной безостановочного брожения.

Противоречие, которое сказывается с особенной яркостью в сфере вопросов морали, проникает и в другие области. Способствует этому одна формальная особенность гуманистической литературы, которая недаром культивировалась так усиленно: диалогическая форма их трактатов. Когда нужно высказываться начистоту, диалог не годится. Честная публицистика, искренняя проповедь с диалогом несовместимы. Нельзя представить себе «Principe» Макиавелли написанным в форме диалога. В диалоге есть что-то принципиально беспринципное. Оттого он так популярен среди людей, которые не любят прямых высказываний. Ведь когда сейчас пытаются уловить истинную точку зрения того или иного гуманиста, сколько возникает споров! Который из собеседников, выведенных в диалоге, — их бывает несколько, — выражает взгляды автора? Может быть — этот, а может быть — тот. А может быть — ни один.

Поэтому, когда Поджо говорит что-нибудь в письмах, все более или менее ясно. Когда он говорит в диалоге, все более или менее темно. С этими оговорками можно попытаться приступить к характеристике его общественно-политических взглядов, где мы найдем то же противоречие между заявлениями и действиями.

Во времена Поджо Флоренция переживала важный этап внутренней эволюции. Республика давно утвердилась. Вожди оппозиции, Медичи, обвиняли вождей правящей группы, Альбицци, в стремлении к тирании. Альбицци говорили то же про Медичи. Обе стороны были правы, хотя видимых признаков тирании, так хорошо знакомых Ита-

лии по другим городам, во Флоренции как будто не замечалось. Но уже в первой четверти XV века стали показываться и признаки. Их стало больше, когда Альбицци удалось (1433) изгнать Медичи. Они сложились в очень определенную картину, когда Медичи вернулись, были изгнаны Альбицци и Козимо захватил власть (1434).

Осторожная тирания Козимо очень бережно относилась к республиканским этикеткам и даже к республиканским учреждениям. Медичи, как и Альбицци, не покушались на республиканскую форму. Наоборот, они очень любили, когда флорентийские публицисты прославляли республиканскую свободу Флоренции и сопоставляли ее с деспотизмом, царившим, например, в Милане. Существа их власти гуманистические разговоры не затрагивали, а полезного шума и рекламы получалось довольно много.

Поджо твердо стоит на республиканской точке зрения. Против монархического принципа он мечет громы в трактате «*De infelicitate principum*», в письме к Филиппо Мария Висконти он восхваляет республику, а в любопытном споре с Гуарино и Ауриспою о том, кто выше из двух героев римской древности — Сципион или Цезарь, — со всей решительностью высказывается за Сципиона: он ничем не запятнал любви к родине и служил ей бескорыстно, в то время как Цезарь погубил республику. Мало того, Поджо одобряет Брута и Кассия, убийц Цезаря: продолжается тираноборческая традиция флорентийских гуманистов, идущая от Боккаччо — ему принадлежит афоризм: «Нет жертвы, более угодной богу, чем кровь тирана», — и Салутати.

Поджо совершенно не смущает — и не смущало до конца, — что друг его Козимо Медичи — монарх самый настоящий, что папы, которым он служил, такие же государи, как и ломбардские тираны. Но он не чувствует необходимости, — как Гуарино, который жил при дворе д'Эсте, где были все внешние атрибуты монархии, — защищать единоличную власть. Наоборот, он пользуется широкою свободой слова, царившей при папской курии, чтобы поносить монархию, которая и в Риме и во Флоренции фактически существовала и с существованием которой было связано его собственное благополучие.

«Фацеции», взятые отдельно от других произведений Поджо, конечно, не дают представления о нем ни как о писателе, ни как о человеке. Но «Фацеции» — та его книга, которая способствовала известности его у потомства больше всего. Вернее, «Фацеции» — единственное сочинение Поджо, которое не забыто само и не дало забыть имя своего автора. Только специалисты знают, что Поджо написал «*De nobilitate*», «*De varietate*», «*Historia tripertita*», «Историю Флоренции». Всякий образованный человек знает, что Поджо написал «Фацеции», если даже не знает самых «Фацеций». Когда Поджо собирал свои «рассказики» и потом публиковал их, он был очень далек от мысли, что именно они принесут ему бессмертие.

Совершенно так же Петрарка, уповая на «Африку» и на латинские рассуждения, не думал, что его неувядаемая слава будет связана с его итальянскими «Rime». «Фацеции», конечно, нельзя сравнивать со стихотворениями Петрарки. Но и «Фацеции» стали классической книгой. Они переведены на все языки — и неоднократно. Они продолжают переиздаваться, переводиться и комментироваться до сих пор.

Конечно, смех «Фацейий» не есть то главное, что заставляет людей XX века читать их так же охотно, как читали люди XV века. Смех «Фацейий» — не смех Рабле. «Фацеции» читаются потому, что эта пригоршня миниатюр дает такую живую, такую яркую, такую пеструю картину быта и нравов XV века, как ни одна другая книга. Картина, правда, мозаична. Она не полна. Подбор материала в ней очень случаен. Но в ней клокочет жизнь, здоровая, полнокровная, радостная. В ней, как в зеркале, отражается быт всех классов общества, сверху донизу. И так чудесно фонарь Поджиевой сатиры расцветывает то мягким, то резким светом лица, типы и положения, так весело мелькают в причудливом греховном хороводе куртки, рясы и сутаны, перепутавшиеся с юбками всех цветов, так ярко человеческая глупость, похотливость и лицемерие предаются посмешищу, что эта книга, написанная четыреста лет назад, кажется написанной вчера. Написанной вчера казалась она и все те четыреста лет, которые она живет.

Как попали под перо Поджо его сюжеты? Он об этом рассказывает в «Заклучении» к «Фацециям». В курии, когда секретарям, апостолическим писцам и прочему служилому люду делать было нечего — при папе Мартине V это случалось частенько, — они собирались в одном из отдаленных уголков папского дворца, в комнате, окрещенной «Вральней», «Bugiale», и рассказывали друг другу анекдоты. Занятие старое и вечно юное, которое обожает всякая холостая компания, хотя бы каждый из ее членов был семи пядей во лбу и имел в кармане по диплому на монтионовскую премию за добродетель. Папский двор представлял собою нетолченую трубу. Кто только там не бывал! Кто там не сплетничал, не приносил туда новостей, кто не старался поставлять свеженькие анекдоты, чтобы развлечь влиятельных папских служащих, духовных и светских! Француз нес услышанный в дороге пересказ старого фавль, немец тащил свой грубоватый шванк. Недаром среди «Фацейий» мы находим немалое количество «рассказиков», сюжеты которых заимствованы из фавль и шванков¹. Это указывает не только на мигрирующие мотивы новеллистической литературы, но и на международный характер бесед на эти

---

¹ Таких сюжетов насчитывают добрых полтора десятка. В их числе такие, как завещание собачки, исподни минорита, упрямая жена, которую муж ищет вверх по течению, и др.

темы при папском дворе. «Вральня», словом, никогда не оставалась без материала для «вранья». Поджо кое-что запомнил, кое-что записал. К основному ядру, которое накопилось во «Вральне», потом понемногу прибавлялось еще, и так мало-помалу создавалась книжка. Первое упоминание о ней в письмах Поджо относится к 1438 году, но еще в 1451 году он кое-что к ней прибавлял, а последняя датированная фацеция (Фац. 249) относится к марту 1453 года. Анекдоты из «Bugiale» и дальнейшие постепенно сложились в книгу «рассказиков» (*confabulationes*). Так родилось первое литературно обработанное собрание анекдотов. Литературный анекдот ведет свое начало от «Фацеций».

С этой веселой и беспритязательной книжкой связано несколько интересных вопросов. И первый из них — вопрос о связи «Фацеций» с эволюцией новеллистического сюжета в Италии.

Типичный буржуа, Поджо должен был особенно остро ощущать жизненность новеллистического сюжета как специфического городского жанра. Ведь начиная с конца XIII века новелла была неизменной развлекательницей итальянского горожанина. А еще раньше развлекал горожанина тот же новеллистический сюжет, но в устной передаче жонглера. Жонглер приходил на городскую площадь в пестром костюме, с обезьяной, с попугаем, с собакой, с гитарой, расталкивал толпу, влезал на пустую бочку, откашливался, сплевывал в сторону, прикрыв эту операцию рукою, как подобало человеку, знающему приличия, проводил пальцами по струнам и начинал рассказывать. Горожане слушали, то затаив дыхание, то хохоча во все горло, а потом щедро сыпали мелкие деньги в шляпу рассказчика, которую обносила по рядам ученая обезьяна, волоча по земле пестрые перья. В конце XIII века сюжеты были впервые записаны. Это был анонимный сборник «Novellino», или «Cento novelle antiche».

От «Novellino» через целый ряд сборников, среди которых и «Декамерон», и книга Франко Сакетти, создавалась традиция и наметились некоторые особенности этого уже вполне литературного жанра.

Самая яркая особенность новеллистической литературы — реализм. Горожанин — сам реалист. Ему не нужны никаких чудесных рассказов, которыми увлекаются рыцари. Он не признает действующих лиц как в романах Круглого Стола. Там — лики. Ему нужны лица настоящие, как в жизни. Фантастические новеллы, правда, существуют, но их немного, и в фантастику этих новелл вкраплены многочисленные реалистические штрихи, дающие иной тон всему. Слушатель или читатель сейчас же понимает, что фантастика — просто литературный прием. Она отличается от фантастики рыцарского романа тем, что в нее не верит ни автор, ни его аудитория.

Если говорить об общей житейской философии, которая прово-

дится в новеллах, то ее можно формулировать как прославление удачи. Удача дается энергией, умом, ловкостью, изворотливостью. Удачи никогда не бывает там, где вместо всех этих качеств лень, глупость, ротозейство. Эту житейскую философию создал город, то есть коллектив людей, обладающих всеми необходимыми качествами для удачи. И в рассказах о животных, где прославляется хитроумный Ренар-Лис, и в новеллах, полных насмешки над обманутыми мужьями, над обойденными простаками, — всюду мы встречаем одни и те же максимы, которые в совокупности становятся чем-то вроде системы моральной философии. Это очень реалистическая мораль. Ее категорический императив совсем не похож на кантовский. Десять заповедей и иные канонические системы морали забыты или отрицаются. При охоте за удачей рекомендуется средствами не стесняться. Средства все хороши, лишь бы цель была достигнута. А тот, кто зевает или плохо думает и становится из-за этого жертвою какого-нибудь ловкача, — тот виноват сам, и так, значит, ему и нужно.

В итальянском городе XIV—XV веков не могло быть другой житейской философии, и она достойно завершает ту идеологию, которую мы находим в новелле.

Таковы сюжеты и социальные тенденции новеллы как типичного городского жанра. Поджо усвоил себе и то и другое, потому что сам был типичный горожанин. Но он внес туда и свое. Тут второй вопрос, который возникает при изучении «Фацеций». В чем заключалось то новое, что внес Поджо в городской рассказ? Это была форма. Поджо в двух отношениях отошел от установившейся формы новеллы. Он писал не по-итальянски, а по-латыни и при композиции стремился к предельной краткости.

Предисловие к «Фацециям» объясняет, почему Поджо избрал латинский язык. Он хотел попробовать, можно ли поднять городского жанра — его сюжетом он считал «низменные вещи», *res infimae*, — до той ступени важности, чтобы он не дисгармонировал с латинским языком. И еще: можно ли латинскому языку сообщить такую гибкость, чтобы он оказался способным передавать вульгарную уличную сценку в народном квартале маленького городка, перебранку женщин легкого поведения, эпизоды, связанные с отправлением самых грязных функций организма, — словом, все, что с такой красочностью воспроизводили итальянские новеллы. Поджо чувствовал, что латинский язык эту операцию выдержит, не впадая в пошлость. Именно Поджо, который был чужд идолопоклонства перед античным миром и который при всех своих гуманистических увлечениях не забывал, что довлеет дневи злоба его, который не был ни буквоедом, ни доктринером, мог это почувствовать. Через Поджо итальянская литература попробовала дать толчок к развитию латин-

ского языка, и то, что начали «Фацеции», продолжалось в романе Энеа Сильвио Пикколомини «*Historia de Eurialo e Lucretia*», в стихотворениях Джовиано Понтано, в сочинениях Полициано. Латинский язык, сохраняя всю свою элегантность и лишь отбрасывая преувеличенную риторическую красоту, сделался гибок и эластичен настолько, что стал совершенно свободно говорить о самых современных вещах, о таких, которых римляне не могли даже предчувствовать. Полициано подробно описывал по-латыни часовой механизм.

Латинский язык отчасти сделал обязательной и иную композицию новеллистического материала. Как латинская книга «Фацеции» были опытом. Опыт требовал сдержанности и осторожности. Латинский язык вынуждал на некоторое хотя бы равнение по античной литературной традиции («Апофтегмы» Плутарха, сборник Валерия Максима). Отсюда краткость «Фацеций». Сюжет разворачивается с молниеносной быстротой. Действующие лица в большинстве случаев — если это не исторические персонажи — не удосуживаются получить даже имени, а так и остаются: муж, жена, монах, лодочник, купец. В рассказах нет ничего, кроме самого необходимого для расстановки сюжетных вех. После тех великолепных образцов художественной новеллы, которые дал «Декамерон», где типы психологически разработаны, где ситуации выяснены до конца путем диалогов, где логика душевных движений, приводящая к трагическим или комическим исходам, захватывает, — Поджо свел новеллу к миниатюре, скупой, подчас почти афористичной. Он вытряхнул из нее романтизм, смысл краски и расцветку, оставил один только динамический сгусток сюжета. По сравнению с новеллой — фацеция то же, что острая, с карикатурным уклоном графика по сравнению с колоритной акварелью. Психологическая обрисовка действующих лиц отсутствует. Ее заменяет шаблонный, упорно и бесцветно повторяющийся эпитет — глупый, бестолковый, рассудительный, мудрый, осторожный, милый, — монотонность которого разнообразится время от времени превосходной степенью. Диалог лаконичен до пределов лаконичности: он не всегда успевает принять форму прямой речи и часто остается в рамках неразвернутого конъюнктива косвенной.

Рядом с композиционными и стилистическими особенностями в «Фацециях» бросается в глаза обилие в них, по сравнению с новеллами, всяких сверхъестественных вещей. Несколько фацеций посвящены чудесам, причем старательно подчеркивается, что передают эти рассказы люди, заслуживающие полного доверия. Автор верит не только всем выдумкам о том, что веретено приросло к пальцам девушки, ругнувшей святого, или что косцы, вышедшие на работу в праздник, не могли уйти с поля и были вынуждены мучиться словно в чистилище, но принимает за чистую монету рассказ явного мисти-

фикатора, мошенника, уверявшего и, кажется, уверившего всех, в том числе и «неверного» Поджо, что он два года живет без пищи и питья. И нечистая сила играет в «Фацециях» роль, какой ей не дают новеллы. Тут черти и простые и квалифицированные: оборотни, суккубы и морские чудовища, пожирающие детей, но погибающие в бою с воинственными далматскими прачками. Тут призраки покойников, гуляющие по лесам и поднимающиеся как ни в чем не бывало на воздух, и много вообще всяких несообразностей. Совершенно ясно, что этого рода сюжеты, так резко выпадающие из обычного новеллистического репертуара, обязаны своим возникновением месту: специфически клерикальным настроениям папской курии, где подбирали, особенно при Евгении IV, который верил всем этим небылицам первый, всевозможные чудесные выдумки. Город эти сюжеты отметал, куриалы коллекционировали. А Поджо потом заносил их в свое собрание, чтобы иметь несколько лишних рассказов. Иной характер носят, разумеется, басни о животных, исконная часть городской литературы. Тут никто не выдает за чудо, что лисица или петух разговаривают по-человечески, и все понимают, что это не более как литературный прием.

Разойдясь с новеллой во взглядах на чудесное и сверхъестественное, Поджо не пошел по ее стопам и в области анекдотов, относящихся к историческим лицам недавнего прошлого. Их у него довольно много. Постоянно мелькают и имена живых людей. Это чаще всего друзья: Лоски, Чинчо, Рацелло, Цуккаро, Никколи. Поэтому при них — хвалебные эпитеты, которым превосходная степень не мешает быть однообразными и надоедливymi. Но иногда это и враги вроде Филельфо. Тогда эпитеты выбираются противоположного характера, превосходная степень начинает свирепствовать еще более неудержимо и про людей рассказываются без стеснения всевозможные гадости. Это черта уже чисто гуманистическая. Новелла не знает ее. Она, правда, иногда смеется над живыми людьми. Но пасквилей на них не сочиняет. Гуманисту, привыкшему при перестрелке инвективами не стесняться решительно ничем, кажется вполне естественным приемы пасквиля перенести и в новеллу. Наряду с чудесами, это — вторая черта «Фацейи», уклоняющаяся от традиций типично городского жанра. Та обязана своим происхождением куриальной обстановке, эта — гуманистическим литературным приемам.

Несмотря на все недочеты сюжетного и композиционного характера, «Фацейи» в целом нисколько не компрометируют городской литературы. Ни краткость, ни своеобразие латинской формы, ни шаблонность эпитетов не мешают самому главному. В «Фацециях» типы и образы резко запоминаются. Выпуклость их создается не эпитетом, а либо диалогом, который при всей лаконичности

даст представление об особенностях человека, либо выразительностью эпического приема. Поджо умеет рассказать эпизод так, что всякие эпитеты, особенно отрицательные, становятся излишни, и, если бы он был настоящим художником, он бы это понял. Но Поджо не художник. Он стилист. Это определяет своеобразие «Фацций». Поджо вовсе не собирается протягивать руку к лавровому венку Боккаччо. Он пробует новый стиль, сообразно той особой задаче, которую он себе поставил. У него цель вполне определенная. Он хочет забавлять. Он насмехается над пороками и недостатками, и хотя у многих фацций имеется морализующая концовка, представляющая иногда изящный латинский афоризм, но всегда шаблонная и скучная по содержанию и часто совершенно ненужная, — стремится он не исправлять нравы, а смешить.

Этой цели он достигает вполне, ибо в эту точку бьет у него все — и типы, и ситуации, и диалог. Жертвы его сатиры те же персонажи, что и в новелле, представители классов и профессий, которые враждебны или неприятны буржуазии: рыцари, крестьяне, чиновники и духовенство. Но коллекция духовных лиц у Поджо гораздо богаче, чем в новелле. Кроме монахов всех орденов и священников, папский секретарь сделал предметом смеха многих высших представителей церкви. Епископы и кардиналы, антипапы и папы — если, конечно, папа уже умер — так же остроумно и порою беспощадно высмеиваются, как последний крестьянин. И самая вера католическая, которой служит вся эта разноцветная рать «лицемеров», подвергается поношению без всякой сдержки. Обряды и таинства церкви, над которыми гримасничают, не ощущая никакого благоговения, божье имя, все упоминаемое, явные насмешки над богом, у которого «мало друзей», глумление над реликвиями и их происхождением никак не вяжутся с представлением о Поджо как о человеке, глубоко и искренне религиозном. Недаром в эпоху католической реакции «Фацции», в числе других книг, «вредных» по содержанию, обновили папский Индекс. И недаром же за границу через сто лет после «Фацций» имя их автора в устах защитников католической религии было синонимом безбожника. Инквизиторы понимали в этих вещах толк. Лишь почти неограниченная свобода слова, царившая при широком и просвещенном папе Николае V, дала возможность «Фацциям» получить распространение и завоевать популярность. Папа и сам охотно читал книгу своего друга, весело над ней смеялся и не находил в ней ничего предосудительного. И читали ее все современники, знавшие по-латыни, — а кто тогда не знал латыни в кругах сколько-нибудь зажиточной буржуазии? И читали в подлиннике или в переводах люди следующих поколений. И читают сейчас. И будут читать.

В заключение несколько слов о переводе. Переводчик ни в чем не старался сгладить стилистическую монотонность «Фацций» там, где

она есть. Бесконечное, надоедливое повторение эпитетов осталось в неприкосновенном виде. Неуклюже сопровождающие диалог глаголы: «сказал», «говорил», «говорит», «начал», «стал» — нетронуты. Читатель будет постоянно на них спотыкаться. Но что делать! Это — Поджо.

Сглаживать и смягчать поневоле пришлось в другом. Эротические места иногда совершенно непередаваемы. Ведь есть фации, где главное действующее лицо — анатомический термин. И таких несколько. Эту голую анатомию пришлось одевать настолько, чтобы придать ей, по крайней мере, вид двусмысленности, или вуалировать так, чтобы отнять у нее ее драстическую ясность. Там, где анатомические герои и героини не принимают непосредственного участия, дело казалось проще и смягчение, думается, достигалось легче. В XV веке все эти вещи не моргнув проглатывали как папы, так и молодые девушки, потому что все относились к ним просто. Теперь от них приходится ограждать человечество, без различия пола, возраста и профессии. Времена меняются.

Но главное, конечно, было не в этом. Главное заключалось в том, чтобы передать дух латыни Поджо. Ведь несмотря на заявление о том, что риторические украшения не годятся для «низменных» сюжетов, гуманистические привычки взяли свое, и риторики в «Фациях» оказались сколько угодно. Длинными цicerоновскими периодами с обильными, замысловато подчиненными и соподчиненными придаточными предложениями Поджо любит начинать фацию, если она не очень коротенькая. Но и в середине иной раз в нем вспыхивает темперамент стилиста, и начинает плавно литься цветистая закругленная речь. Если же ему нужно ускорить рассказ, он уснащает его стремительно скачущими одно за другим предложениями в *praesens historicum*, и это дает (например, в фации «Исподни минорита») великолепный «ораторский» эффект.

И чередование мест, простых по стилю, с местами, где идет стиль «украшенный», создает своеобразный затейливый ритм, порою очень заметный. А иногда сугубо упрощенный народный стиль, в котором старик Плавт помогает разговаривать феррарским прачкам и придорожным трактирщикам из Романы, врывается неожиданно, чтобы произвести особый эффект.

Всем этим вещам переводчик старался найти на русском языке адекватное выражение, и не ему судить, насколько это ему удалось.

Так как настоящий перевод представляет собою первую попытку, то переводчик надеется, что к недочетам его работы, которых, конечно, наберется немало, отношение будет не чрезмерно строгое.

А. Дживелегов

ПРЕДИСЛОВИЕ

*О том, чтобы завистники не осуждали «Фацеции»
вследствие недостатка красноречия*

Мне думается, что будет много людей, которые станут осуждать эти наши рассказы как за их легкомыслие и за то, что они недостойны серьезного человека, так и за то, что они хотели бы видеть в них больше словесных украшений и больше красноречия. Если я им отвечу, что мне приходилось читать о том, что наши предки, люди благо-разумные и ученые, находили удовольствие в шутках, играх и побасенках и что за это они получали не упреки, а похвалу, — мне кажется, я сделаю достаточно, чтобы заслужить уважение своих критиков. Ибо какой упрек могу я навлечь на себя за то, что я подражал нашим предкам в этом, если даже не мог подражать им в другом, и провожу время, занимаясь писанием, между тем как другие тратят его в дружеских собраниях и кружках, особенно если мой труд не является чем-нибудь предосуди-тельным и может доставить некоторое удовольствие чита-телям. Ибо вещь почтенная и почти необходимая, — и люди ученые это одобряют, — когда мы стараемся свой ум, обремененный разными мыслями и огорчениями, отвлечь от постоянных забот и направить его с помощью какой-нибудь шутки на отдых и на веселье. А стараться вносить красноречие в вещи низменные или в такие, в которых шутка или чужие слова должны быть схвачены

на лету, было бы слишком скучно. Такие вещи нельзя излагать украшенным стилем. Их нужно передавать так, как они были сказаны лицами, которые действуют в рассказах.

Некоторые, может быть, подумают, что я стараюсь оправдаться вследствие недочетов ума. Я согласен. Пусть люди, которые держатся этого мнения, пересказывают эти мои рассказы более гладким и более украшенным стилем. Я их прошу об этом. Этим они обогатят латинский язык в наш век и сделают его способным передавать сюжеты более легкие. Упражнение в таких писаниях принесет пользу в деле изучения красноречия. Что касается меня, то я хотел попробовать, возможно ли выразить на латинском языке — и не очень нескладно — многое такое, что считается трудным для передачи по-латыни и что не требует никаких украшений, никакого ораторского пафоса. Я буду доволен, если покажется, что я рассказываю не очень неискусно.

Вообще, пусть лучше воздержатся от чтения моих рассказиков, — так мне хочется их назвать, — те, которые представляются чересчур строгими цензорами или чересчур суровыми ценителями. Я хочу, чтобы меня читали люди легкого ума, доступные веселью, как читали в древности Луцилия козентинцы и тарентинцы. Если у моих читателей вкусы окажутся более грубыми, я не мешаю им думать, что они хотят. Лишь бы они не обвиняли автора, который написал все это, чтобы дать отдых своему духу и упражнение своему уму.

I

Об одном бедном матросе из Гаэты

е жители Гаэты, которые принадлежат к народу, стараются заработать себе на существование морским промыслом. Один из них, очень бедный матрос, в течение пяти лет пробыл в море в поисках заработка. Дома у него оставались молодая жена и очень скудная обстановка. Когда он вернулся на родину, то, едва сойдя на берег, поспешил домой, чтобы увидеть жену. А она за это время, отчаявшись вновь увидеть своего мужа, сошлась с другим. Войдя в дом, моряк замечает во многих местах переделки. Дом стал как будто больше и лучше. Удивленный, он спрашивает жену, каким образом их жалкий домишко приобрел такой нарядный вид. Жена тотчас же отвечает, что ей во всем помог бог, всем помогающий. «Благословен будь бог, — сказал муж, — за то добро, которое он нам сделал». Потом он видит спальную комнату, в ней наряд-

ное ложе и другие вещи, более богатые, чем это позволяло состояние жены, и снова спросил, откуда все это. Жена отвечала: «Милостью божией». И снова муж благодарит бога, который был так щедр к нему. Тут ему бросаются в глаза несколько других предметов, которые кажутся ему новыми и непривычными для его дома. Жена опять объясняет это щедростью бога. Пока муж удивлялся изобилию божьей к нему милости, вбегает хорошенький мальчик лет трех и начинает ласкаться к матери, как это делают дети. Увидев ребенка, муж спросил, чей он. И жена ответила, что ее. Удивленный моряк захотел узнать, каким образом в его отсутствие появился ребенок. Жена стала уверять, что и в этом случае все произошло милостью божией. Тогда муж в негодовании оттого, что милость божия изливается на него в столь великом изобилии, что даже рождаются дети, сказал: «Очевидно, я должен очень благодарить бога за то, что он так хорошо позаботился о моих делах». Ему казалось, что божьи заботы зашли слишком далеко, раз в его отсутствие стали появляться дети.

II

О враче, который лечил слабоумных и безумных

Мы разговаривали о бессмысленных заботах, — чтобы не сказать: о глупости, — тех, которые держат собак и соколов для охоты на птиц. Тогда Паоло из Флоренции сказал: «Поделом смеялся над ними безумный из Милана». Мы стали просить его рассказать историю. Он начал: «Был некогда в Милане врач, который пользовал слабоумных и безумных и брался вылечивать пациентов, порученных его заботам, в определенный срок. А лечение его было такое: в его доме был двор, а в этом дворе яма с грязной, вонючей водой. Сумасшедших, которых к нему приводили, он сажал голыми в эту лужу и привязывал к столбу. Одни погружались до колен, другие до подмышек, некоторые еще глубже, смотря по характеру болезни. Он гноил их голодными в воде до тех пор, пока они не казались выздоровевшими. Между другими к

нему привели однажды безумного, которого он погрузил в воду до бедер и который через две недели начал приходить в себя и стал просить врача, чтобы он извлек его из воды. Тот избавил его от мук, с тем, однако, условием, чтобы он не выходил за пределы двора. Больной повиновался. Через несколько дней он ему позволил ходить по всему дому, с тем, чтобы он не переступал порога двери, выходящей на улицу. Остальные его товарищи, которых было много, продолжали оставаться в яме. Больной строго подчинялся указаниям врача.

Однажды, когда он стоял на пороге двери и не решался выйти на улицу из страха перед ямою, мимо дома проезжал молодой всадник с соколом на руке и двумя собаками из породы тех, которые зовутся охотничьими. Больной стал звать его к себе. Ему все казалось новым, ибо он не помнил уже того, что видел раньше, пока был болен. Когда молодой человек подъехал, безумный ему сказал: «Эй, послушай минутку, прошу тебя: объясни, пожалуйста, что за штука, на которой ты едешь, и для чего она тебе?» — «Это лошадь, — отвечал тот. — На ней я езжу на охоту». — «А то, что ты держишь на руке, как это называется и для чего оно?» — «Это сокол, он обучен охоте на перепелок и куропаток». — «А те, что за тобой бегут, что за звери и что они делают?» — «Собаки, они обучены выслеживать птиц на охоте». — «А те птицы, для охоты на которых понадобилось столько вещей, какова им цена, если подсчитать все, что ты добываешь охотою за год?» — «А я не знаю, — ответил юноша, — думаю, что не больше шести дукатов». — «А сколько стоит лошадь, собаки и сокол?» — «Дукатов пятьдесят». Тогда, удивленный глупостью молодого охотника, безумец воскликнул: «О, уходи скорее, прошу тебя, беги, пока не вернулся домой наш доктор. Потому что, если он найдет тебя тут, он сочтет тебя за самого большого безумца из всех людей и, чтобы тебя вылечить, посадит в лужу, где сидят остальные больные, и вдобавок в самое глубокое место, так что ты будешь погружен по самый подбородок». Этим он хотел показать, что охота самое большое безумие. Только изредка для людей богатых она может служить телесным упражнением».

III

О Боначчо деи Гуаски, который вставал поздно

Боначчо, остроумный молодой человек из фамилии Гуаски, который был вместе с нами в Констанце, вставал с постели очень поздно. Когда его товарищи упрекали его за лень и спрашивали, что он делает так долго в постели, он отвечал им, улыбаясь: «Я слушаю судебное состязание. Каждое утро, как только я просыпаюсь, ко мне являются две фигуры в женском одеянии — Прилежание и Лень. Одна убеждает меня вставать, работать, не терять моего дня в постели. Другая ей возражает и уговаривает меня оставаться в тепле моего ложа, ибо на дворе сильный холод, телу нужно давать покой и невозможно все время работать. Первая вновь излагает свои доводы. Пока они все спорят и пререкаются, я, как беспристрастный судья, не склоняюсь ни в ту, ни в другую сторону. Я слушаю их спор и жду, пока они придут к согласию. Вот почему я встаю поздно: я жду конца спора».

IV

О еврее, которого убедили принять христианство

Одного еврея уговаривали обратиться в христианскую веру, но он не мог решиться расстаться со своим имуществом. «Отдайте его бедным, — говорили ему, — ибо, согласно евангельскому слову, которое есть истина, вам воздастся во сто крат». В конце концов он дал себя убедить, принял христианство и роздал свое имущество нищим. После этого в течение месяца то один, то другой из христиан наперерыв звали его к себе. Всюду его ласкали и хвалили за то, что он сделал. А он, живя изо дня в день, все ждал, когда, согласно обещанию, ему воздастся сторицею. Скоро людям надоело кормить его, приглашения становились редки, и он дошел до такого жалкого состояния, что ему пришлось обратиться в какой-то приют. Там он заболел кровотечениями из задней части,

которые довели его до последней степени истощения. Он потерял надежду на излечение, а также и на то, что ему когда-нибудь воздастся во сто крат. Однажды, когда болезненные ощущения гнали его на воздух, он встал с постели и отправился на соседний лужок, чтобы облегчить себе желудок. Удовлетворив нужду, он принялся искать кругом пучок травы, чтобы утереть себе зад, и случайно наткнулся рукой на сверток из материи, полный драгоценных камней. Разбогатеv, он обратился за советом к врачам, выздоровел, купил себе дом, имение и зажил с тех пор в величайшем довольстве. И все ему говорили: «Ну вот, разве мы не правильно предсказывали тебе, что господь воздаст тебе во сто крат?» — «Воздать воздал, — отвечал тот; — но перед этим он допустил, чтобы я изошел кровью через зад чуть не до последнего издыхания». Это говорится о тех, кто медленно оказывает благодеяние или медленно отплачивает за сделанное ему добро.

V

Епископ верхом

Я шел однажды в папский дворец. Тут же проезжал верхом один из наших епископов и, по-видимому, погруженный в заботы, не заметил, как кто-то обнажил голову, чтобы его приветствовать. А тот решил, что это было сделано из гордости или высокомерия. «Этот, — сказал он, — не оставляет половины своего осла дома. Он тащит его с собою целиком». Он хотел этим сказать, что только ослы не отвечают на приветствия.

VI

Замечание Цуккаро

Однажды Цуккаро, остроумнейший человек на свете, и я проезжали через какой-то город и попали в место, где справлялась свадьба. Это было на другой день после

того, как молодая вступила под супружеский кров. Мы остановились на некоторое время, чтобы посмотреть, как танцуют мужчины и женщины. Тогда Цуккарро сказал, смеясь: «Тут совершилось сочетание, а у меня уже давно расточение»¹. Это была шутка на его собственный счет, ибо он, распродав отцовское имущество, растратил его в пирах и в игре.

VII

Об одном подесте

Некий подеста², посланный во Флоренцию, в день своего приезда собрал почетных людей города в соборе и произнес им обычную речь, длинную и скучную. Чтобы поднять свое значение, он начал с того, что был сенатором в Риме. Все, что он там делал, все, что другие делали и говорили для его прославления, было очень пространно изложено. После этого он подробно рассказал о своем отъезде из Рима и о своей свите, о пути; что в первый день он доехал до Сутри, причем было передано очень подробно, что он там делал. Дальше следовало повествование день за днем, куда он приезжал, где его принимали, что им было совершено. Говорил он несколько часов и еще не добрался до Сиены. Все были в полном изнеможении от этого бесконечного и невыносимого перечисления. Конца не было видно, и казалось, что весь день пройдет в этих рассказах. Приближалась ночь. Тогда один из присутствующих, наклонившись к уху подесты, сказал ему шутки ради: «Господин, час поздний, ускорьте ваше путе-

---

¹ Здесь в оригинале непере译имый каламбур: «*matrimonium consumarunt, ego jam patrimonium consumpsi*», то есть «тут брак совершили фактически (жена ведь провела ночь под супружеским кровом), а я растратил имущество».

² Подеста — должность, появившаяся во второй половине XII века в очень многих городах северной и средней Италии. Она характеризует так называемое «второе устройство» итальянских городов. Первые подесты были посажены в Ломбардии Фридрихом Барбароссой. Позднее должность эта стала выборной. На нее избирался на полугодовой срок непременно чужеземец. Подесте принадлежала высшая судебная и военная власть в городе.

шествие. Ибо если сегодня вы не вступите во Флоренцию, вы потеряете должность, потому что вы должны приступить к исполнению ваших обязанностей сегодня». Услышав это, подеста, глупый и многоречивый, сказал наконец, что он прибыл во Флоренцию.

VIII

О жене, которая обманула своего мужа

Пьетро, мой земляк, рассказал мне однажды забавную историю, которая рисует очень хорошо женскую хитрость. У него были делишки с женою крестьянина, не очень умного, который часто проводил ночь в поле, чтобы избежать своих кредиторов. Однажды, когда Пьетро был с его женой, в сумерках явился муж, которого не ждали. Женщина быстро спрятала любовника под постель и, обратившись к мужу, принялась бранить его за то, что он пришел: «Неужели ты хочешь попасть в тюрьму? Только что люди подесты обыскали весь дом, чтобы найти тебя и увести в тюрьму. Я им сказала, что ты обыкновенно проводишь ночь вне дома. Они ушли, но обещали скоро вернуться». Крестьянин, испуганный, попробовал убежать, но городские ворота уже были закрыты. Тогда жена сказала ему: «Что ты делаешь, несчастный! Если ты попадешься, все будет кончено». И когда он, дрожа, просил совета у жены, она сказала, скорая на хитрую выдумку: «Полезай в эту голубятню. Ты там пробудешь ночь, я запру дверь снаружи и уберу лестницу. Никому не придет в голову, что ты там». Он последовал совету жены. Она заперла дверь, чтобы муж не мог выйти, убрала лестницу и вывела из убежища любовника, который стал разыгрывать роль полицейских служителей, будто бы вернувшихся вновь. Он поднял страшный крик, а жена делала вид, что защищает своего мужа. Несчастный дрожал от страха, спрятавшись наверху. Наконец шум унялся, жена и любовник, вернувшись в комнату, посвятили ночь Венере. Муж притаился среди голубей и их помета.

IX

О священнике, который не знал дня вербного воскресенья

Аэлло — одно из наиболее серых местечек в глуши наших Апеннинских гор. Был там священник, еще более грубый и невежественный, чем остальные жители. Так как он не знал ни дней, ни времен года, он даже не объявил своим прихожанам о посте. Но побывав в Терранове на ярмарке, которая бывает накануне вербного воскресенья, он увидел, что духовенство готовит для следующего дня пальмовые и оливковые ветви. Он спросил, удивленный, что это означает, и понял свой промах; ибо пост прошел и не был соблюден его прихожанами. Вернувшись в свой городок, он и сам стал готовить пальмовые и оливковые ветви на следующий день и, созвав народ, сказал: «Сегодня день, в который, согласно обычаю, нужно раздавать оливковые и пальмовые ветви. Через неделю будет Пасха. Значит, у нас остается восемь дней на то, чтобы предаваться покаянию. Наш пост будет короток в этом году, и вот тому причина. Масленица в этом году пришла медленно и поздно. Она опоздала из-за того, что снега и дурные дороги мешали ей перебраться через горы. Поэтому и пост подвигался затрудненным и медленным шагом и не мог привезти с собою больше одной недели: другие остались у него в дороге. Итак, в те немногие дни, что пост будет с вами, исповедуйтесь и предавайтесь покаянию все».

X

О крестьянах, которых спросили, хотят ли они Христа живого или мертвого

Из того же городка были отправлены в Ареццо люди, которым поручили купить деревянное распятие для местной церкви. Они пришли к мастеру, который, слушая их и видя, что имеет дело с людьми грубыми и бестолковыми, спросил у них смеха ради, какого они хотят Христа,

живого или мертвого, на распятии. Они, поразмыслив некоторое время и посоветовавшись между собою тайком от мастера, объявили, что предпочитают, чтобы он был живой, потому что, если это не понравится народу, они его сейчас же убьют.

XI

О том, что сказал повар славному миланскому герцогу

Бывший герцог Миланский¹, обладавший во всем большим вкусом, держал отличного повара, которого посылал во Францию для того, чтобы он научился там готовить тонкие соусы. Во время тяжелой войны с флорентийцами к герцогу однажды прибыл вестник с дурными известиями и очень взволновал его. Когда после этого ему подали к столу кушанья, они показались ему невкусными. Он не стал их есть, говоря, что они плохо приготовлены. И, призвав повара, стал его упрекать в том, что он не знает своего дела. Повар обладал хорошо подвешенным языком и сказал герцогу: «Неужели я виноват в том, что флорентийцы отняли у вас аппетит и вкус? Мои блюда превосходны и приготовлены с полным знанием дела. А волнуют вас и отбивают аппетит флорентийцы». Герцог, который был человеком остроумным, засмеялся по поводу смелой шутки своего повара.

XII

Слова того же повара к тому же государю

Тот же повар во время войны с Флоренцией пошутил еще раз за столом герцога, когда увидел его однажды

---

¹ Речь идет о последнем из Висконти, Филиппо Мария, упорном враге Флоренции (умер в 1447 г.). После трехлетнего перерыва (республика) герцогом стал муж дочери Филиппо Мария, знаменитый кондотьер Франческо Сфорца. К Поджо Филиппо Мария относился милостиво и однажды даже обратился к нему как к представителю флорентийского общественного мнения с политическим посланием, на которое Поджо отвечал.

озабоченным и погруженным в беспокойные думы. «Как не кручиниться герцогу, — сказал он, — когда он хочет свершить две невозможные вещи: не иметь границ и откормить Франческо Барбавару, человека богатого и горящего величайшей жадностью». Этими словами повар вышучивал одновременно неумеренную жажду власти герцога и ненасытную жадность Франческо к богатству и должностям.

XIII

Просьба того же повара к герцогу

Этот же повар, видя, как множество людей обращались к герцогу с просьбами о различных милостях, попросил однажды герцога, сидевшего за обедом, чтобы он обратил его в осла. Герцог, удивленный и не понимающий, что означает эта просьба, спросил его, почему он предпочитает быть ослом, а не человеком. «Потому что, — ответил повар, — я вижу, что все, которых вы возвысили и осыпали почестями и должностями, наполняются гордостью и важностью и от высокомерия превращаются в ослов. Вот потому и я хочу, чтобы вы меня сделали ослом».

XIV

О Джаноццо Висконти

Антонио Лоски¹, человек очень ученый и остроумный, когда один его знакомый показал ему письмо, предназначенное для отправки к папе, посоветовал внести в текст

---

¹ Антонио Лоски — миланский гуманист, долгое время бывший вместе с Поджо папским секретарем, один из главных поставщиков рассказов для «Фацций». Он был вместе с Рацелло главою миланской партии в курии. Обладал огромной ученостью и большим литературным талантом, но значительных трудов, которые могли бы идти в сравнение с трудами Поджо, не оставил.

кое-какие исправления и изменения. Тот на другой день принес Лоски то же письмо, в том же виде, как будто оно было уже исправлено. Лоски, взглянув на него, сказал: «Не считаешь ли ты меня за Джаноццо Висконти?» Когда мы стали его спрашивать, что он хочет этим сказать, он ответил: «Джаноццо когда-то был подестой у нас в Виченце. Человек он был хороший, но тяжелый и телом и умом. Он часто призывал секретаря и поручал ему написать письмо прежнему герцогу Миланскому¹. Малую частицу его, заключающую церемониальное словесное вступление, диктовал он сам. Остальное поручал секретарю, который потом и приносил законченное письмо. Джаноццо принимался читать и сейчас же находил письмо нескладным и бестолковым. «Плохо написано, — говорил он. — Возьми и исправь». Секретарь, который знал глупые замашки своего господина, возвращался некоторое время спустя, приносил письмо без малейших изменений и говорил, что оно исправлено и переписано. Джаноццо брал его, как бы для того, чтобы прочесть, и, бегло взглянув, говорил: «Ну, вот, теперь хорошо. Пойди приложи печать и отправь к герцогу». Это повторялось со всеми его письмами.

XV

О портном Висконти — для сравнения

Папа Мартин² поручил Антонио Лоски составить одно письмо. Прочитав его, папа приказал дать его на просмотр одному из моих друзей, к которому питал большое доверие. Тот в это время находился за столом и, разгоряченный вином, забраковал письмо целиком и сказал, что его нужно написать по-другому. Тогда Антонио сказал Бартоломео деи Барди³, который был тут же: «Я

---

¹ То есть тому же Филиппо Мария.

² Папа Мартин V (Оддо Колонна, 1417—1431) был первым папой после великого раскола. При нем впервые стала налаживаться как хозяйственная, так и культурная жизнь в Риме, причем интересы церкви откровенно приносились в жертву интересам папского государства, жадности папы и его феодальной родни.

³ Один из служащих в курии, папский депозитарий, член знатной и богатой флорентийской семьи, большой друг Поджо, вместе с которым возглавлял в курии флорентийскую партию.

исправлю письмо так же, как портной Джана Галеаццо Висконти¹ исправил его шаровары. Завтра я приду к этому пьянице раньше, чем он успеет наесться и выпиться, и письмо окажется великолепно». Бартоломео спросил его, что это означает, и Лоски рассказал: «Джан Галеаццо Висконти, отец прежнего герцога Миланского, был человек высокого роста, крупного телосложения и очень толстый. Когда он, как это часто бывало, набивал себе живот большим количеством пищи и напитков и отправлялся спать, он приказывал позвать своего портного, осыпал его ругательствами, упрекал его в том, что он чересчур обузил шаровары, и заставлял его выпустить их, чтобы они стали удобны. «Будет сделано согласно вашему приказанию, — говорил портной. — Завтра все будет великолепно». Он брал с собой одежду, бросал ее на вешалку, не меняя в ней ничего. Ему говорили: «Почему же ты не хочешь выпустить шаровары, которые так жмут толстое брюхо герцога?» — «Завтра, — отвечал он, — когда господин наш встанет, у него совершится пищеварение и он обильно облегчит свой желудок, одежда станет ему совсем просторна». Утром он приносил шаровары к герцогу. Тот их надевал и говорил: «Ну вот теперь они сидят очень хорошо и не жмут нигде». Антонио был уверен, что совершенно так же понравится его письмо, когда испарятся винные пары.

XVI

Жалоба, принесенная Фачино Кане по поводу грабежа

Некто принес жалобу Фачино Кане², который был человеком чрезвычайно жестоким и в то же время одним

---

¹ Племянник Бернабо и отец Филиппо Мария, первый герцог Миланский, настоящий завершитель здания миланской тирании, строитель Чертозы в Павии. Это был крупнейший из северных государей Италии. Он сокрушил владычество дома делла Скала в Вероне и Каррара в Падуе, захватив их территории. Его владения простирались от границ Пьемонта (Верчелли) до Адриатического моря. Правил от 1385 до 1402 г.

² Один из кондотьеров XV века. Воспитывался в школе Джана Галеаццо Висконти, после смерти которого захватил часть его владений в Ломбардии (Александрия и пр.). Его тирания кончилась с его смертью. Филиппо Мария Висконти унаследовал и его великолепную маленькую армию, и его владения.

из лучших полководцев нашего времени, по поводу того, что один из солдат Фачино отнял у него на улице плащ. Фачино, посмотрев на него и увидев, что на нем надета очень хорошая куртка, спросил, был ли он в момент грабежа в этой одежде. Тот отвечал утвердительно. «Иди вон, — сказал Фачино, — тот, о ком ты говоришь, никак не может быть моим солдатом. Ибо ни один из моих не оставил бы на тебе такой хорошей куртки».

XVII

Обращение кардинала к папским солдатам

Испанский кардинал командовал в Пичено войсками против врагов папы. Однажды обе армии встретились, и папским солдатам предстояло победить или быть разбитыми. Кардинал многими словами воодушевлял солдат к битве, утверждая, что павшие в сражении будут обедать с богом и его ангелами и что все грехи будут им прощены. Этим он думал заставить солдат смелее идти навстречу смерти. Кончив свои уговоры, он выбрался из сражения. Тогда один из солдат спросил: «А почему же ты не хочешь пообедать вместе с нами?» — «Потому что, — отвечал кардинал, — час моего обеда не настал. Мне еще есть не хочется».

XVIII

Ответ патриарху

Патриарх иерусалимский, который управлял всей апостолической канцелярией, созвал однажды адвокатов, чтобы обсудить какой-то вопрос, и некоторых из них осыпал — не помню какими — резкими упреками. Один из них, Томмазо Бирако, отвечал за всех в очень свободном тоне. Тогда патриарх крикнул ему: «Дурная голова!» Бирако, который был скор на ответ и обладал большим остроумием, возразил: «Правильно вы говорите и верно:

нельзя сказать лучше, ибо, если бы у меня была голова хорошая, дела наши были бы в лучшем состоянии и не было бы необходимости в этом споре». — «Значит, ты винишь самого себя», — сказал патриарх. А тот в ответ: «Не себя, а голову». Так остроумно вышутил Бирако самого патриарха, который был главою всех адвокатов и голову которого находили немного крепкой.

XIX

О папе Урбане VI

Другой слегка пошутил над Урбаном VI, который недавно был папою¹. Однажды, когда он немного резко возражал папе, тот ему сказал: «У тебя дурная голова». — «Вот это самое говорят о вас в народе, святой отец», — был ответ.

XX

О священнике, который вместо облачения принес епископу каплунов

Епископ Ареццо, по имени Анджело, которого мы знали, созвал однажды свое духовенство на собор и приказал всем, имевшим церковные должности, ехать туда, захватив с собою облачение, которое по-итальянски называется *sarre e cotte*. Один священник, у которого не было этого облачения, грустно сидел у себя, не зная, откуда его достать. Служанка, которую священник держал в доме, видя, что он сидит задумавшись и с опущенной головой, спросила о причине его огорчения.

---

¹ Урбан VI (Бартоломео Приньяно) был папою в 1378 — 1389 гг., после Григория XI. При нем началась великая схизма из-за того, что на конклаве, который происходил в Риме, папою, под давлением народа, был избран итальянец, а французские кардиналы его не признали и выбрали другого, Климента VII.

Священник ей объяснил, что, согласно приказу епископа, он должен отправиться на собор, захватив облачение. «Нет же, добрый мой господин, — заметила она, — вы неправильно поняли смысл этого приказа. Ибо епископ требует, чтобы вы захватили с собою не облачение, а жареных каплунов»¹. Священник последовал совету женщины. Он взял с собою жареных каплунов и был очень хорошо принят епископом, который, смеясь, сказал, что этот священник понял смысл его приказа гораздо правильнее, чем остальные.

XXI

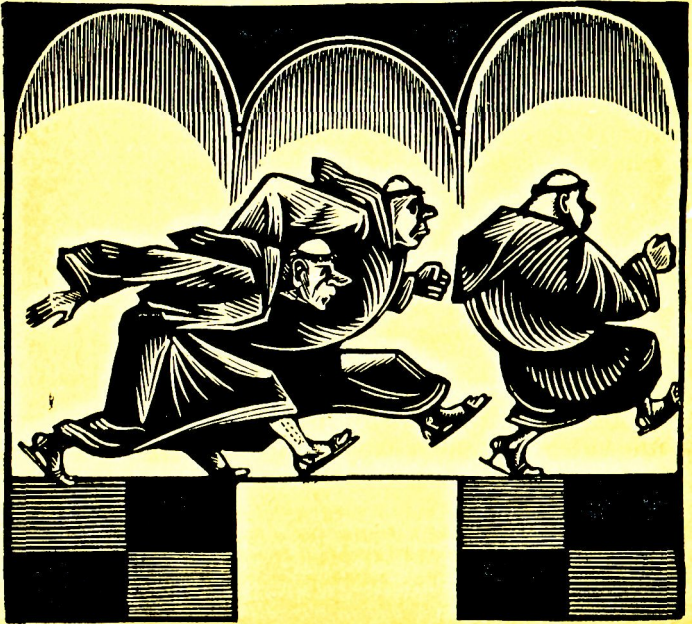
О друге моем, который огорчился, что ему предпочитают людей менее достойных

В римской курии почти всегда царит фортуна и очень редко прокладывают себе путь талант или добродетель. Всего можно добиться настойчивостью или счастливым случаем, не говоря о деньгах, которые царят повсюду на земле. Один из моих друзей, видя с огорчением, что ему предпочитают людей, которые гораздо ниже его и по знаниям, и по нравственным качествам, жаловался на это Анджелотто², который был кардиналом св. Марка. Он говорил, что никто не хочет обращать внимания на его достоинства и что людей, которые ни в каком отношении не могут с ним равняться, ставят выше его. Он вспоминал о своем учении и о трудах, на это учение положенных. Кардинал, который был скор на насмешку над пороками курии, сказал: «Здесь ни наука, ни ученость не помогают. Но потерпи и потрать некоторое время на то, чтобы разучиться тому, что ты знаешь, и научиться порокам. Тогда ты встретишь хороший прием у папы».

---

¹ Непереводаемый каламбур: облачение — *sarpe e cotte*, каплуны жареные — *sarponi cotti*.

² Анджелотто Фоски (латинизир. Фуско), сначала епископ Кави, потом кардинал св. Марка, — один из постоянных предметов нападок со стороны Поджо, который терпеть его не мог, хотя поздравлял его с назначением в 1431 г. Анджелотто был скуп до скверности, злоязычен и неуживчив. Начало вражды между Поджо и Фоски относится к тому времени, когда оба были секретарями курии.

XXII

Женщина на берегу По

Две женщины из числа тех, которые предлагают себя нуждающимся в них, ехали на барке в Феррару вместе с несколькими служащими папской курии. На берегу По стояла женщина, которая, увидя куртизанок, сказала клирикам: «Глупые, неужели вы думаете, что в Ферраре не хватит для вас блудниц? Их там больше, чем порядочных женщин в Венеции».

XXIII

Об аббате Сеттимо

Аббат из Сеттимо, человек грузный и толстый, ехал однажды вечером во Флоренцию. По дороге он спросил у одного крестьянина: «Как ты думаешь, проеду я в ворота?» Аббат подразумевал, что успеет ли он добраться до города прежде, чем ворота будут закрыты. Крестьянин, шутливо намекая на толщину аббата, ответил ему: «Ничего, телега с сеном проходит, проедете и вы».

XXIV

О сестре констанцкого гражданина, которая забеременела

Чтобы показать, какого рода свободы добивались многие во время Констанцкого Собора¹, один благород-

---

¹ Констанцкий Собор (1414—1418), созванный для ликвидации великого церковного раскола, привлек в стены маленького немецкого городка огромное количество интернациональной в полном смысле слова публики, главным образом духовного звания. О нравах, там царивших, достаточно красноречиво говорит тот факт, что в городе в эти годы одних официально зарегистрированных женщин легкого поведения было 1500. «Про тайных я не говорю», — прибавляет автор записи.

ный епископ из Британии рассказал в многолюдном собрании прелатов такой факт. «Был, — сказал он, — в Констанце гражданин, незамужняя сестра которого забеременела. Когда размеры живота выдали все брату, он, схватив шпагу и делая вид, что хочет нанести ей удар, стал спрашивать, что это и откуда произошло. Тогда девушка в страхе стала кричать, что это дело Собора и что она от него сделалась беременной. Услышав это, брат из страха и уважения к Собору оставил сестру безнаказанной. В то время как другие требовали свободы в иных делах, Собор предпочитал свободу в делах любовных».

XXV

Слова императора Сигизмунда

Кто-то жаловался перед императором Сигизмундом¹, что на Констанцском Соборе отсутствует свобода. Император ему сказал: «Если бы здесь не было полной свободы, ты бы не говорил так свободно». Ибо свобода слова есть признак большой свободы.

XXVI

Слово римского священника Лоренцо

В тот день, когда римлянин Анджелотто был папою Евгением² сделан кардиналом, некий священник, по имени Лоренцо, вернулся к себе домой веселый, лику-

---

¹ Императора Сигизмунда, короля Венгрии и Германии, хорошо знали итальянцы, потому что им был создан Констанцкий Собор, решавший дела о великом церковном расколе. Родился в 1368 г., король Венгрии с 1386 г., король Германии с 1410 г., император с 1433 г. Умер в 1437 г.

² Папа Евгений IV (1431—1447) был преемником Мартина V. В его курии служили наиболее видные гуманисты первой половины XV в. Но истинные симпатии Евгения были на стороне монахов разных орденов, которые окружали его плотной стеной и в значительной мере направляли его политику.

ющий, с радостным смехом. Когда соседи спросили, какая новость приводит его в такое веселое настроение, он сказал: «Очень все хорошо. Я в великой надежде, ибо сумасшедшие и дураки начинают становиться кардиналами. Анджелотто дурее меня. Значит, и я скоро сделаюсь кардиналом».

XXVII

Разговор Никколó из Ананьи

Почти в тех же выражениях Никколó из Ананьи смеялся над папой Евгением, который, говорил он, больше всего покровительствует глупцам и невеждам. Нас много народу собралось во дворце. Как всегда, мы разговаривали о том и о другом. Некоторые из нас сокрушались по поводу несправедливости судьбы и жаловались, что фортуна к нам чрезвычайно неблагоприятна. Тогда Никколó, муж очень ученый, одаренный легким умом и острым языком, сказал: «Нет никого на свете, кому фортуна была бы более враждебна, чем мне. Теперь у нас царство глупости. Каждый день мы видим, что все глупцы и безумцы получают большие должности и места, даже Анджелотто. Из всех глупцов один я ничего не получил. Только ко мне фортуна оказалась так неблагоприятна».

XXVIII

О чуде

Природа в этом году произвела в разных местах много чудовищ. На территории Синигалии, в Пичено, корова родила дракона поразительной величины. Его голова была больше, чем голова теленка, шея длиною в локоть, тело такой же толщины, как у собаки, но продолговатое. После того, как корова его родила, она обернулась, посмотрела на него, испустила громкое мычание и в ужасе хотела бежать. Но дракон вдруг поднялся, обвился

хвостом вокруг ее задних ног, приложился ртом к вымени и высосал все молоко, которое у нее было. Потом он выпустил корову и скрылся в соседнем лесу. Вымя и то место на ногах, которое было обвито драконовым хвостом, долго оставались черными и как бы сожженными. Пастухи, к стаду которых принадлежала эта корова, уверяют, что они видели это чудо. После этого у коровы родился обыкновенный теленок. Все это рассказано в письме, полученном в Ферраре.

XXIX

Другое чудо, рассказанное Уго из Сиены

Знаменитый Уго из Сиены, первый из врачей нашего времени, рассказывал мне, что в Ферраре родилась кошка о двух головах и что он ее видел.

XXX

Еще одно чудо

Достоверно также, что в июне месяце на падуанской территории родился теленок о двух головах и об одном теле; у него передние и задние ноги были двойные, хотя и соединенные между собой. Это чудо возили и показывали за деньги, и многие утверждают, что его видели.

XXXI

Еще чудо

Известно также, что в Феррару доставлено было изображение чудовища, найденного недавно на берегах Далмации. До пупка оно имело человеческое тело, ниже

рыбье, и эта нижняя часть, рыбоподобная, на конце была раздвоенная. Борода у чудовища была длинная, что-то вроде рогов росло поверх ушей; у него были толстые груди, широкий рот, руки о четырех лишь пальцах; от кистей до подмышек и до нижней части живота тянулись плавники, при помощи которых чудовище плавало. Поймали его, говорят, таким образом: несколько женщин находились на берегу и полоскали белье. К одной из них, как рассказывают, приблизилось чудовище в поисках пищи, схватило ее руками и пыталось потянуть за собой. Женщина стала сопротивляться, ибо вода у берега была неглубокая, и, подняв громкий крик, стала звать на помощь других. Сбежалось еще пять женщин, и, так как чудовище вследствие недостаточной глубины не могло уплыть, они убили его палками и камнями. Когда его вытащили на берег, немалый страх причинял он тем, кто его видел. Тело его было немного длиннее и полнее, чем человеческое. Я видел его изображение из дерева, привезенное к нам в Феррару. То, что он напал на женщину вследствие голода, доказывается тем, что в разное время несколько мальчиков, отправившись купаться у морского берега, больше не вернулись. Думают теперь, что они были схвачены и убиты этим чудовищем.

XXXII

Острое слово одного актера о папе Бонифации

Папа Бонифаций IX¹ был родом неаполитанец, из фамилии Томачелли. А на итальянском языке *tomacelli* называется колбаса из мелко рубленной и завернутой в нутряное свиное сало свинины. На второй год своего понтификата Бонифаций отправился в Перуджу. С ним вместе были его братья и многие родственники этой же фамилии, которые, как бывает, собрались вокруг него в погоне за богатством, именьями и наживой. Любопытные спрашивали имена тех, которые входили в папскую

---

¹ Второй папа эпохи раскола, преемник Урбана VI, был папою с 1389 по 1404 г.

свиту. И то один, то другой отвечали: «Это Андреа Томачелло» или «Это Джованни Томачелло». Так называли по имени многих Томачелли. Тогда один шутник воскликнул: «Ох, и здоровая же печенка была у той свиньи, что из нее вышло столько Томачелли, и таких огромных».

XXXIII

О священнике, который похоронил собачку

Был в Тоскане деревенский священник, очень богатый. Когда у него умерла любимая собачка, он похоронил ее на кладбище. Об этом услышал епископ и, покушаясь на деньги священника, вызвал его к себе, чтобы наказать его, как если бы он совершил большое преступление. Священник, который хорошо знал характер своего епископа, отправился к нему, захватив с собою пятьдесят золотых дукатов. Епископ, сурово упрекая его за то, что он похоронил собаку, приказал вести его в тюрьму. Но хитрый священник сказал епископу: «Отец, если бы вы знали, какая умная была моя собачка, вы бы не удивлялись, что она заслужила погребение среди людей. Ибо она обладала умом более чем человеческим как при жизни, так и в момент смерти». — «Что это значит?» — спросил епископ. «Под конец жизни, — сказал священник, — она составила завещание и, зная вашу нужду, отказала вам, согласно этому завещанию, пятьдесят золотых дукатов. Я их привез с собою». Тогда епископ, одобрив и завещание и погребение, принял деньги и отпустил священника.

XXXIV

О тиране, который несправедливо обвинил богатого человека

В Пичено, в городке Чинголи, жил очень богатый человек. Местный тиран¹, узнав об этом и желая отобрать

---

¹ Тиранами, по образцу греческих, называли монархов отдельных итальянских городов, силою захвативших в них власть.

его деньги, стал искать повода для обвинения, которое позволило бы ему добраться до имущества богача. Призвав его к себе, тиран объявил ему, что он обвиняется в оскорблении величества. Тот стал доказывать, что не сделал ничего, что было бы направлено против власти или достоинства тирана. Но тиран не хотел ничего слушать и в конце концов объявил, что купец приговорен к смерти. Когда несчастный стал спрашивать, за какие же деяния грозит ему смерть, тиран сказал: «Ты укрывал в своем доме моих врагов и супостатов, которые составили против меня заговор». Тут купец наконец понял, что покушаются на его деньги, и, предпочитая сохранить жизнь, чем имущество, сказал тирану: «Правду говорите вы, господин. Но пошлите со мною нескольких ваших солдат, и я сейчас же выдам вам этих ваших врагов и супостатов». Ему дали в провожатые нескольких стражников, он их привел домой, подвел к сундуку, в котором находились деньги, и, открыв его, сказал: «Берите их скорее, ибо это не только враги и супостаты нашего синьора, но и мои». Отдав тирану деньги, человек избежал какого бы то ни было наказания.

XXXV

О монахе, который произнес очень короткую проповедь

В одном из наших горных городов множество людей из разных мест собрались на праздник. Был день св. Стефана. Один монах должен был сказать народу проповедь. Час был поздний. Священники были голодны и боялись, что проповедь протянется долго. В тот момент, когда монах поднимался на кафедру, сначала один священник, потом другой подошли к нему и стали шептать ему на ухо, чтобы он говорил короче. Тот дал себя убедить очень легко и, сказав несколько вступительных слов, как он это делал обыкновенно, продолжал так: «Братья, в прошлом году на этом самом месте в вашем присутствии я говорил вам о святой жизни и чудесах этого нашего святого. Я не опустил ничего из того, что я слышал о нем и что говорится о нем в книгах Священ-

ного писания. Я думаю, что все это вы помните. Так как с тех пор, как я узнал, он не сделал ничего нового, то осените себя крестным знамением и прочтите молитву покаяния и те, что за нею следуют». Сказав это, он удалился.

XXXVI

Забавный совет Миначчо одному крестьянину

Один крестьянин влез на каштановое дерево, чтобы отрясти с него плоды, свалился и сломал себе ребро. К крестьянину подошел, чтобы его утешить, некий Миначчо, человек очень остроумный, и, разговаривая с ним, сказал, что сообщит ему правило, соблюдая которое, он никогда не свалится с дерева. «Лучше бы ты сообщил мне его раньше, — заметил крестьянин. — Но оно пригодится мне, по крайней мере, на будущее время». Тогда Миначчо ему сказал: «Следи всегда за тем, чтобы спускаться не быстрее, чем поднимаешься, а спускайся так же медленно, как поднимаешься. Если ты будешь соблюдать это правило, ты не свалишься никогда».

XXXVII

Ответ того же Миначчо

Тот же Миначчо проиграл, играя в кости, кое-какие деньжонки и одежду. Так как он был беден, то он сел у дверей одной таверны и стал плакать. Один из его друзей, увидав его грустным и в слезах, спросил: «Что с тобою?» — «Ничего», — ответил Миначчо. — «Почему же ты плачешь, если у тебя ничего?» — «Потому-то и плачу, что у меня ничего». Друг, удивленный, настаивал: «Чего же ты, в конце концов, плачешь, если у тебя ничего?» — «Вот по той именно причине, что у меня ничего». Друг думал, что Миначчо плакал, хотя ничего его к этому не побуждало, а Миначчо плакал оттого, что у него из-за игры ничего не осталось.

XXXVIII

О кривом бедняке, который хотел купить пшеницы

Однажды, когда во Флоренции был очень дорог хлеб, пришел на рынок бедный одноглазый человек, чтобы, как он говорил, купить несколько мер пшеницы. Когда он узнал о цене, подошел кто-то другой и стал спрашивать, что стоит мера зерна. «Стоит глаза человеческого», — сказал бедняк, желая этим показать, что хлеб дорог чрезмерно. Услышав это, шустрый маленький мальчик, вертевшийся тут, сказал: «Зачем же ты принес с собой такой большой мешок, раз ты не можешь купить больше одной меры?»

XXXIX

Проповедник, который предпочитал десять девушек одной замужней женщине

Один монах, не обращавший большого внимания на то, что он говорит, проповедовал перед народом в Тиволи. Суровыми словами громил он супружескую неверность и изображал ее самыми черными красками. Между прочим он сказал, что это такой большой грех, что он предпочитал бы иметь дело с десятью девушками, чем с одной замужней женщиной. Многие из присутствующих были того же мнения.

XL

О нищенствующем монахе, который во время войны говорил о мире с Бернардо

Во время недавней войны флорентийцев с последним герцогом Миланским было постановлено, что если кто заговорит о мире, то лишится жизни. Бернардо Манетти,

человек очень веселый, пришел на Старый рынок за какой-то покупкой. К нему подошел монах, один из тех нищенствующих братьев, которые бродят всюду и, стоя на перекрестках, просят подать им что-нибудь на их нужды. Прежде чем попросить, монах сказал: «Мир тебе». А Бернардо в ответ: «Как! Ты говоришь о мире? Разве ты не знаешь, что говорить о мире запрещено под страхом смерти? Я уйду, чтобы кто-нибудь не счел меня соучастником вины». Сказав это, он ушел, отделавшись таким образом от приставаний нахала.

XLI

Рассказ Франческо Филельфо

Мы беседовали в дружеской компании о наказании для неверных жен. Бонифацио Салутати¹ заметил, что, по его мнению, лучшим наказанием было то, которым один из его друзей, болонец, угрожал своей жене. На наш вопрос о том, какое это наказание, он сказал: «Этот болонец, человек малопочтенный, имел жену не очень строгих нравов, которая иногда была добра и ко мне. Когда однажды ночью я подошел к их дому, то, стоя на улице, я услышал, как они жестоко между собою препирались. Муж упрекал жену, обвиняя ее в бесстыдстве. Та, как все ей подобные, отрицала все и оправдывалась. Тогда муж стал ей кричать: «Джованна, Джованна, я не буду тебя бить, я не буду тебя колотить, но я тебя буду оплодотворять столько, что дом будет полон детей. Тогда я оставлю тебя одну с потомством и уйду». Мы все очень смеялись по поводу наказания, которое этот человек так хорошо придумал, чтобы отомстить жене за ее неверность.

---

¹ Сын знаменитого гуманиста Коллуччо Салутати.

XLII

Рассказ кардинала бордоского о скоморохе

Григорий XII¹, прежде чем быть выбранным папою, во время конклава и даже после, обещал сделать великое множество всяких вещей, чтобы покончить со схизмою, которая терзала тогда церковь. В продолжение нескольких дней он так твердо держался своих обещаний, что дал слово, если понадобится, сложить с себя свой сан. А потом, опьяненный сладостью власти, забыл клятвы и обещания и не исполнил ничего из того, о чем говорил. Это очень огорчало кардинала бордоского², человека серьезного и очень рассудительного, и, говоря однажды со мною об этих делах, он мне сказал: «Он сделал с нами то, что сделал с болонцами тот скоморох, который им обещал, что будет летать». Я стал просить, чтобы он мне рассказал эту историю. И кардинал рассказал: «Недавно в Болонье был скоморох, который афишей, всюду расклеенной, возвестил, что он вылетит с вершины башни, находящейся около моста Сан Рафаэле, и пролетит больше мили за город. В назначенный день почти все население Болоньи сошлось к указанному месту, а скоморох вплоть до заката солнца издевался над собравшимися людьми, изнемогавшими от жары и от голода. Все ждали, с глазами, устремленными на башню, когда скоморох вылетит. Когда время от времени он показывался на вершине башни и махал крыльями, как бы собираясь лететь, и делал вид, что он хочет броситься с башни вниз, люди, глядевшие на башню с разинутыми ртами, приветствовали его громкими криками. Когда, наконец, солнце зашло, скоморох, чтобы не казалось, что он не сделал ничего, повернувшись к собравшимся спиной, показал им зад. Таким образом все, одураченные, истомленные голодом и томительным ожиданием, ночью верну-

---

¹ Один из параллельных пап времен великого раскола (1406—1409). После низложения прожил еще восемь лет и умер в 1417 г. Поджо служил при нем апостолическим писцом.

² Франческо дельи Агуццони, друг Поджо.

лись домой. Так и наш папа, — закончил кардинал, — после столь пышных обещаний довольствовался тем, что показал нам зад».

XLIII

Ответ Ридольфо Бернабò

Рассказывают об умном слове Ридольфо да Камерино¹. Болонья была осаждена Бернабò², из рода Висконти, владевших Миланом. Папа вверил защиту города Ридольфо, мужу славному как в военных, так и в мирных делах. Ридольфо держался внутри городских стен, чтобы успешнее защищать город. Однажды в небольшой аванпостной стычке, в которой Ридольфо не участвовал, один из его всадников был взят в плен и отведен к Бернабò. Допрашивая его, Бернабò, между прочим, спросил, почему Ридольфо не выходит из города, чтобы дать ему сражение. Воин приводил то ту, то другую причину, наконец был отпущен и вернулся в город. Ридольфо стал допрашивать его о том, что происходит во вражеском стане, и о том, что говорил Бернабò. Узнав, что отвечал Бернабò воин, который всячески оправдывал его нежелание выйти из города, Ридольфо сказал: «Ты ответил нехорошо. Пойди и скажи Бернабò вот что: Ридольфо говорит, что потому он не выходит из города, чтобы ты не мог в него войти»³.

---

¹ Ридольфо ди Варано, тиран Камерино, небольшого городка в Романье, был одним из выдающихся кондотьеров конца XIV и начала XV в.

² Бернабò был сыном миланского тирана Джованни Висконти, который оставил свою власть ему и двум его братьям: Маттео и Галеаццо. Бернабò и Галеаццо убили Маттео и правили совместно. В 1376 г. Галеаццо умер, и сын его, Джан Галеаццо (см. с. 37), велел схватить Бернабò с сыновьями и заключить их в тюрьму. Там они все и умерли.

³ Анекдот, заимствованный у Франко Сакетти (Nov. 38), который уверяет, что был непосредственным свидетелем события. По его словам, Болонью осаждал в тот раз не Бернабò, а кардинал женевский (будущий антипапа Климент VII) со своими бретонскими наемниками.

XLIV

Другой остроумный ответ Ридольфо

Тот же Ридольфо в войне, которую флорентийцы вели с папою Григорием X¹, был то на этой, то на той стороне, примыкал то к тем, то к другим. Кто-то его спросил, почему он так часто переходит из одного лагеря в другой. «Потому, — ответил Ридольфо, — что я не могу долго лежать на одном боку».

XLV

О том, как флорентийцы выставили портрет Ридольфо как изменника

Некоторое время спустя флорентийцы признали Ридольфо виновным в предательстве, и его изображение как изображение изменника было выставлено на городских площадях. После этого он узнал, что флорентийцы собираются отправить к нему послов для переговоров о мире. В тот день, когда они должны были прибыть, Ридольфо лег в постель, велел закрыть окна, покрыть себя меховыми одеждами и зажечь огонь, а был август месяц. Когда послы, призванные к нему, вошли и спросили, чем он болен, он ответил: «Я простужен, ибо очень долго без одежд и даже ночью был выставлен на ваших стенах». Этими словами он высмеивал свое изображение, которое было уничтожено позднее согласно договору.

XLVI

О некоем, ранившем Ридольфо стрелою

Некоторые из мужей камеринских проводили время за городом, упражняясь в стрельбе из лука. Один из них неосторожно выпустил стрелу и слегка ранил Ридольфо,

---

¹ Описка у Поджо. Нужно читать не Decimo, а Undecimo, ибо война (1375—1378) велась с Григорием XI.

который находился тут же, на некотором расстоянии. Стрелка схватили, и мнения о том, как он должен был быть наказан, высказывались различные. Чтобы понравиться государю, каждый предлагал более суровую кару. Один был даже того мнения, что стрелку надо отрубить руку, чтобы он больше не мог стрелять из лука. Ридольфо приказал отпустить человека на свободу, говоря, что это мнение было бы очень полезно, если бы оно было высказано раньше, чем он был ранен. Ответ полный благоразумия и великодушия.

XLVII

История о Манчини

Манчини, крестьянин и мой земляк, перевозил хлеб в Фильине на ослax, которых он часто нанимал для этой цели. Однажды, когда он возвращался с рынка, утомленный дорогой, он взобрался на осла, который был лучше, и, приближаясь к дому, стал считать ослов, которые проходили мимо него. Так как он пропустил того, на котором сидел, то ему показалось, что одного не хватает. Обеспокоенный этим, поручив остальных ослов жене, чтобы она отвела их к тем, у кого они были наняты, он немедленно вернулся, сидя на том же осле, на рынок, находившийся в семи милях. По дороге он у всех встречных спрашивал, не видели ли они заблудившегося осла. Все отвечали отрицательно. Манчини вернулся домой ночью, печальный, сокрушаясь о потере осла. Наконец, когда жена сказала ему, чтобы он слезал с осла, он сообразил, что это тот самый, которого он с таким усердием и с таким сокрушением разыскивал.

XLVIII

О человеке, который взвалил на плечи свой плуг

Другой крестьянин, очень недалекий, по имени Пьеро, пахал однажды вплоть до полудня. Быки его устали, утомлен от работы был и он сам. Собираясь вернуться в

город, он положил плуг на спину осла, сам сел сверху и, погнав впереди быков, отправился в путь. Осел, нагруженный непосильной ношей, сгибался под ее тяжестью, так что Пьеро наконец понял, что осел не может идти. Тогда он слез, взвалил плуг себе на плечи и снова сел на осла, говоря: «Ну, теперь ты можешь идти как следует, плуг на мне, а не на тебе».

XLIX

Изящный ответ Данте, флорентийского поэта

Данте Алигьери¹, наш флорентийский поэт, пользовался некоторое время в Вероне гостеприимством старшего Кане делла Скала², государя чрезвычайно великодушного. Был у Кане также и другой флорентиец, низкого происхождения, невежественный, нескладный, который годился только на то, чтобы скоморошничать и смеяться. Его глупости, потому что их нельзя назвать шутками, забавляли Кане, который осыпал его подарками. Данте, муж ученейший, образованный и скромный, презирал этого флорентийца — и по справедливости, — как неразумное животное. «Как случилось, — спросил тот у Данте, — что ты, которого считают мудрым и ученым, находишься в бедности и нужде, а я, глупый и невежественный, блистаю богатством?» Данте ответил: «Когда я найду себе господина, похожего на меня и соответствующего моему характеру, как это удалось тебе, то он обогатит и меня». Серьезный и мудрый ответ, ибо власть имущие больше всего находят удовольствия в обществе тех, которые на них похожи.

---

¹ Образ Данте еще при жизни его вошел в фольклор. Анекдоты, собранные Поджо, — уже остатки от того, что было использовано другими.

² Кангранде I делла Скала вступил в управление Вероною двадцатилетним юношей и правил от 1311 до 1329 г. Это был самый даровитый из ломбардских тиранов. Данте, который долго пользовался его гостеприимством, называл его «великолепным и победоносным государем». «Старшим» назван он у Поджо в отличие от его племянника, Кангранде II, убитого в 1359 г. своим братом Кансиньорио.

L

Остроумный ответ того же поэта

Однажды Данте обедал, сидя между обоими Кане делла Скала, старшим и младшим. Чтобы насмеяться над поэтом, слуги того и другого потихоньку подбросили кости под ноги Данте. Когда убрали стол, все повернулись к Данте, удивленные, что только перед ним лежали кости. Тогда он, скорый на ответ, сказал: «Ничего удивительного, что собаки съели свои кости. А я ведь не собака»¹.

Л

О женщине, которая упрямо называла мужа вшивым

Однажды разговаривали об упрямстве женщин, которое доходит иногда до того, что они предпочитают умереть, чем отказаться от своего мнения. «Одна женщина из наших мест, — сказал кто-то, — постоянно спорила со своим мужем, возражала на все, что он говорил, и упорно хотела во всем, что говорила сама, брать верх над мужем. Однажды у них вышла жестокая перебранка, и она назвала его вшивым. Муж, чтобы заставить ее взять назад оскорбление, стал осыпать ее ударами, не разбирая, ногами и руками. Но чем больше он ее бил, тем больше она называла его вшивым. Муж, уставший в конце концов от побоев, чтобы победить упрямство жены, спустил ее на веревке в колодезь, угрожая утопить ее, если она будет продолжать называть его так. А жена продолжала еще упрямее говорить это слово, даже когда она находилась в воде по самый подбородок. Тогда муж, чтобы она не могла больше говорить, опустил ее в воду с головой, чтобы посмотреть, не заставит ли ее опасность смерти прекратить брань. Но она, лишившись способности говорить, даже захлебываясь, при помощи пальцев старалась

---

¹ Игра слов: Кане, по-латыни *canis*, значит «собака».

выразить то, чего не могла сказать: подняв руки над головою и соединив ногти двух больших пальцев, как могла, жестами попрекала мужа вшами. Ибо женщины обычно давят вшей ногтями больших пальцев».

LI

О человеке, который искал в реке утонувшую жену

Другой человек, у которого жена утонула в реке, шел вверх по течению в поисках трупа. Кто-то, удивленный, посоветовал ему искать ее, следуя по течению. «Нет, — отвечал тот, — этим способом я никогда ее не найду, ибо при жизни она была упряма и неуживчива и делала все наоборот, не так, как все люди. Поэтому после смерти она непременно поплыла вверх по реке».

LII

О крестьянине, который просил сделать его знатным

Один из слуг герцога Орлеанского, человек грубых нравов и без образования, просил герцога, чтобы он сделал его знатным. Во Франции это делается посредством покупки владений, доходами с которых знатные люди только и могут жить в деревне. Герцог, который хорошо знал характер этого человека, сказал ему: «Богатым я очень легко могу тебя сделать, знатным — никогда».

LIV

Слова дамы, которая увидела в окне одежду куртизанки

Одна куртизанка рано утром разложила на своих окнах разного рода одежды, подаренные ей любовником.

Дама, проходя мимо дома, увидев столько платьев, сказала: «Эта добывает себе одежду, как паук свою паутину: с помощью нижних частей, а потом еще выставляет напоказ плоды своего ремесла».

LV

Остроумное замечание

Во время сбора винограда кто-то попросил одного из моих земляков ссудить ему несколько бочонков. На это тот ответил: «Я содержу свою жену в течение целого года, чтобы иметь возможность ласкать ее во время карнавала». Этим он хотел сказать, что нельзя просить у других вещей, которые им самим необходимы.

LVI

Остроумное слово одного юноши

Одна деревенская женщина жаловалась на то, что ее гуси чувствуют себя нехорошо. Она приписывала их болезнь тому, что их сглазила соседка, которая их хвалила, не прибавив при этом слов: «благослови их бог», как это обыкновенно говорится. Услышал это некий юноша и сказал: «Теперь я понимаю, почему мое орудие за последние дни не в духе и очень ослабело. Недавно его кто-то похвалил и не прибавил того благословения, о котором ты говоришь; с тех пор оно не действует. Я и думаю, что его сглазили. Скажи ему, пожалуйста: «Благослови тебя бог», чтобы оно вошло в прежнюю силу».

LVII

О глупце, который принял за себя самого подражавшего его голосу

Отец одного из наших друзей был в связи с женою человека глупого и косноязычного. Однажды он пришел к ней ночью, думая, что мужа нет дома, и стал громко стучать в дверь, подражая голосу мужа и прося, чтобы ему открыли. Глупец, который оказался дома, услыша этот голос, сказал жене: «Джованна, открой же! Джованна,пусти же его, потому что мне кажется, что это я сам стучусь в дверь».

LVIII

О скупце, который попробовал мочи

Один из наших товарищей по курии¹, известный своей скупостью, часто приходил к обеду слуг и пробовал их вино, чтобы посмотреть, достаточно ли оно разбавлено. И делал вид, что следит, чтобы у них было хорошее вино. Некоторые это заметили и сговорились поставить на стол свежей мочи в тот час, когда обыкновенно ждали его прихода. Он пришел, как всегда, хлебнул мочи, стал отплевываться и, едва сдерживая рвоту, с громким криком выбежал из комнаты, угрожая наказанием тем, кто сыграл над ним эту шутку. А они с хохотом кончили свой обед. Мне об этом рассказывал потом со смехом тот, кто все подстроил.

LIX

О пастухе, который исповедовался не так, как нужно

Однажды пришел на исповедь овечий пастух из той части Неаполитанского королевства, где разбой был

---

¹ Рассказ, по-видимому, относится к кардиналу Анджелотто Фоски.

обыкновенным делом. Упав на колени перед священником, он воскликнул со слезами: «Прости меня, отец, ибо я совершил тяжкий грех». Священник велел ему сказать, в чем был его грех; тот много раз безуспешно пытался говорить, словно ему нужно было признаться в самом тяжелом прегрешении. Наконец, после долгих настояний священника, он сказал, что он готовил сыр во время поста и, когда выжимал его, несколько капель молока попало ему в рот и он их не выплюнул. Священник, который знал нравы родины этого пастуха, улыбнулся, услышав, что он считает тяжким грехом несоблюдение поста, и задал ему вопрос, не совершил ли он греха более тяжкого. Пастух отвечал отрицательно. Священник спросил тогда, не случалось ли ему вместе с другими пастухами, как это у них бывает, ограбить или убить чужеземного путника? — «Конечно, — отвечал пастух. — Я часто делал и то и другое вместе с товарищами. Но это у нас настолько обычное дело, что наша совесть этим не смущается». Священник стал сурово упрекать его за оба тяжелых преступления, а пастух стоял на своем и считал грабеж и убийство человека чем-то незначительным, ибо они одобрялись у них обычаем, и просил отпущения только за грех с молоком. Ужасная вещь, когда дурное дело становится обычаем, ибо тогда тяжкие преступления считаются пустяками.

LX

Об игроке, который попал в тюрьму за игру

В Терранове установлено определенное наказание для тех, кто играет в кости. Один из моих знакомых, уличенный в игре, в наказание был посажен в тюрьму. Его там спросили, за что он заключен. «Наш подеста, — ответил он, — посадил меня сюда за то, что я играл на свои деньги. Что бы он сделал, если бы я играл на его!»

LXI

Об отце, который упрекал сына за пьянство

Некий отец тщетно старался отклонить своего сына от пьянства. Однажды он увидел пьяного человека, позорно растянувшегося на улице с открытыми срамными частями, окруженного мальчишками, которые толпой вертелись вокруг него, смеялись и издевались над ним. Старик подозвал сына и указал ему на постыдное зрелище, думая этим примером заставить его отказаться от пьянства. А сын, увидя пьяницу, сказал: «Не знаешь ли, отец, где достают то вино, которым этот человек напился? Оно, должно быть, отменно, и я хотел бы его попробовать». Гнусный вид пьяницы не только не вызвал у него отвращения, а, наоборот, возбудил в нем жажду вина.

LXII

О молодом человеке из Перуджи

Испина из Перуджи также был молодым человеком знатного рода. Но он отличался такой распушенностью, что был позором всех остальных членов семьи. Однажды его родственник, Симоне Чекколо, старец мудрый и пользующийся большим весом, призвал к себе юношу и многими рассуждениями убеждал его вести лучшую жизнь. Он доказывал ему вред пороков и восхвалял добродетель. Когда Симоне кончил, Испина ему сказал: «Симоне, вы говорили очень складно и красиво, как подобает человеку красноречивому. Но я раз сто слышал на эту тему речи еще более замечательные, и все-таки мне ни разу не захотелось сделать что-нибудь из того, о чем мне говорили». Таким образом, Симоне не удалось своими речами достигнуть большего, чем предыдущему — с пьяницей — примером.

LXIII

О герцоге Анжуйском, который показал сокровище Ридольфо да Камерино

Однажды в компании ученых людей порицали безумную страсть тех, кто тратит столько трудов и забот на поиски и на соби́рание драгоценных камней. И кто-то сказал: «Правильно Ридольфо да Камерино уличил в глупости герцога Анжуйского¹, направлявшегося в Неаполитанское королевство. Ридольфо прибыл в его лагерь, чтобы повидаться с ним, и герцог показал ему очень дорогие вещи, в том числе жемчуг, сапфиры, карбункулы и другие камни, имеющие большую ценность. Посмотрев на них, Ридольфо спросил, что стоят эти камни и какой они приносят доход. Герцог отвечал, что ценность их очень велика, но что дохода они не дают никакого. Тогда Ридольфо сказал ему: «Я вам могу показать два камня, которые стоят десять флоринов, но которые ежегодно приносят мне двести». И повел герцога, удивленного его словами, к своей мельнице, где показал ему два жернова и сказал, что эти два камня превосходят его драгоценности по пользе и приносимому ими доходу».

LXIV

О том же Ридольфо

Один из обитателей Камерино хотел отправиться в путешествие, чтобы увидеть свет. Ридольфо посоветовал ему проехать до Мачераты. И когда тот последовал совету, Ридольфо ему сказал: «Ты теперь видел весь земной

---

¹ У герцогов Анжуйских были после Карла I, неаполитанского короля, отнявшего юг Италии у Гогенштауфенов, наследственные притязания на корону Неаполя. Первым был призван из Франции Людовик Анжуйский, брат короля Карла V. Призывала его еще в 1381 г. Джованна I. Ему не удалось захватить престол. Его права перешли после его смерти (1411) к его пятнадцатилетнему сыну, тоже Людовику. Он появился в Италии в 1419 г. и умер, после целого ряда безуспешных попыток захватить престол, в 1435 г.

шар». И прибавил, что на земле нет ничего другого, как холмы, долины, горы, равнины, обработанные и необработанные поля, рощи и леса, и что все это можно видеть на пространстве между Камерино и Мачератой.

LXV

Остроумный ответ одного перуджинца

У одного перуджинского жителя был бочонок великолепного вина, но очень маленький размерами. Кто-то прислал к нему, с просьбою дать вина, мальчика с огромной кружкой. Перуджинец взял кружку, поднес ее к носу и сказал: «Ох, как сильно воняет эта кружка! Ни за что не налью в нее моего вина. Пойди и отнеси ее тому, кто тебя прислал».

LXVI

Петух и лисица

Однажды лисица, проголодавшись, решила обманом завладеть курами, которые под предводительством петуха взобрались на вершину высокого дерева. Лисица не могла на него взлезть. Поэтому она с ласковым видом подошла к петуху, любезно его приветствовала и спросила: «Что ты там делаешь на верхушке? Разве ты не слышал свежих новостей, столь приятных для нас?» — «Нет, не слышал, — отвечал петух. — Расскажи нам о них». — «Я торопилась прийти сюда, чтобы тебе их сообщить. Состоялся совет всех животных, на котором было решено, что будет заключен постоянный мир между ними. Отныне никто из животных не должен бояться других. Должны прекратиться взаимные козни и обиды. Все должны наслаждаться миром и согласием. Всякий может идти в полной безопасности, куда хочет, хотя бы один. Поэтому спускайтесь вниз и отпразднуем торжественный день». Петух понял коварные замыслы лисицы. «Ты при-

носишь, — сказал он, — благою весть, приятную для меня». И, вытянув шею, он поднялся на ногах, делая вид, что ему хочется видеть дальше, и притворяясь удивленным. «Что ты высматриваешь?» — спросила лисица. «Я вижу, — отвечал петух, — двух собак, которые несутся сюда во весь дух, с разинутой пастью». Тогда лисица сказала, дрожа: «Прощайте, мне нужно бежать, пока они не подоспели». И пустилась в бегство. «Чего же ты бежишь? — спросил петух. — Разве ты боишься? Ведь мир заключен. Страшиться нечего». — «Я не уверена, — ответила лисица, — что собакам известно постановление о мире». Так обману был противопоставлен обман.

LXVII

Забавное слово

Один человек, не стеснявшийся в выражениях, очень свободно разговаривал в папском дворце и сопровождал свои слова чрезвычайно нескромными жестами. «Что ты болтаешь, — сказал ему один из друзей. — Ведь тебя будут считать за глупца». А тот в ответ: «Это было бы мне очень выгодно, ибо другим способом я не могу войти в милость тех, кто здесь теперь в силе. Теперь время глупцов, и лишь у них одних в руках нити всех дел».

LXVIII

Спор между флорентийцем и венецианцем

Венецианцы заключили с герцогом Миланским мир на десять лет. За это время вспыхнула первая война между герцогом и флорентийцами. Дела флорентийцев шли плохо, когда венецианцы, нарушив договор, напали на герцога, не ждавшего с их стороны никаких враждебных действий, и заняли Брешию: они боялись, как бы герцог, победив флорентийцев, не обратился на них со всеми силами. Некоторое время спустя флорентиец и

венецианец говорили об этих событиях. Последний сказал: «Вы нам обязаны свободой, ибо благодаря нашим усилиям вы свободны». — «Неправда, — возразил флорентиец, желая осадить хвастовство собеседника, — не вы нас сделали свободными, а мы вас сделали изменниками».

LXIX

Сравнение Антонио Лоски

Чириако из Анконы¹, человек многоречивый и очень любивший поговорить, однажды в нашем присутствии оплакивал падение и разрушение Римской империи и казался чрезвычайно сокрушенным этим событием. Тогда Антонио Лоски, человек очень ученый, находившийся среди нас, стал смеяться над бессмысленным огорчением Чириако. «Это похоже, — сказал он, — на то, как некий миланец, послушав в праздник одного из сказителей², поющих перед толпой о подвигах героев, — сюжетом была смерть Роланда, убитого в сражении почти семьсот лет тому назад, — начал горько плакать. Придя потом домой, на вопрос своей жены, которая увидела его грустным и в слезах и стала спрашивать, что с ним случилось, он ответил: «Увы, жена, я умер». — «Какое несчастье стряслось с тобою, мой друг? — спросила жена. — Успокойся и иди ужинать». Но тот продолжал вздыхать и не хотел прикоснуться к еде. Жена настойчиво стала просить его сказать наконец причину столь тяжелого горя. Он ответил: «Неужели ты не знаешь, какую я услышал сегодня весть?» — «Какую же?» — спросила жена. «Умер Роланд, единственный защитник христиан». Жена успокоила бессмысленное огорчение мужа и с большим трудом могла уговорить его идти ужинать».

---

¹ Чириако д'Анкона был самым страстным собирателем предметов античного искусства и одним из основателей современной научной археологии. Пламенный энтузиаст всего античного, он часто вызывал насмешки у гуманистов, относившихся к древности менее романтично.

² Сказители (cantastorie, cantanbanchi) в праздничные дни собирали на площадях больших городов толпу и декламировали перед ней бесконечные поэмы на сюжеты античного и средневекового эпоса.

LXX

О сказителе, который объявил, что будет декламировать о смерти Гектора

Один из присутствующих рассказал нам о подобной же глупости. «Один из моих соседей, — сказал он, — человек простоватый, услышал, как один из этих сказителей, кончая свою декламацию, чтобы привлечь народ, объявил, что на другой день он будет говорить о смерти Гектора. Наш парень, прежде чем сказитель ушел, добился ценою денег, что он не убьет так скоро Гектора, столь необходимого на войне. Тот отложил смерть Гектора на один день. Парень заплатил еще и платил подряд все дни, чтобы продлить Гектору жизнь. И лишь когда у него кончились деньги, он в конце концов услышал повествование о смерти героя с горем и обильными слезами».

LXXI

О женщине, которая притворилась перед мужем полумертвой

Сарда — городок, приютившийся в наших горах. Там однажды некий муж, весьма недалекий, застал жену с другим на месте преступления. Женщина сейчас же притворилась полумертвой и как труп упала на землю. Муж подбежал и, думая, что она умерла, начал, весь в слезах, растирать ее тело. Тогда она слегка открыла глаза, как бы начиная приходить в себя. Муж спросил, что с ней случилось, и она ответила, что очень испугалась. Глупец стал ее утешать и осведомился, не хочет ли она, чтобы он что-нибудь для нее сделал. «Я хочу, — сказала она, — чтобы ты поклялся, что ничего не видел». Тот поклялся, и жена немедленно совершенно выздоровела.

LXXII

О рыцаре, у которого была строптивая жена

У одного флорентийского рыцаря очень знатного рода была жена, строптивая и злая, которая ежедневно ходила к монаху, ее исповедовавшему, или, как говорят, к своему духовному руководителю, и рассказывала ему о проступках мужа и о его пороках. Монах, в свою очередь, упрекал и наставлял рыцаря. Однажды он по просьбе жены и для водворения мира между супругами вызвал рыцаря для исповеди. Это должно было, по его мнению, водворить согласие между ними. Рыцарь пришел и, когда монах предложил ему поведать его грехи, сказал: «Не стоит трудиться, ибо обо всех грехах, которые я совершил когда-нибудь, и о многих других, сверх того, не раз вам рассказывала моя жена».

LXXIII

О знахаре и об осле

Был недавно во Флоренции человек решительный и смелый, не имевший никаких занятий. В сочинении одного врача он вычитал название и состав неких пилюль, о которых говорилось, что они помогают против различных болезней, и этот странный человек решил, что, имея одни только эти пилюли, он очень легко сделается врачом. Приготовив большое количество своего нового лекарства, он отправился из Флоренции и начал странствовать по городам и весям, занимаясь врачеванием. Против всякой болезни он давал свои пилюли, и случайно кое-кого они вылечили. Слава этого глупца среди других глупцов все росла, и вот некто, у кого пропал осел, обратился к нему с вопросом, нет ли у него лекарства, которое помогает найти осла. Тот отвечал утвердительно и дал ему проглотить шесть своих пилюль. Приняв пилюли, человек отправился домой, а на другой день, пустившись на поиски осла, почувствовал действие пилюль и сошел с

большой дороги, чтобы освободить желудок. Забравшись для этого в ивняк, он там случайно нашел своего осла, который щипал траву. После этого он принялся возносить до небес знания врача и его пилюли. Когда крестьяне услышали, что у этого врача имеется лекарство даже для отыскания ослов, они стали стекаться к нему толпами, как к новому Эскулапу.

LXXIV

Сравнение Пьетро де Эги

Во Флоренции во время одной из городских смут, когда среди граждан шел бой из-за формы правления и сторонник одной из партий был убит противниками среди страшного шума, — некто, стоявший в отдалении, видя обнаженные мечи и людей, бегающих во все стороны, спросил у соседей, в чем тут дело. Один из них, по имени Пьетро де Эги, сказал: «Тут распределяются городские должности и службы». — «Очень дорого они стоят, — заметил тот, — и не хочу я их». И сейчас же ушел¹.

LXXV

О венецианце, который не узнал своей лошади

Как-то раз между некоторыми учеными людьми шел разговор о глупости и бестолковости очень многих. Антонио Лоски, человек весьма остроумный, рассказал по этому случаю, как однажды по дороге из Рима в Виченцу он взял себе в компаньоны какого-то венецианца, который, очевидно, ездил верхом очень редко. В Сиене они остановились в гостинице, в которой было много

---

¹ Одна из немногих фацетий политического содержания. Она показывает лишний раз, как хорошо понимал Поджо классовый характер городских усабиц во Флоренции.

других проезжих со своими лошадьми. Утром всякий спешил отправиться в путь, один только венецианец сидел у дверей, не двигаясь и в полной растерянности. Лоски удивился, что его спутник ничего не предпринимает и не торопится и что в то время, как все уже сели на коней, он один не двигается с места. И Лоски сказал ему, что, если он хочет ехать, надо садиться на лошадь, и спросил, почему он так медлит. Тот отвечал: «Я очень хочу ехать с вами, но никак не могу узнать свою лошадь среди других. Я жду поэтому, чтобы остальные взяли своих, и когда в конюшне останется только одна, буду знать, что это моя». Увидев, как глуп его спутник, Антонио немного подождал, чтобы этот болван единственную оставшуюся лошадь признал своею и взял.

LXXVI

Ответ Карло из Болоньи

У нас есть обычай, — когда мы хотим выразить кому-нибудь презрение, мы говорим ему: «Я тебя оставлю сто раз в день в залог в кабаке». В одном собрании кто-то в споре с Рацелло из Болоньи¹ бросил ему эту фразу, думая унижить его, а себя выставить умным. Но Рацелло, быстрый на ответ, сказал: «Я охотно готов с тобою согласиться. Ибо в залог обыкновенно оставляют вещи хорошие и имеющие большую цену. А ты, дрянь, стоишь так мало и так гадок, что тебя можно таскать по всем кабакам и тавернам, и никто не примет тебя в залог, хотя бы за медную денежку». Этими словами Рацелло вызвал смех у присутствующих и отбил остроту остротою.

---

¹ Рацелло де Ауро, апостолический писец, был товарищем Поджо по папской курии, где он вместе с Лоски представлял партию Милана. Он участвовал в посольствах к Филиппо Мария Висконти. В курии это был душа общества. Поджо приписывает ему авторство многих своих фацевций.

LXXVII

О старом ростовщике, который перестал давать под проценты из боязни потерять приобретенное

Один из друзей убеждал ростовщика, уже старого, чтобы он прекратил дачу денег под проценты ради спасения души и телесного спокойствия. Он приводил много доводов, чтобы склонить ростовщика развязаться как с тягостями, так и с позором такой жизни. Тот ответил: «Раз ты так думаешь, я брошу свое занятие. Ибо мои должники платят так плохо, что мне поневоле приходится прекратить дело». Таким образом, он отказывался от ростовщичества не вследствие сознания греховности этого дела, но из страха потерять приобретенное.

LXXVIII

О старой куртизанке, просившей милостыню

Предыдущую историю рассказывали в нашем кружке, и один из наших товарищей сказал: «Этот ростовщик похож на старую куртизанку, — он назвал имя, — которая, будучи обременена годами, просила милостыню, говоря: «Подайте женщине, которая отказалась от греха и от ремесла куртизанки». Кто-то из видных людей упрекнул ее в том, что она побирается, и она ему сказала в ответ: «Что же мне, по-вашему, делать, никто от меня ничего больше не хочет». И тот заметил ей: «Значит, ты отказываешься от греха не по доброй воле, а по нужде, потому только, что у тебя нет больше возможности грешить».

LXXIX

О докторе и о невежде

Однажды, когда секретари находились в присутствии папы Мартина и разговор зашел о шутках, папа рассказал, что некий доктор из Бо-

лоньи¹ просил о чем-то легата, и так настойчиво, что тот обозвал его глупцом и безумцем. Выслушав эти слова, доктор спросил: «А когда ты заметил, что я глупец?» Легат ответил, что только что. «Вот и неправда, — ответил доктор. — я стал глупцом тогда, когда тебя, невежественного, сделал доктором гражданского права». Ибо легат был действительно доктором, хотя учености в нем было мало. Этими словами учитель обнаружил невежество легата².

LXXX

Замечание епископа Алетто

Другой, а именно епископ Алетто, сообщил об остроумном замечании одного римлянина. Он встретился однажды с кардиналом неаполитанским³, глупым и необразованным человеком, который возвращался от папы. Кардинал, по своей привычке, непрерывно смеялся. Тогда римлянин спросил своего спутника, почему, по его мнению, смеется кардинал. Тот ответил, что это ему неизвестно. «Он смеется, — сказал тогда римлянин, — над папой, который так не по заслугам сделал его кардиналом».

LXXXI

Остроумное слово некоего аббата

Другой рассказал после этого о двух остроумных замечаниях делегатов Констанцского Собора (это были

---

¹ Болонский университет, старейший в Европе, славился своим юридическим факультетом, снабжавшим ученых-юристами всю Италию.

² Рассказ, чрезвычайно ярко характеризующий отношение папы Мартина к церковной аристократии, своим ближайшим сотрудникам. Он всеми силами старался не только сломить их политическое влияние, но и подорвать их авторитет в обществе. Этим способом он думал оградить себя от их интриг с антипапами и соборами.

³ Кардиналом неаполитанским был Томмазо Бранкаччи, племянник папы Иоанна XXIII.

два аббата ордена св. Бенедикта). Они были отправлены от имени Собора к Пьетро де Луне¹, который раньше был признан папою в Испании и во Франции. Он, увидя их, сказал, что приближаются два ворона. И один из них ответил, что нет ничего удивительного, если вороны слетаются на падаль. Этим аббат хотел сказать в упрек Пьетро, что так как он был осужден Собором, то должен почитаться трупом.

LXXXII

Еще остроумное замечание

В пререканиях, которые возникли между ними по вопросу о праве на папский престол, Пьетро сказал: «Здесь ковчег Ноев», подразумевая, что ему принадлежат все права апостолического трона. «В Ноевом ковчеге, — заметил тот же аббат, — было много скотов».

LXXXIII

Чудеса, рассказанные переписчиком

Мой переписчик² Джованни по возвращении из тех областей, которые зовутся Британией³, рассказал мне однажды за столом 8 октября, в предпоследний год понтификата Мартина⁴, о сверхъестественных происшествиях,

---

¹ Пьетро де Луна, антипапа под именем Бенедикта XIII, был низложен Констанцским Собором, так же как Григорий XII и Иоанн XXIII. Он жил в уединении в горном городке Пеньскола в Пиренеях. Туда к нему и ездили бенедиктинские аббаты.

² Чтобы добывать сочинения древних классиков, Поджо рассылал переписчиков-специалистов по разным странам, куда не мог попасть сам. Вообще переписчики ему были постоянно нужны, потому что книгопечатание было изобретено только под самый конец его жизни и он едва ли хоть раз воспользовался новым способом размножения книг.

³ Здесь речь идет не о самой Англии, а о французских ее владениях на восточном берегу Атлантического океана. В то время Англия еще не была вынуждена от них отказаться.

⁴ 1430 г. — одна из дат, определяющих время составления «Фацеций».

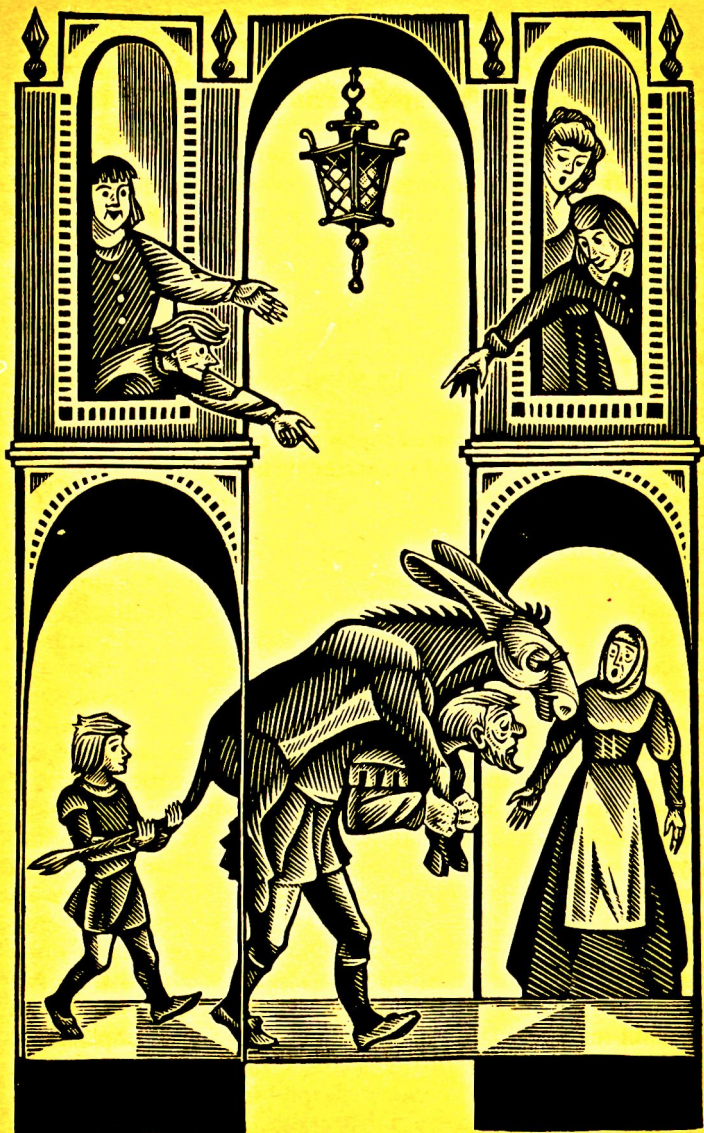

которые этот человек, ученый и отнюдь не склонный ко лжи, по его словам, видел сам. Во-первых, шел кровавый дождь между Луарой, Берри и Пуату, причем можно было видеть, как этим дождем были окрашены камни. Но так как из истории мы знаем, что такие события случались довольно часто, то кровавый дождь представляется не столь удивительным. А тому, что следует, я бы не поверил никогда, если бы рассказчик не подтвердил своих слов клятвой. В день праздника апостолов Петра и Павла, — он приходится на июнь месяц, — несколько жнецов из его родных мест, которые накануне оставили в поле какое-то количество сена, чтобы не потерять его, пришли, чтобы его убрать, пренебрегая праздничным днем. Это потребовало бы у них не больше часа, но по божьей воле они остались на поле очень долго, продолжая все время убирать сено, работая без перерыва день и ночь только над этим, без пищи и сна. И в течение многих дней ни они не могли уйти с поля, ни другие подойти к ним, чтобы спросить, что это означает. Люди могли лишь собираться со всех сторон и глядеть на них, считая их за сумасшедших. Мой переписчик утверждал, что он сам видел, как они занимаются уборкой сена. Что случилось с ними потом, он сказать не мог.

LXXXIV

Чудесная кара за поношение святых

Другой мой товарищ по курии, которого звали Роле и который был родом из Руана, утверждал, что он видел подобное же чудо, поводом к которому было пренебрежительное отношение к господним святым. По его словам, неподалеку от городского замка находится церковный приход имени блаженного Готарда. Когда пришел праздник этого святого, все прихожане, согласно обычаю, собрались его праздновать торжественной и пышной процессией. А одна девушка из соседнего прихода стала смеяться над ними и поносить имя святого и церемонии в его честь. Она объявила, что будет пряхсть в этот день, чтобы показать свое к нему презрение. Она взяла челнок и веретено. Но и то и другое сейчас же пристало к ее рукам и

пальцам, причиняя ей острую боль. Оторвать эти вещи от рук было невозможно, девушка потеряла способность речи и жестами — за отсутствием голоса — давала понять, как ей больно и отчего. Сбежалась толпа. Девушку повели к алтарю святого, которого она оскорбила. Там был произнесен ею обет. И тогда к ней вернулся голос и отстали от ее рук челнок и веретено. Мой собеседник утверждал, что это случилось в его приходе, и так он был уверен в том, что рассказывал, что даже мне, неверному, казалось, что в этом есть некоторое подобие правды.

LXXXV

Смешная история про старика, который нес осла

Однажды в собрании папских секретарей говорилось, что люди, живущие согласно мнению толпы, подчиняются самому унижительному рабству, ибо невозможно угодить всем, так как все думают по-разному и имеют различные вкусы. В подтверждение этого мнения кто-то рассказал историю, которую он читал в Германии и к которой видел иллюстрации.

Был старик, который однажды в сопровождении своего сына отправился на рынок, гоня перед собою осла, на котором не было клади, ибо хозяин предназначал его для продажи. Люди, работавшие в поле, видя, как оба они идут за ослом, стали выговаривать старику, что ни он, ни сын его не садятся на осла, идущего без поклажи, как это было бы полезно обоим: ему — потому что он стар, сыну — потому что он слишком юн. Тогда старик посадил сына на осла, а сам продолжал идти пешком. Но тут другие встречные стали упрекать старика в глупости: что посадил на осла сына, который крепче, а сам, обремененный годами, идет за ним пешком. Старик передумал, ссадил сына и сел сам. Новым встречным не понравилось, что он заставляет маленького сына, как слугу, тащиться сзади, не считаясь с его возрастом, а сам, забыв отеческие чувства, едет верхом. Тронутый этими словами, старик посадил сына на осла вместе с собою. Так они продол-

жали путь. Тогда еще кто-то спросил старика, принадлежит ли осел ему. Старик отвечал утвердительно, и его начали бранить, что он не жалеет осла, словно животное было чужим, и нагружает двойной ношей, которую осел неспособен нести, ибо ему и одного человека поднять едва под силу. Старик совершенно потерял голову от стольких разнообразных мнений, ибо его бранили и тогда, когда осел шел без ноши, и тогда, когда нес одного, и тогда, когда нес двоих. В конце концов он с помощью сына связал ослу ноги и подвесил его на длинную палку. Сделав это, они подняли осла на плечи и продолжали путь к рынку. Такое невиданное зрелище заставило всех покапываться со смеху и бранить за глупость обоих, особенно же отца. Это окончательно вывело старика из себя, и так как они были на берегу реки, то он бросил в воду связанного осла и вернулся домой. Так этот добрый человек, желая угодить всем и не удовлетворив никого, потерял осла.

LXXXVI

Верх невежества

Однажды перед приорами флорентийскими¹ громко читалось письмо, где шла речь о человеке, для республики не очень приятном. Так как имя его повторялось часто, то оно сопровождалось словом «вышеупомянутый», например: «вышеупомянутый Паоло». Тогда один из присутствующих, человек малограмотный, думая, что это слово почетное и что «вышеупомянутый» обозначает для человека похвалу, как если бы говорилось: ученейший или мудрейший, — вдруг начал кричать, что вещь недостойная, чтобы такой негодяй и враг отечества назывался вышеупомянутым.

---

¹ Приорами назывались члены правящей коллегии во Флоренции, Синьории. Их было восемь; девятый, председатель коллегии, назывался Знаменосцем, или Гонфалоньером, Справедливости.

LXXXVII

Другая глупость

Один из моих соотечественников, по имени Матеоццо, человек малообразованный, тоже вызвал у многих смех. В праздничный день, на устроенном для священников обеде, заботы о котором были поручены ему и несколькими другим, когда после окончания обеда нужно было благодарить священников, из которых многие пришли издалека, Матеоццо, которому, как старейшему, было поручено это сделать, сказал: «Почтенные отцы, простите, если вам чего-нибудь не хватило. Мы не могли сделать то, что были обязаны по отношению к вам, но мы сделали все по мере наших сил и так, как это подобало вашему невежеству». Этот неуч думал, что если он подыщет какое-нибудь звонкое слово, то оно все равно сойдет за высшую похвалу, как если бы он сказал: «ваша мудрость» или «ваша ученость».

LXXXVIII

Об одном бородатом старике

Антонио Лоски, муж учнейший и хорошо знающий светское обращение, рассказал нам после обеда между прочим следующую смешную историю. Существует обычай, что если кто издаст звук задней частью, ему говорят: «В бороду того, кто никому ничего не должен». В Виченце некий старик, имевший очень длинную бороду, был вызван своим кредитором на суд к губернатору города (это был Уголотто Бьянкардо, человек ученый и строгий). На суде старик, очень рассерженный, стал кричать, что он никому ничего не должен, и часто повторял это. «Уходи отсюда скорее, — сказал Уголотто, — и уноси свою вонючую бороду, от дурного запаха которой у нас кружится голова». Тот, ошеломленный, спросил, почему его борода может так сильно вонять. «Потому что, — ответил Уголотто, — она полна всеми дурными запахами, кото-

рые когда-либо выходили из человеческого нутра, ибо, как известно, они собираются в бороде того, кто никому ничего не должен». Этими словами он, при громком хохоте присутствовавших, очень остроумно высмеял высокомерие старика.

LXXXIX

История одного нотариуса, рассказанная Карло из Болоньи

В папском дворце обедало несколько человек, в том числе и секретари. Речь зашла о невежестве тех, чье знание и ученость покоятся на писанных формулах, которые не вникают в существо, а лишь говорят, что так написано в документах, оставшихся от предков. Карло из Болоньи¹, человек очень остроумный, сказал по этому поводу: «Эти люди очень похожи на одного нотариуса, моего земляка (он сказал и имя). Однажды к нему пришли двое клиентов для заключения договора о продаже. Он взял перо и начал писать, спросив, как их зовут. Один сказал, что его имя Джованни, другой — что Филиппо. Тогда нотариус сейчас же отвечал, что инструмент (так у них называется нотариальный акт) не может быть совершен между ними. Когда они спросили — почему, он ответил: «Нужно, чтобы продавец звался Коррадо, а покупатель Тито (ибо только эти имена он нашел в своих формулах), иначе контракт не может быть заключен и не получит законной силы». Когда они начали ему говорить, что они не могут переменить свои имена, он продолжал настаивать на своем отказе, ибо в формулах его было так написано. Так как они не захотели менять имена, он их прогнал. Оставив этого глупца, который счел бы себя виновным в подлоге, если бы изменил имена, значившиеся в его формулах, они пошли искать другого нотариуса».

---

¹ Рацелло.

ХС

О флорентийском юристе, который, будучи послом у королевы, просил ее о любви

После этого стали разговаривать, продолжая шутить, о глупости некоторых лиц, которых отправляют послами к государям. Когда было названо несколько имен, Антонио Лоски сказал, смеясь: «Не слышали ли вы о дерзости флорентийца (и он посмотрел на меня), которого народ флорентийский отправил недавно послом к Джованне, королеве неаполитанской¹. Его звали Франческо, и был он доктором прав, хотя чрезвычайно невежественным. Он изложил перед королевой предмет своей миссии и получил от нее приглашение прийти к ней на другой день. За это время он услышал, что королева не пренебрегает мужчинами, особенно красивыми, и когда пришел к ней на следующий день, то, поговорив о многих различных вещах, под конец сказал, что ему нужно побеседовать с ней о делах секретных. Королева, думая, что у него есть такие к ней сообщения, которые не могут быть изложены в присутствии многих людей, пригласила его в отдаленную комнату. Там этот глупец, который был очень высокого мнения о своей наружности, стал просить, чтобы королева ему отдалась. Она, несколько не смутившись, посмотрела на него и спросила: «Это тоже одно из предложений, которые флорентийцы поручили вам мне передать?» Посол стоял молча и весь красный. Королева сказала ему, чтобы он представил полномочия для этого дела, и отпустила его, несколько не рассердившись».

ХСИ

О человеке, который изнасиловал дьявола, принявшего вид женщины

Чинчо Романо², муж ученейший, часто рассказывал мне историю, к которой не следует относиться пренебре-

---

¹ Анекдот Лоски мог касаться как Джованны I, так и Джованны II. Обе они отличались таким поведением, которое вполне оправдывало дерзость нашего флорентийца.

² Еще один член тесной семьи куриалов, к которой принадлежал Поджо, Чинчо Рустико, из знатной римской семьи, вместе с Бартоломео да Монтепульчано делил во время Констанцского Собора труды Поджо по поискам и собиранию древних рукописей. Очень образованный гуманист и обаятельный человек, но без того творческого жара, которым горел Поджо.

жительно. Его сосед, человек совсем не глупый, уверял его, что этот случай приключился с ним. История была такова: однажды он встал, когда еще светила луна, думая, что близок рассвет, ибо ночь была светлая. Ему нужно было отправиться в свой виноградник, — а римляне обычно чрезвычайно заботливо возделывают свои виноградники. Он вышел из Остийских ворот, причем ему пришлось просить сторожей, чтобы они ему открыли, и увидел женщину, шедшую впереди.

Думая, что она идет в Сан Паоло¹, чтобы там помолиться, он почувствовал в себе желание и ускорил шаги, чтобы ее догнать. Он решил, что ему легко удастся ею овладеть, так как она была одна. Когда он стал ее настигать, она свернула с большой дороги на тропинку. Он пошел быстрее, боясь упустить случай, пославший ему женщину. Пройдя немного, на повороте он догнал женщину, схватил ее, — она молчала все время, — бросил на землю и овладел ею. Когда все было кончено, женщина исчезла, оставив после себя запах серы. Человек вдруг почувствовал, что он один и лежит на траве. Он встал, слегка испуганный, и вернулся домой. Все решили, что это было дьявольское наваждение.

ХСII

Об адвокате, который получил фиги и персики от одного тяжущегося

Мы порицали неблагодарность тех, кто любит заставлять людей работать до утомления и не торопится с вознаграждением. По этому случаю Антонио Лоски, человек тонкого обхождения и очень веселый, сказал: «Один из моих друзей, Винченцо, был адвокатом человека чрезвычайно богатого, но скупого, и хотя много раз вел его дела, не мог получить от него никакого вознаграждения. Наконец клиент обратился к нему с просьбой принять на себя его защиту в очень трудном деле. В назначенный день он получил от него фиги и персики. Он пришел в

---

¹ С а н П а о л о за стенами (fuori le mura) — одна из древнейших и самых почитаемых римских церквей.

суд, и там в то время, как противники пространно говорили против него, он не раскрыл рта и не сказал ни одного слова, хотя другая сторона всячески его на это вызывала. Кругом были удивлены, а клиент спросил, что означало его молчание. Адвокат ответил: «Персики и фиги, которые ты мне прислал, так заморозили мои уста, что я не мог произнести ни слова».

ХСШ

О хитростях врача, посещавшего больных

Один врач, невежественный, но хитрый, посещая вместе с учеником больных, щупал, как принято, пульс, и если замечал, что больному хуже, винил его самого, упрекая его в том, что он съел figу, или яблоко, или что-нибудь еще, что ему было запрещено. Больные очень часто признавались, что это было действительно так, и казалось, что если врач догадывался так хорошо о нарушении больными предписаний, то он обладает неким даром ясновидения. Ученик не раз дивился этому и спросил однажды патрона, каким образом он узнает эти вещи: по пульсу, по прощупыванию или еще более ученым способом. Врач, желая вознаградить его за проявленное к нему уважение, открыл секрет: «Когда я вхожу в комнату, где лежит больной, — сказал он, — я прежде всего внимательно смотрю кругом, нет ли на полу остатков каких-нибудь плодов или еще чего-нибудь. Например, если я вижу шелуху от каштанов или орехов, кожицу от фиг, огрызки яблок или что-нибудь в этом роде, я сейчас же догадываюсь, что больной съел либо того, либо другого. Тогда я приписываю ухудшение его невоздержанности, чтобы не вздумали обвинять меня, если это ухудшение будет продолжаться».

Некоторое время спустя ученик решил и сам заняться медициной и, поскольку замеченные в комнате остатки давали опору его догадкам, обращался с теми же упреками к больным, говоря, что они нарушали пищевую диету, им прописанную, и ели то или другое. Однажды он был приглашен к бедному крестьянину и обещал ему быстро его вылечить, если пациент будет следовать его

указаниям. Потом ушел, прописав что-то и обещая вернуться на другой день. Придя к нему вторично, он нашел у больного сильное ухудшение. Не понимая его причины, этот глупый и невежественный человек, поискав кругом глазами и не найдя никаких подходящих остатков еды и растерявшись, заглянул под кровать и там увидел ослиное вьючное седло. Тогда он стал кричать, что наконец он понял, почему больному стало хуже: он так резко нарушил диету, что удивительно, каким образом он до сих пор не умер: он съел осла. Неуч решил, что седло — остаток от вареного осла, подобно тому, как кость — остаток от мяса. Уличенный в глупости, этот смешной человек вызвал всеобщее глумление.

XCIV

Тяжба двух лиц о деньгах

На болонской территории есть городок по имени Медичина. Туда был прислан подеста (так называется должность), человек грубый и невежественный. К нему обратились двое тяжущихся по денежному вопросу. Первый, который назвал себя кредитором, говорил, что другой должен ему деньги и что этот долг доказан. «Ты плохо делаешь, — сказал подеста должнику, — что не выплачиваешь долга». Тот отрицал это и уверял, что ничего не должен, ибо все уже выплатил, и подеста начал упрекать другого, что тот требует денег, уже ему не причитающихся. Кредитор настаивал, что прав, и долго приводил доказательства. Подеста еще резче вновь обрушился на должника за отрицание столь ясного долга. Должник, в свою очередь, выдвинул новые доводы, доказывающие, почему он не должен ничего, и подеста еще раз начал обвинять кредитора, что он требует деньги, уже выплаченные ему. Таким образом, упрекнув по несколько раз как одну, так и другую сторону, этот смешной человек объявил: «Обе стороны выиграли и проиграли. Можете идти». И, не вынеся никакого решения, он закончил разбирательство. Эта история была рассказана в дружеском кружке, где как-то зашла речь о нашем знакомом, который часто менял свое мнение по одному и тому же вопросу.

О необразованном человеке, который просил у архиепископа миланского сана архиерея

Однажды мы сокрушались о ненормальных условиях нашего времени, или, лучше сказать, о неумении людей, стоящих во главе церкви, выбирать на должности. Ибо, пренебрегая учеными и разумными, они возвышают невежественных и ничтожных. Тогда Антонио Лоски сказал: «Этим грешат не только папы, но и другие государи: они тоже любят пустых и смешных людей и отвергают выдающихся по образованию. Однажды был при старшем Кане, синьоре Вероны, очень веселый малый по имени Нобиле, человек без воспитания и образования. Но Кане к нему благоволил из-за его забавных выходок и, так как Нобиле был клириком, даровал ему много бенефиций. Однажды Кане посылал послов, людей выдающихся, к бывшему миланскому архиепископу¹, который в то время стоял во главе города. Нобиле присоединился к ним. Выполнив свое поручение, послы собрались уходить. В это время Нобиле, который своим балагурством смешил архиепископа, получил от него позволение обратиться к нему с просьбой. Нобиле попросил, чтобы ему дали сан архиерея, который считался очень важным. Архиепископ, смеясь над глупостью его, сказал: «Чего ты просишь! Эта должность слишком трудна для твоих сил, ибо ты человек образования скудного и совершенно невежественный». Нобиле на это ответил немедленно и откровенно: «Я поступаю так, как принято у нас. Ибо в Вероне бенефиции раздаются не образованным, а невежественным и неучам». Мы очень смеялись над забавным ответом человека, который решил, что повсюду должны поступать так же глупо, как и в Вероне.

---

¹ Джованни Висконти был архиепископом миланским с 1328 г., а правителем сделался позднее (1349—1354). Здесь хронология кое-как сходится, потому что Кангранде I умер в 1329 г.

ХСVI

О монахе, который исповедовал вдову

Один монах, из числа тех, которых называют обсервантами¹, выслушивал во Флоренции исповедь красивой вдовы. Перечисляя свои грехи, женщина прижималась к монаху и, чтобы говорить тихо, все больше приближала к нему лицо. Ее молодое дыхание разгорячило монаха, все, что у него покоилось, пришло в движение, и он должен был терпеть настоящую муку. Терзаемый плотью, весь в судорогах, он сказал женщине, чтобы она ушла, а она стала просить, чтобы он наложил на нее епитимию. «Епитимию! — воскликнул монах. — Это вы на меня наложили епитимию».

ХСVII

О человеке, который притворился мертвым перед женой

В Монтеварки, небольшом городке неподалеку отсюда, жил садовник, мой знакомый. Однажды, возвращаясь домой из сада в отсутствие своей молодой жены, которая стирала белье, он захотел узнать, что скажет жена и что она будет делать, если он умрет. И, войдя во двор, он растянулся навзничь на земле, как будто бы был мертвый. Когда жена, нагруженная бельем, вернулась домой и нашла своего мужа, как ей казалось, мертвым, она не могла сразу решить, приняться ли ей оплакивать мужа сейчас же или сначала поесть. Ибо вплоть до полудня у нее не было ни крошки во рту. Так как голод ее мучил,

---

¹ Обсервантами назывались монахи францисканского ордена, которые в виде протеста против обмирщения монашества проповедовали аскетизм и нищету и жили не большими общинами, как большинство францисканцев (конвентуалы), а очень маленькими. Популярность обсервантское движение приобрело тогда, когда в первые десятилетия XV в. во главе его стал Бернардин Сиенский и его ученики, Джованни а Капистрана и Альберто да Сартеано. Обсервантам очень покровительствовал папа Евгений IV.

она решила прежде закусить и, поджарив кусок сала на углях, съела его второпях, не запивая из-за спешки ничем. Пища была соленая. Ей очень захотелось пить, и, взяв кружку, она побежала по лестнице в погреб за вином. Когда она уже поднималась наверх, неожиданно пришла соседка, чтобы попросить огня. Увидев ее, женщина, несмотря на жажду, уронила кружку и принялась голосить, как будто муж ее только что испустил дух, и оплакивала его смерть с громкими причитаниями. На ее крики и рыдания сбежались все соседи, мужчины и женщины, пораженные столь неожиданной смертью. Ибо муж лежал с закрытыми глазами, сдерживая дыхание, и казался мертвым на самом деле. Наконец, когда ему показалось, что шутка продолжалась достаточно долго, он открыл глаза и сказал жене, голосившей и повторявшей без конца: «Бедный мой муж, что мне теперь делать!» — «Будет плохо, жена, если ты не пойдешь сейчас же и не напьешься». И все присутствовавшие от слез сразу перешли к смеху, особенно когда услышали рассказ и узнали причину жажды.

ХСVIII

Ответ монаха Бернабó, синьору миланскому

Бернабó¹, государь Милана, очень любил женщин. Однажды, когда он, уединившись в саду, вдали от свидетелей, предавался пылким играм с женщиной, которую любил, внезапно вошел монах, его духовник, перед которым, благодаря его мудрости и большому авторитету, двери Бернабó всегда были открыты. Бернабó покраснел и пришел в негодование от неожиданного прихода духовника, а потом, слегка успокоившись, спросил, чтобы поймать его на ответе: «Что бы вы сделали, если бы оказались в постели с такой же красивой женщиной?» Тот ответил: «Я знаю, что мне подобало бы, но не знаю, как бы я поступил». Этот ответ успокоил гнев государя, ибо монах признал, что и он человек и способен согрешить.

---

¹ Бернабó Висконти, о котором была речь выше (см. с. 54).

XCIX

О забывчивом слуге

У Роберто дельи Альбицци, человека ученого и обходительного, был слуга глупый, рассеянный и лишенный сообразительности, которого он держал у себя и кормил не столько ради пользы, сколько по доброте. Однажды он послал его с каким-то поручением к своему другу, по имени Дего, жившему около моста Тринита¹. Когда слуга пришел к нему, Дего спросил, что поручил передать ему хозяин. Слуга забыл, что наказывал Роберто, стоял в раздумье, как дурак, и ни слова не отвечал. Дего знал его и, видя, что он молчит, сказал, показав ему огромную каменную ступку: «Я знаю, зачем тебя послали. Возьми эту ступку и отнеси сейчас же к своему хозяину, который просит ее прислать». Когда Роберто издали увидел своего слугу, который тащил на плечах ступку, то понял, что Дего нагрузил его, чтобы наказать за рассеянность, и, когда тот подошел, закричал: «Чтоб тебе пусто было, болван, опять ты переврал мои слова! Иди сейчас же назад, мне не нужно такой большой. Принеси мне поменьше!» Слуга, весь в поту и изнемогая под тяжестью, признался, что ошибся, и, вернувшись к Дего, принес от него, проходив в третий раз, что-то еще. Так была наказана его глупость.

С

О человеке, который, чтобы стать известным, готов был истратить тысячу флоринов

Один молодой человек из наших флорентийцев, не очень умный, говорил своему другу, что он хочет истратить тысячу флоринов, чтобы поездить по свету и показать, каков он. Другой, который его очень хорошо знал, сказал ему: «Лучше истратить две тысячи и постарайся, чтобы тебя не узнали».

---

¹ Ponte di Trinità, один из древнейших мостов Флоренции, перестроенный в XVI в. архитектором и скульптором Амманато.

СИ

Шутка знаменитого Данте

Данте, наш¹ поэт, в то время, как жил изгнанником в Сиене, находился однажды в церкви миноритов² и стоял, погруженный в глубокие думы, опершись локтями на алтарь. В это время кто-то подошел к нему и стал надоедать разными вопросами. Данте спросил его: «Скажи мне, какой самый большой из скотов?» — «Слон», — ответил тот. И Данте сказал: «Так оставь же меня в покое, о слон, и не приставай ко мне. То, о чем я думаю, важнее, чем твоя болтовня».

СП

Забавный ответ на вопрос мужа, спрашивавшего, может ли жена родить через двенадцать месяцев

Один флорентиец, ездивший за границу, вернулся домой через год и застал в день своего приезда жену в родах. Это ему не понравилось, ибо он заподозрил, что жена согрешила в его отсутствие. Но так как он не был в этом уверен, то решил спросить у соседки, дамы знатной и умной, может ли родиться ребенок через двенадцать месяцев. Дама, видя его глупость, стала его утешать. «Конечно, — сказала она. — Ибо, если ваша супруга в день зачатия случайно увидела осла, она должна быть беременной двенадцать месяцев, как ослица». Слова дамы успокоили мужа. Возблагодарив бога за то, что отделался от немалого подозрения и что жена его избежала большого скандала, он признал ребенка своим.

---

¹ Н а ш — то есть флорентийский.

² М и н о р и т ы — монахи францисканского ордена.

СШ

Лукавый вопрос одного священника

За Перуджинскими воротами находится церковь Сан Марко. Священник этой церкви, по имени Чичеро, в праздничный день, когда собрался весь народ, говорил обычную проповедь. По окончании ее он сказал: «Братья, я хочу, чтобы вы освободили меня от большого недоумения. В течение поста я выслушал исповедь ваших жен. Среди них не оказалось ни одной, которая бы не утверждала, что она не нарушила верности своему мужу, а из вас почти каждый признался, что он согрешил с женою другого. Чтобы мне не мучиться больше сомнениями, я хочу узнать от вас, кто такие и где находятся женщины, с которыми вы грешили».

СIV

Шутка одного человека над перуджинским послом

В ту пору, когда флорентийцы вели войну с папой Григорием¹, послы Перуджи, которая отложились от папы, прибыли во Флоренцию просить помощи. Один из них, доктор, начиная длинную речь, в виде вступления произнес слова: «Дайте нам вашего масла». Его товарищ, остроумный человек, который терпеть не мог словесных излишней, перебил его: «Какое такое масло?! Ты просишь масла, когда нам нужны солдаты. Разве ты забыл, что мы пришли сюда просить военной помощи, а не масла?» Тот заметил, что приведенные им слова взяты из Священного писания. «Хорошее дело! — отвечал другой. — Мы — враги церкви, а ты обращаешься за помощью к Священ-

---

¹ Долгая и изнурительная война Флоренции с папой Григорием XI продолжалась три года и была одной из причин тяжелого внутреннего кризиса. В год окончания войны (1378) вспыхнуло, как известно, восстание чомпи. Поджо подробно описал эту войну в своей «Истории Флоренции».

ному писанию». Всех рассмешила эта шутка, которая обрвала бесполезные словоизвержения доктора и позволила приступить непосредственно к делу.

CV

Перуджинские посланцы у папы Урбана

Перуджа отправила трех послов к папе Урбану¹ в Авиньон. Когда они прибыли туда, папа был тяжело болен. Тем не менее, чтобы не заставить их долго ждать, он приказал допустить их, предупредив заранее, чтобы они говорили поменьше. Некий доктор, который по дороге выучил наизусть длинную речь для произнесения ее перед папой, не обратив никакого внимания на то, что папа болен и находится в постели, стал говорить с таким многословием, что папа не раз давал понять, как тягостно ему слушать. Когда, наконец, этот неуч кончил говорить, папа спросил с обычной своей любезностью у остальных, чего они хотят еще. Другой посол, который заметил глупость того, кто говорил, и неудовольствие папы, сказал: «Святейший отец, наши полномочия гласят, что если вы немедленно не согласитесь на то, о чем мы вас просим, то прежде, чем мы выйдем отсюда, вот этот мой товарищ повторит вам еще раз свою речь». Эта шутка заставила улыбнуться папу, который приказал, чтобы просьба послов была немедленно исполнена.

CVI

Глупое заявление флорентийских послов

Флорентийские послы, отправленные с поручением во Францию, проезжая через Милан, решили побывать у государя этого города, Бернабо², чтобы выразить ему

---

¹ У р б а н V (1362—1370) — авиньонский папа, который вернулся было в Рим, но снова уехал в Авиньон, вследствие смут, раздиравших Рим и Италию.

² О герцоге Бернабо Висконти была речь выше (см. с. 54).

почтение. Как только они к нему вошли, Бернабо спросил, кто они такие. «С вашего позволения (таково обычное словоупотребление), мы граждане и послы флорентийские», — ответили они. Они встретили очень радушный прием и, расставшись с герцогом, отправились дальше. Когда они были уже в Верчелли и перебирали в памяти сделанное до тех пор, один из них вспомнил, как они обращались к Бернабо. Тогда другой сказал, что они напрасно прибавили к тому, что говорили, слова «с вашего позволения», ибо, если бы даже Бернабо и не захотел позволить, они продолжали бы быть гражданами и послами флорентийскими. Остальные согласились, что они напрасно говорили в этих выражениях и что эти слова умалили их достоинство. С общего согласия они вернулись в Милан, чтобы взять назад эти слова, и снова пришли к Бернабо. Старший из послов, который казался и самым ученым, сказал: «Государь, когда мы прибыли в Верчелли, мы вспомнили, как в нашем к вам обращении говорилось, что мы флорентийские послы и граждане с вашего позволения. Это было сказано неразумно и неправильно, ибо, позволяете вы или нет, мы все-таки флорентийские граждане и послы». Бернабо, обычно столь суровый, рассмеялся над тем, что людям пришла в голову такая глупость, и сказал им, что ему приятно видеть их такими, какими он их считал.

CVII

Забавное замечание Джован-Пьетро из Сиены

Джован-Пьетро, сиенский гражданин, мастер на шутки и на насмешки, однажды был приглашен в Риме на выпивку к Бартоломео деи Барди. Дело было утром, в летний день. Нас собралось туда довольно много, как для того, чтобы выпить, так и для того, чтобы потешиться над ним. Каждому, как принято, было предложено перед вином по маленькому кусочку хлеба. Все взяли свои куски и начали есть. Джован-Пьетро один держал хлеб в руках и на вопрос, почему он не ест, смеясь, сказал: «Бартоломео, твой хлеб среди всех тех, которые я видел, наиболее смиренный и скромный, ибо я несколько раз подносил

его ко рту и все не могу его уговорить пройти туда прежде вина». Мы все рассмеялись по поводу остроумного замечания Джован-Пьетро, который был убежден, что пища не всегда должна предшествовать питью, и меньше всего в случаях большой жажды.

CVIII

Забавный рассказ врача

Кардинал бордоский рассказывал мне, что один из его земляков, вернувшись вечером домой, начал кричать, что у него очень сильно болит нога. Жена натерла ему ногу розовым маслом, обложила шерстью и паклей и все вместе перевязала полотняным бинтом, а он продолжал жаловаться на сильные боли и со стонами просил вызвать врача. Врач пришел, понемногу и очень осторожно — ибо больной продолжал уверять, что ему очень больно — разбинтовал ему ногу, стал ее ощупывать и объявил, что она совершенно здорова. Тогда этот неуч воскликнул, протягивая другую ногу: «Значит, у меня болит вот эта». Забавная глупость человека, который ждал указания врача, чтобы узнать, что у него болит.

CIX

О секретаре императора Фридриха II

Пьеро делла Винья, человек ученый и умный, был секретарем императора Фридриха II¹. В то время как Фридрих воевал с папою Александром III² и вторгся с

---

¹ Пьеро делла Винья был канцлером Фридриха II Гоенштауфена. Слепление его произошло при несколько иных обстоятельствах, чем это рассказано у Поджо. Слепленного Пьеро Фридрих возил всюду с собою, закованного в цепи. Он в конце концов разбил себе голову о стены своей тюрьмы. В этой фацеции характерно то, что Поджо подчеркивает итальянское происхождение Пьеро, и то, что клеветники были немцы.

² Александр III был противником не Фридриха II, а Фридриха Барбароссы. Фридриху II пришлось иметь дело с Григорием IX и Иннокентием IV.

войском в церковную территорию, он приказал ослепить Пьеро, который был итальянцем, по наговору его немецких завистников. Позднее он раскаялся, сознал свою несправедливость и стал поверять ему свои самые заветные тайны¹. Однажды, когда император находился в стесненном положении из-за недостатка денег, Пьеро посоветовал ему бороться с церковью на ее собственные средства, захватить и переплавить для военных нужд все церковные украшения, золотые и серебряные, и, — так как они были в это время в Пизе, — знаменитые золотые цепи, которые опоясывали Пизанский собор. Совет понравился Фридриху, и он снарядил войско на отобранное у церкви имущество. Тогда Пьеро сказал: «Государь, я отплатил тебе за то зло, которое ты мне столь несправедливо причинил. Ты навлек на себя ненависть людей, а я заставил тебя совершить кощунство и сделал бога твоим врагом. Отныне неудача тебя будет преследовать во всем»². Но император остался после этого победителем. Александр, однако, в конце концов сломил его гордыню. Своими словами Пьеро указал, что священные предметы не следует обращать на мирские дела: кто так поступает, тот бывает наказан богом³.

---

¹ Ослепление Пьеро самое темное пятно на имени гениальнейшего из средневековых итальянских государей, Фридриха II Гогенштауфена (1194—1250). При Поджо слава его имени уже побледнела, но в ранних сборниках новелл, например в *Cent'Novelle Antiche*, он — центральная фигура.

² Анекдот, заимствованный Поджо у одного из поздних комментаторов Данте, Джованни да Серавалле, писавшего во времена Констанцского Собора.

³ Рассказ Поджо совершенно путает и имена и последовательность фактов. В частности, совершенно неверно представлен облик Пьеро, который в действительности был очень далек от той наивной веры, которая ему приписывается. Перу его принадлежат первые хорошо обоснованные, политически зрелые обвинения, брошенные папству. Вообще, это был один из крупнейших и разностороннейших людей своего времени. Он написал первый итальянский сонет. В письмах его, дошедших до нас, — целая политическая система, противоположная и теократии и феодализму и возвещающая новую доктрину бюрократического абсолютизма. Данте обессмертил Пьеро в своей «Комедии» («Ад», песнь XIII).

СХ

О пьянице

Один горький пьяница заболел лихорадкой, от которой его жажда стала гораздо больше, чем всегда. Врачи, приглашенные к нему, старались найти средство, чтобы прекратить лихорадку и жажду. Больной сказал: «Я вас прошу заботиться только о том, чтобы вылечить меня от лихорадки. Вылечить жажду предоставьте мне самому».

СХІ

Шутка апостолического писца Эверардо, который издал непристойный звук в присутствии кардинала

Кардинал деи Конти, человек дородный и жирный, вернувшись однажды с охоты около полудня, голодный, пошел обедать. Было лето. Весь потный, он сел за стол и попросил, чтобы кто-нибудь стал обмахивать его веером. Слуг в комнате не было: они были заняты разными делами. Кардинал обратился с просьбой к Эверардо Лупи, апостолическому писцу, чтобы он сделал немного ветерку. А тот в ответ: «Я не знаю, как это у вас делается». — «Как умеешь, так и сделай», — сказал кардинал. «Тогда пожалуйста», — ответил Эверардо. И, подняв правую ногу, громко издал непристойный звук, говоря, что он умеет делать ветер только этим способом. Многочисленная компания, присутствовавшая при этой сцене, разразилась неудержимым смехом.

СХІІ

Веселая шутка другого кардинала

Таким же способом ответил кардинал Трикарико на увещевания Альто деи Конти. Кардинал вел распущенную жизнь, и однажды на охоте Альто стал его

пространно уговаривать переменить свой образ жизни на более достойный. Кардинал выслушал Альто, посмотрел на него, наклонился к гриве своего коня и, громко издав непристойный звук, сказал: «Вот тебе в бороду». И поскакал дальше, не проронив больше ни слова и показав этим, как мало он обращает внимания на его советы.

СХІІІ

О женщине, которая, желая закрыть голову, открыла зад

Одна женщина вследствие болезни кожи должна была обрить себе голову. Однажды соседка вызвала ее на улицу по очень нужному делу, и она, забыв второпях закрыть голову, вышла из дому на зов. Соседка, увидя ее, стала стыдить, что она вышла на люди с голой и безобразной головой. Тогда бритая, чтобы закрыть голову, подняла сзади юбку и, желая спрятать голое темя, обнажила зад. Присутствовавшие стали смеяться над женщиной, которая, чтобы избежать маленького срама, наделала большого. Это относится к тем, которые стараются прикрыть легкий проступок тяжелым преступлением.

СХІV

Забавный случай с человеком, который отправил письма жене и купцу

Франческо ди Ортано, неаполитанский рыцарь, которому король Владислав¹ вверил управление Перуджей, получил однажды сразу два письма: одно от жены, а другое от генуэзского купца, которого он был должни-

---

¹ Владислав, сын Карла III, был королем обеих Сицилий в 1386—1414 гг. Его царствование — разгар феодальной смуты на юге Италии. Ему наследовала его сестра Джованна II.

ком. Жена в своем письме просила, чтобы он скорее вернулся домой, напоминая ему о супружеском долге и о клятвах верности. Купец требовал возвращения денег. Франческо ответил своему кредитору, по справедливости, что он заплатит ему свой долг очень скоро, и лишь просил о небольшой отсрочке. В письме к жене он старался успокоить ее желание целой кучей ласковых слов и обещаний. Он писал, что скоро придет и сделает все, чтобы наверстать с нею время, потерянное для супружеских удовольствий, причем, как было естественно в письме к жене, говорил обо всем этом в очень свободном тоне. Между прочим там было прибавлено, что он будет доставлять ей удовольствие всеми возможными способами. Запечатав письма, Франческо написал на том, которое предназначалось жене, адрес купца, а на другом — адрес жены. Жена, получив письмо, была очень удивлена, что он ничего не пишет ей в ответ на ее письмо. А генуэзец, прочитав несколько раз полученное письмо, в котором были веселые намеки и супружеские любезности и где больше всего говорилось о том, что он вернется и будет много заниматься любовью с женой, и другие, еще более непристойные вещи, решил, что его должник над ним издевается. Он пошел к королю, показал письмо, принес жалобу, что ему вместо денег сулят какие-то супружеские гнусности, и громко кричал, что он в достаточной мере супружески обработан был в тот день, когда дал займы деньги Франческо. Все много смеялись, а еще больше стали смеяться потом, когда узнали, какая произошла ошибка с письмами.

СХV

Рассказ о Данте, который часто бранил свою жену

Моему земляку, по имени Данте, жена которого слыла женщиной не очень целомудренной, часто приходилось выслушивать от друзей уговоры, чтобы он оградил от позора свой дом. Он, в свою очередь, осыпал по этому поводу суровыми упреками жену. Та со слезами и клятвами уверяла его в своей честности и говорила, что на нее

клеветают злые люди, завидующие их семейному согласию. Эти слова успокоили мужа, и, когда друзья продолжали наговаривать на его жену, он им сказал: «Перестаньте морочить мне голову. Скажите, кто лучше может знать ее грехи, вы или она сама?» Те отвечали, что, конечно, она. «Так вот, она уверяет, что вы все лжете, а ей одной я верю больше, чем вам всем».

СХVI

Рассказ Цуккаро о женщине, просившей лекарство у священника

Цуккаро, милейший человек, любил рассказывать такую историю: одна женщина, его соседка, собою довольно красивая, страдая бесплодием, часто спрашивала у священника, своего духовника, не знает ли он средства для того, чтобы иметь детей. Священник в конце концов сказал, что такое средство у него есть, и пригласил ее прийти к нему в четверг, день для такого дела особенно благоприятный. В назначенный срок женщина, чаявшая иметь детей, пришла в жилище священника. Он ей сказал: «Я пушу в ход особые чары, порождающие всякого рода ложные ощущения, так что призрачное будет казаться действительным. Чтобы наше дело удалось, нужны спокойствие и твердость духа. Вам будет казаться, что я вас трогаю, что я вас целую, что я вас обнимаю и делаю вещи еще более сокровенные, такие, которые постоянно бывают у вас с мужем. Ничего этого не будет происходить на самом деле, но так будет казаться благодаря силе заклинаний, которые я пушу в ход. Эта сила так велика, что кажется происходящим в действительности то, что не происходит». Женщина согласилась, поверив словам священника и сказав, что она не обращает внимания на такие колдовские вещи. Священник стал делать множество всяких знаков, шептать ей на ухо кабалистические слова, потом ее целовать и повалил на постель. Женщина, вся дрожа, подняла крик: «Что вы делаете?» — «Разве я вас не предупреждал, — ответил священник, — что вы будете принимать за действительность то, чего нет?» Так, воспользовавшись легковерием

женщины и не переставая уверять ее, что не происходит решительно ничего, священник дважды удовлетворил свою похоть, а женщина вернулась домой, убежденная, что стала жертвою наваждения.

СХVII

Об отшельнике, который сожительствовал со многими женщинами

В Падуе во времена Франческо¹, седьмого герцога этого города, жил отшельник по имени Анзимирио. Он слыл за святого. Но ему удалось под предлогом исповеди склонить к сожительству с собою многих женщин, в том числе и самых знатных. Когда в конце концов слух о его преступлениях стал распространяться, — ибо лицемерие никогда не может быть скрыто долгое время, — отшельник был схвачен по приказанию подесты, признался в содеянном и был приведен к герцогу Франческо. Герцог, вызвав одного из секретарей, стал допрашивать отшельника, шутки ради, о некоторых подробностях, а также об именах женщин, которые с ним грешили. Анзимирио назвал многих, в том числе жен некоторых герцогских придворных. Секретарь записывал имена, чтобы потом позабавиться. Когда список был закончен, герцог стал спрашивать, не осталось ли еще кого-нибудь. Отшельник уверял, что нет. А секретарь начал строго настаивать и грозить применением силы, если отшельник не выдаст всех. Тогда тот сказал, вздыхая: «Запишите тогда в список вместе с другими и вашу жену». Услышав эти слова, секретарь от огорчения выронил перо, а герцог принялся смеяться, говоря, что это ему поделом, ибо кто с таким сладострастием выслушивал о позоре других, достоин сам попасть в число опозоренных.

---

¹ Франческо Каррара жил в конце XIV в. Это был один из самых даровитых тиранов северной Италии. Он остановил наступление Австрии со стороны Трентино, отнял у нее Тревизо и Беллуно, потом в союзе с Джаном Галеаццо Висконти сокрушил владычество делла Скала в Вероне (1386), но в 1388 г. соединенными силами Венеции и Джана Галеаццо сам был лишен владений.

СХVIII

О молодом флорентийце, который согрешил с женой своего отца

Во Флоренции один молодой человек занимался любовью со своей мачехой. Отец его, вошедший неожиданно, застал его на месте преступления. Пораженный неслыханным и чудовищным проступком, старик поднял крик и стал всячески поносить сына. Тот, смущенный, оправдывался. Ссора продолжалась долго, крики становились громче. На шум прибежал сосед, который, не зная, в чем дело, и желая водворить мир, стал спрашивать о причине ссоры. Оба молчали, не желая разоблачать семейный позор. Сосед настаивал, желая разобраться. Наконец отец сказал, в чем вина сына, а сын воскликнул, перебивая его: «Да! Когда отец мой без зазрения совести тысячу раз занимался любовью с моей матерью, я молчал. А когда я один только раз согрешил с его женой, да и то под влиянием минуты и по легкомыслию, он кричит, как сумасшедший, так, что на небе слышно». Сосед засмеялся забавному ответу сына и ушел, успокоив, как мог, отца.

СХIX

Спор миноритов о том, как нужно изобразить св. Франциска

Одна община братьев миноритов пригласила художника, чтобы он написал им картину, изображающую св. Франциска. Но они никак не могли сговориться, в каком виде он должен был быть изображен. Один хотел, чтобы святой был на картине со стигматами, другой — чтобы в момент проповеди перед народом, третий — еще по-иному. В этих спорах прошел целый день. Решения никакого не было принято. В конце концов монахи отправились спать, оставив художника в полном недоумении. Не зная, что делать, видя глупость братии и думая, что они над ним смеялись, он изобразил на картине св. Франциска играющим на флейте, а другие даже говорят — повешенным.

А сам ушел. Когда монахи увидели картину, они стали искать художника, чтобы с ним расправиться, считая, что он нанес величайшее оскорбление религии и заслуживает строгого наказания. Но художник был уже далеко.

СХХ

О флорентийском священнике, который отправился в Венгрию

В Венгерском королевстве есть обычай, заключающийся в том, что после окончания обедни те, у кого болят глаза, подходят к алтарю, священник брызжет им на глаза водою из чаши и произносит при этом некоторые слова из Священного писания, с пожеланием им здоровья. Однажды в Венгрию отправился флорентийский священник вместе с Филиппо, который прозывался Испанцем¹. Этот священник служил обедню в присутствии короля Сигизмунда. По окончании службы подошли к нему страдающие глазами, чтобы он побрызгал на них водою. Он же, думая, что глаза у них болят от пьянства и от грязи, взяв чашу, — он видел, как это делалось, — стал брызгать на теснившихся к нему, говоря им по-итальянски: «*Andatemene che siate morti da giado*», что означает: «Идите вон, и чтоб вы погибли от меча». Король-император понял эти слова и не мог удержаться от смеха. На другой день за столом он для шутки припомнил слова священника, вызвав этим раздражение у болевших глазами и смех у остальных.

---

¹ Филиппо Сколари, по прозванию Пиппо Спано, знаменитый кондотьер, который служил у короля Венгрии Сигизмунда и был сделан им баном Хорватии, был даровитым воином и просвещенным правителем. По его приглашению ездил в Хорватию и работал там флорентийский живописец Мазолино. Великолепный его портрет сохранился на фреске Андреа дель Кастаньо.

СХХІ

Ответ крестьянина своему помещику

Один крестьянин из наших мест на вопрос своего помещика, в какое время года у него бывает больше всего работы, ответил: «В мае месяце». Помещик стал спрашивать, почему именно в мае. Ему казалось это странным, потому что в это время работы на полях прекращаются. «А потому, — ответил крестьянин, — что нам в это время приходится работать и со своими женами и с вашими».

СХХІІ

Слова чудака

Некий римлянин, хорошо нам знакомый, взобрался однажды на стену, находившуюся в камышах, и, обращаясь к камышам, стал говорить, как если бы говорил с народом, о положении дел в городе Риме. В то время, как он говорил, поднялся легкий ветерок, и верхушки камышей стали наклоняться. Этот чудака, который принимал камыши за людей и воображал, что они благодарят его за его речь, сказал: «Не нужно столько благодарностей, господа римляне, ибо я последний из вас». Эти слова позднее вошли в поговорку.

СХХІІІ

Издевательство над человеком, желавшим зарезать свинью

В одном городке Пичентинской области был обычай, что если кто резал зимою свинью, приглашал к обеду соседей. Один из местных жителей, желая избежать расхода, стал спрашивать у земляка совета, как ему быть.

«Скажи завтра, — ответил тот, — что ночью у тебя свинью украли». А сам ночью, в то время, как тот ничего не подозревал, действительно угнал его свинью. Утром человек увидел, что свиньи нет. Он пошел к земляку и стал кричать, что у него украдена свинья. «Правильно, правильно, куманек, — сказал другой, — вот именно так я учил тебя говорить». Тот стал всех богов призывать в свидетели, что он говорит правду. «Очень хорошо, — был ответ. — Именно это я тебе и советовал». И когда клятвы следовали за клятвами, вор так же спокойно повторял: «Прекрасно, ведь я так и советовал тебе вчера говорить, и хороший тебе дал совет». В конце концов человек ушел одураченный.

СХХIV

Ответ Фачино Кане

Фачино Кане, кондотьер гибеллинской партии, вступил в Павию и, как было условлено, разграбил имущество одних только гвельфов. Когда гвельфского добра больше не осталось, он начал громить также дома гибеллинов, под предлогом, что там скрыто имущество гвельфов. Гибеллины пришли к нему жаловаться, говоря, что недопустимая вещь подвергать грабежу имущество людей, принадлежащих к его собственной партии. Фачино отвечал: «Правду вы говорите, детки. Вы все гибеллины. А только добро ваше — гвельфы». Таким образом, грабеж имущества продолжался без различия партий.

СХХV

О жене пастуха, у которой был ребенок от священника

Жена одного пастуха в Риве, затерянном в снегах горном городке, была в связи со священником, от которого имела ребенка. Мальчик воспитывался в хижине пастуха.

Когда ему минуло семь лет, священник осторожно завел речь с пастухом о том, что ребенок принадлежит ему, и просил, чтобы он позволил взять сына к себе. «Ни за что, — ответил пастух. — Мальчик родился в моем доме, и я хочу, чтобы он был моим. Ибо было бы очень плохо для меня и для моего хозяина, если бы всех ягнят, которые рождаются от овец, покрытых чужими баранами, я вздумал передавать хозяевам баранов».

СХХVI

О крестьянине, который привел ослов, нагруженных хлебом

Некий крестьянин обратился с просьбою в городской совет Перуджи. Один из членов совета настаивал на том, что эта просьба должна быть отвергнута, как недобросовестная. На другой день крестьянин, пораскинув умом, привел к дому того, кто возражал против его просьбы, трех ослов, нагруженных пшеницею. Через четыре дня противник крестьянина изменил свое мнение и очень странно защищал его дело. Товарищ по совету, слушая, как он говорит, сказал другим: «Чувствуете, как ревут ослы?» Он намекал на полученную тем пшеницу.

СХХVII

Веселый ответ бедняка богатому, которому было холодно

Некий богач, закутанный в теплые одежды, зимою шел в Болонью. В горах он встретил крестьянина, на котором был один-единственный плащ, да и тот очень подержанный. Богач удивился, как в такой холод — ибо был ветер и шел снег — человек может не зябнуть. Он спросил у крестьянина, неужели ему не холодно. «Нисколько», — отвечал тот с веселым лицом. Богач, удивленный, воскликнул: «Как! Я дрожу в мехах, а ты —

почти голый, и не чувствуешь холода?» — «И ты бы не мерз, — отвечал крестьянин, — если бы на тебе была надета, как на мне сейчас, вся одежда, какая у тебя есть».

СХХVIII

О горце, который хотел жениться на молодой девушке

Один горец из городка Перголы хотел жениться на молоденькой дочке своего соседа. Когда он увидел ее, она ему показалась слишком юной и хрупкой. Но отец ее, который был очень глуп, сказал горцу: «Она зреее, чем ты думаешь, у нее было уже три ребенка от клирика нашего священника».

СХХIX

О враче, который изнасиловал больную жену портного

Один портной из Флоренции пригласил к больной жене знакомого врача. Врач пришел к ней в отсутствие мужа и, несмотря на ее сопротивление, изнасиловал ее. Уходя, доктор встретил мужа, которому сказал, что лечение идет хорошо. Но, придя к жене, муж застал ее вне себя и в слезах. Узнав, в чем дело, он ничего никому не сказал, а через восемь дней, захватив с собою тонкой дорогой материи, отправился к жене доктора и сказал ей, что муж ее заказал ему сшить ей рубашку. Для того чтобы снять мерку, нужно было, чтобы женщина, — она была очень красивая, — сняла с себя почти всю одежду. Когда она разделась, портной, воспользовавшись тем, что при этом никого не было, изнасиловал ее и оплатил таким образом врачу его же монетой. Позднее он ему в этом признался.

СХХХ

О ростовщике из Виченцы

В Виченце один ростовщик много раз просил некоего монаха, пользовавшегося очень большим влиянием и постоянно произносившего проповеди о нравах, выступить со всей силою против ростовщиков, чтобы заклеить как можно красноречивее этот порок, сильно распространенный в городе. Он повторял эту просьбу с такой настойчивостью, что это уже становилось монаху в тягость. Когда кто-то стал выражать удивление, что он так упорно настаивает на осуждении того промысла, которым он сам существует, и спросил, почему он так часто об этом напоминает, ростовщик ответил: «В нашем городе много людей, которые дают деньги в рост. Поэтому ко мне приходят немногие, и я ничего не зарабатываю. Если проповедь убедит других оставить занятие ростовщичеством, заработки всех остальных попадут ко мне». Об этом монах потом сам мне рассказывал, смеясь.

СХХХІ

О глупом венецианце, который держал шпоры в кармане

Джанино, повар Баранто из Пистойи, который занимался своим ремеслом в Венеции, рассказал нам про глупость одного венецианца. Отправляясь в деревню верхом, он положил шпоры в карман. Лошадь шла лениво и медленно. Он колотил ей бока каблуками, приговаривая: «Не хочешь двигаться! Если бы ты знала, какая штука лежит у меня в кармане, ты бы ускорила шаг»¹.

---

¹ Обычная шутка, как и в фацеции LXXV, по поводу неумения венецианцев, ездивших по своим каналам и по лагуне в гондолах, обращаться с лошадьми.

СХХХII

О венецианце, который по дороге в Тревизо получил удар камнем от своего слуги

Венецианец ехал в Тревизо верхом на нанятой лошади. За ним шел слуга пешком. По дороге лошадь ударила слугу по ноге. Не помня себя от боли, он схватил камень, чтобы отплатить лошади, и нечаянно попал своему хозяину в поясницу. Глупец решил, что ударила его лошадь. И так как слуга, страдая от ушиба, шел медленнее, хозяин стал его бранить. «Я не могу идти быстрее, — ответил слуга, — лошадь ударила меня копытом, и мне очень больно». А хозяин в ответ: «Что делать, такая это, видно, брыкливая лошадь; она и меня только что ударила в поясницу».

СХХХIII

О том, как крестьянин спрятал в соломе лисицу, спасавшуюся от собак

Крестьянин молотил на току хлеб. К нему прибежала лисица, спасавшаяся от охотничьих собак, и стала просить, чтобы он ее спрятал. За это она обещала никогда не трогать его кур. Крестьянин согласился на такое условие и набросал вилами на лисицу соломы, которая совершенно ее скрыла. Подошел один охотник, потом другой, ища лисицу. Они спросили у крестьянина, не видел ли он, как бежала лисица и в каком направлении. Он сказал им, что лисица побежала в такую-то сторону, а жестом и глазами показывал им, что она спрятана у него под соломой. Они, поверив словам и не обращая внимания на жесты, удалились. Тогда крестьянин сказал, освобождая лисицу от соломы: «Смотри же, блюди условие, ибо благодаря моим словам — когда я говорил, что ты бежала, — ты избавилась от опасности». А лисица, которая пережила большой страх и очень хорошо видела сквозь просветы в соломе движения крестьянина, заметила ему:

«Слова твои были хороши, а действия довольно скверные». Это говорится про тех, которые говорят одно, а делают другое.

СXXXIV

О флорентийце, который купил лошадь

Один флорентиец, мой знакомый, которому понадобилось купить в Риме лошадь, обратился к барышнику. Тот требовал с него двадцать пять золотых дукатов. Флорентиец находил, что это дорого, и предлагал барышнику взять наличными пятнадцать, а на остальные считать его своим должником. Барышник согласился. На другой день он стал требовать, чтобы ему были выплачены остальные. Флорентиец отказался. «Соблюдай же условия, — сказал он. — Мы сговорились, что я буду твоим должником, а ведь если я тебе заплачу, то должником уже больше не буду».

СXXXV

Шутка скомороха Гонеллы

Гонелла, очень известный когда-то веселый скоморох¹, обещал некоему феррарцу за небольшие деньги научить его отгадывать; тому очень этого хотелось. Однажды он предложил ему лечь вместе с ним в постель, тихонько пустил дух из живота, а потом предложил ему сунуть голову под одеяло. Тот повиновался, но вонь заставила его сейчас же вытащить голову обратно. «Ведь ты испортил воздух, я вижу». — «Плати деньги, ты отгадал», — ответил Гонелла.

---

¹ Исторический Гонелла был шутком при феррарском дворе во времена Обиццо II д'Эсте. Ему посвящено несколько новелл в сборнике Сакетти. Быть может, позднее были и другие носители этого имени в той же профессии. Под именем Гонеллы в XV в. вышел сборник «*Buffonerie del Gonnella*», имеющийся и в стихотворной и в прозаической версии. Сборник пользовался большой популярностью.

СХХХVI

Другая шутка Гонеллы над человеком, который хотел научиться отгадывать

Тот же Гонелла сказал другому, который тоже хотел научиться отгадывать: «Я тебя сделаю отгадчиком при помощи одной пилюли». Тот согласился. Гонелла скатал маленький шарик из кала и положил ему в рот. Тот сейчас же выплюнул отвратительно пахнущую пилюлю и воскликнул: «Ведь это г...о». Тогда Гонелла заявил, что он угадал правильно, и потребовал уплаты вознаграждения за науку.

СХХХVII

О чудесах, рассказанных папе Евгению

В этом году, в октябре месяце, когда папа был во Флоренции во второй раз, пришли вести о множестве чудес, притом от таких лиц, что не верить было бы неразумно. Из Комо были получены письма от очень порядочных людей, которые утверждали, что сообщаемое слышали от целого ряда свидетелей, бывших очевидцами. В одном месте, которое находится от Комо на расстоянии пяти миль, в двадцать первом часу вечера¹ можно было видеть огромное множество собак, казавшихся красными, количеством около четырех тысяч, которые направлялись в сторону Германии. За этим как бы первым отрядом бежало великое множество быков и овец. Следом за ними двигались всадники и пехотинцы, разделенные на турмы и на когорты:² многие из них были закованы в броню. Их было так много, что они представляли собою настоящую армию. У некоторых можно было разглядеть голову, другие были без головы. Последний отряд следовал за человеком огромного роста, настоящим

---

¹ То есть в десятом часу, ибо флорентийский счет начинался с шести часов.

² Римские боевые деления: турмы — кавалерийское, когорты — пехотное.

гигантом, который ехал верхом на громадном коне. Он вел большое количество вьючных животных. Почти три часа продолжалось бесконечное шествие всей этой вереницы, так что его можно было видеть в разных местах. Есть много свидетелей, мужчин и женщин, которые, чтобы разглядеть шествие, подходили поближе. После захода солнца все исчезло, словно перенеслось в какие-то иные места.

СXXXVIII

Чудесное видение

Несколько дней спустя пришли известия из Рима о таких же чудесных явлениях и столь же достоверные, ибо от этих чудес остались явственные следы. Двадцатого сентября разразилась буря, и стены покинутого замка, именем Боргето, находящегося в шести милях от Рима, рухнули, так же как и ветхая церковка близ этого места. Камни рассыпались на мелкие кусочки, словно их размолотила и рассеяла человеческая рука. С небольшой гостиницы, обычного приюта путников, где в это время искало убежища много людей, была сорвана вся крыша и отнесена ветром на дорогу, находящуюся неподалеку, причем из людей никто не пострадал. Колокольня церкви св. Руфины, на расстоянии десяти миль от города, на другом берегу Тибра, близ моря, в месте, которое называется Казале, была разрушена до основания. В то время, как многие удивлялись этим явлениям и задавали себе вопросы о причинах, два погонщика волов, которые в то время находились в Казале и были заняты на полевых работах, пришли в Рим, чтобы рассказать о необычных фактах, свидетелями которых они были. Они часто видели, как прогуливался в соседнем лесу кардинал, которого звали патриархом и который недавно умер от последствий раны в замке св. Ангела¹. На нем был полотняный

---

¹ Речь идет о знаменитом полководце папы Евгения IV, кардинале Джованни Вителлески, обстоятельства смерти которого были действительно необычны, хотя и по-другому. Он был арестован среди своих войск комендантом замка св. Ангела, Антонио де Ридо, и умер несколько дней спустя не от последствий раны, а, по всей

плащ, как носят кардиналы, и на голове четырехугольный берет, как при жизни. Он имел грустный вид, издавал вздохи и жалобные стоны. А когда поднялся внезапно вихрь, — дело было днем, — они видели, как призраком кардинала, поднятый ветром, взвился на воздух, обнял колокольню, раскачал ее и повалил на землю. Помимо того, что здесь рассказано, много дубов и кленов необыкновенных размеров были вырваны с корнем и унесены далеко. Все эти явления казались мало вероятными. Многие отправились на место, чтобы увидеть своими глазами, и подтвердили справедливость рассказов.

СXXXIX

Нотариус-мошенник

Один флорентийский нотариус, которому его профессия приносила мало дохода, решил придумать какое-нибудь мошенничество, из которого он мог бы извлечь выгоду. Он обратился к одному молодому человеку и спросил его, были ли ему уплачены пятьдесят флоринов, которые его отец дал когда-то займы человеку ныне умершему. Тому долг этот был неизвестен, и он ответил, что в отцовском списке такой записи нет. Нотариус тогда сказал, что он сам скреплял эту сделку, и предложил юноше, взяв у него за деньги копию соответствующей записи, предъявить долг ко взысканию в суд подесты. Подеста вызвал сына того, кого считали должником, но он утверждал, что отец его никогда ничего не брал в долг, ибо никаких записей об этом нет в его книгах, а купцы, как известно, эти записи ведут очень тщательно. И сейчас же отправился к нотариусу и стал обвинять его в мошенничестве, в том, что он внес в свои книги запись о сделке, которая никогда не была совершена. Нотариус отвечал:

вероятности, от яда. Поджо ненавидел кардинала злой ненавистью и был даже слегка замешан в обстоятельствах, предшествовавших его смерти. Во всяком случае, его обвиняли в том, что он подделал подпись папы на приказе об аресте кардинала. Он хотел угодить этим Медичи, ибо Вителлески строил планы, направленные против Флоренции.

«Сын мой, вы не можете знать о сделках, относящихся к тому времени, когда вас еще не было на свете. Ваш отец взял эту сумму в долг, но вернул через несколько месяцев. Эта последняя сделка тоже прошла через меня, и в моих записях есть копия квитанции кредитора». Наследнику должника ничего не оставалось, как заплатить деньги и взять копию записи, освобождавшей его от тягостного иска. А нотариус благодаря хорошо продуманному мошенничеству получил деньги с двух сторон.

СХІ

Жуткая история о мальчике, который ел детей

Мне хочется включить в эти наши рассказы ужасную и отвратительную историю, неслыханную в прежнее время, которую я сам считал выдумкой до тех пор, пока письмо, полученное от одного из королевских¹ секретарей, не подтвердило мне, что все это происходило в действительности. В письме об этом говорилось приблизительно так: «Чудовищное происшествие случилось в десяти милях от Неаполя, близ находящегося в горах городка Соммы. Мальчик из Ломбардии, лет тринадцати, был схвачен и приведен к подесте, уличенный в том, что он съел двух трехлетних детей. Он завлекал их ласками в какую-то пещеру, душил, разрубал на куски, часть съедал тут же сырьем, а часть потом жарил. Он признался, что съел и несколько других, потому что детское мясо казалось ему гораздо более вкусным, чем всякое другое, и объявил, что, если сможет, будет делать это и впредь. Сначала решили, что он это делает по безумию. Но на все вопросы он отвечал очень толково, и тогда стало ясно, что им двигало не безумие, а кровожадность».

---

¹ В Италии в XV в. был только один король: государь королевства обеих Сицилий.

CXLI

О некоем, кто выдавал себя за человека высокоцеломудренного и был застигнут на месте преступления

Один наш согражданин, который выдавал себя за человека целомудренного и очень религиозного, другом своим был застигнут вдвоем с продажной женщиной. Он должен был выслушать от него суровые упреки за то, что, проповедуя целомудрие, впал в такой грех. Тот отвечал: «О, не думай, что я делаю это из сластолюбия, я лишь укрощаю и изнуряю свою жалкую плоть и, кроме того, очищаю свои почки». Таковы эти отвратительные лицемеры: они не хотят отказать себе ни в чем, а свою похоть и свои пороки всегда стремятся оправдать тем или другим благовидным предлогом.

CXLII

О глупом миланском жителе, который подал священнику список своих грехов

Некий миланский житель, по глупости, по лицемерию или из боязни что-нибудь забыть, сделал огромный список своих грехов. Он пошел к мужу очень ученому и в этих делах чрезвычайно опытному, жившему в Милане монаху-минориту Антонио из Рауди, вручил ему список и просил, чтобы он все прочел, говоря, что это его исповедь. Монах, умный и сообразительный, сразу увидел, что чтение этого бесконечного списка потребует много времени и что принесший список — человек глупый и болтливый, задал ему несколько вопросов и объявил: «Отпускаю тебе все грехи, перечисленные в этом списке». И на вопрос, какое монах назначает ему покаяние, сказал: «Ты должен в течение месяца по семи раз в день читать твой список». Тот стал доказывать, что это невозможно, но монах епитимии не отменил. Так многословие этого глупца получило достойную кару.

СХLIII

О человеке, который подговорил друга хвалить его родителям невесты

Некто, здоровьем слабый и отнюдь не богатый, задумал жениться. Приглашенный родителями невесты к ужину в летний день, он привел с собою друга, которого просил всякий раз прибавлять что-нибудь к тому, что сам он будет говорить о себе. Будущая теща похвалила его плащ. Он заметил, что у него есть другой гораздо лучше. Друг прибавил, что есть и третий, еще вдвое роскошнее. Тесть спросил, есть ли у него именье. Жених ответил, что у него есть поместье за городом, которое вполне его обеспечивает. Друг сейчас же присовокупил: «А что же, забыл ты разве о другом своем поместье, которое обширнее этого и приносит тебе столько дохода?» И всякий раз, когда жених чем-нибудь хвалился, друг прибавлял вдвое. Наконец, когда тесть, видя, что он ест мало, стал его угощать и жених заметил, что летом он чувствует себя не совсем хорошо, друг прибавил, чтобы не упустить случая усугубить похвальбу: «Больше того: он и летом хворает, а зимою гораздо хуже». Эти слова вызвали всеобщий смех. Стало ясно, что человек легкомысленно похвалялся, чтобы снискать незаслуженное одобрение. И поплатился за свою глупость.

СХLIV

Шутка Пасквино из Сиены над земляком

Пасквино из Сиены, не любивший лазить за словом в карман и склонный к шуткам, был изгнан из родного города при перемене правления. Он поселился в Ферраре. Однажды его навестил там по пути из Венеции в Сиену его земляк, пустой малый. Пасквино принял его очень любезно, и в разговоре гость обещал Пасквино свои услуги в Сиене, если он может быть ему чем-нибудь полезен. И прибавил, похваляясь, что возможности у него

имеются: «Я принадлежу к телу¹ нынешнего государства», — говорил он. «Было бы хорошо, — заметил на это Пасквино, — если бы это тело издало некий звук, чтобы ты и тебе подобные поскорее вылетели из города». Остроумная шутка в ответ на хвастовство.

CXLV

О докторе, который говорил по-латыни при ловле птиц

Некий миланский доктор, человек без образования и без сообразительности, попросил птицелова, который собирался охотиться на птиц с совою, взять и его на охоту, которую ему хотелось посмотреть. Птицелов согласился. Он укрыл его вместе с совой под листвою и строго наказал не проронить ни слова, чтобы не спугнуть птиц. Но этот болван, когда птицы слетелись, сейчас же стал кричать, что птиц много и что пора дергать сеть. При звуках его голоса птицы улетели. Птицелов крепко его выбранил, и он обещал молчать. Птицы собрались еще раз, и глупец снова воскликнул, но на латинском языке: «Птиц очень много», думая, что, если он будет говорить по-латыни, птицы его не поймут. Птиц опять как не бывало. Ловля была испорчена, и охотник еще более резко стал корить доктора за то, что он заговорил. А он в ответ: «Неужели же птицы знают по-латыни?» Этот странный ученый был убежден, что птицы разлетелись не потому, что их испугал звук его голоса, а потому, что они поняли то, что он сказал.

CXLVI

О том, как хвалили одного юношу в Риме

Кто-то из нашей компании очень хвалил наружность и характер одного юного римлянина, необыкновенно красивого и в то же время очень порядочного и преданного

---

¹ Согро, то есть полноправные граждане.

наукам. И чтобы воздать ему высшую хвалу, он сказал: «Мне кажется, что когда Иисус Христос был в его годах, он был именно таков, как он». Какая удивительная похвала человеческой красоте! Ни Демосфен, ни Цицерон не могли бы придумать ничего более замечательного¹.

CXLVII

Мудрый ответ клеветнику

Луиджи Марсили², из ордена августинцев, живший недавно во Флоренции, был человек выдающегося ума и больших знаний. В старости он воспитывал и обучал гуманистической науке моего земляка, бедного юношу, по имени Джованни, которого я знал и который впоследствии стал очень видным ученым. Один из его товарищей — к Марсили приходило много людей, чтобы учиться, — из зависти стал тайно наговаривать на него учителю, уверяя, что Джованни, как самый неблагодарный человек, дурно думает и дурно говорит о нем. Когда это стало повторяться, старец, который был мужем чрезвычайно благоразумным, спросил у него: «Сколько времени знаешь ты Джованни?» Тот отвечал, что не больше года. «Я удивляюсь, — сказал тогда Марсили, — что ты считаешь себя таким умным, а меня таким глупым и думаешь, что ты в год мог лучше узнать природные свойства и

---

¹ Поджо в юные годы полемизировал с канцлером Флоренции Коллуччо Салутати по вопросу о сравнительных достоинствах Петрарки и древних писателей. Салутати утверждал, что Петрарка выше древних, потому что ему была доступна недоступная для них мудрость христианства. Поджо возражал во имя нарушаемой этим заявлением исторической перспективы. В этой фацеции он впадает, притом едва ли очень искренне, в ту самую ошибку, в которой уличал Салутати.

² Луиджи Марсили (1330—1394), ученый августинский монах, был очень видной фигурой среди флорентийской интеллигенции конца XIV в. Поджо не застал его, когда пришел юношей во Флоренцию, но учитель Поджо, Коллуччо Салутати, глава флорентийских гуманистов того времени, был обязан Марсили очень многим. У Марсили было много знаний, и он охотно делился ими со всеми, в ком видел настоящую любовь к науке. В монастыре Сан Спирито, за Арно, вокруг Марсили собирались все главные деятели следующего поколения гуманистов.

характер Джованни, чем я в десять лет, которые он живет у меня». Чрезвычайно благоразумный ответ, которым была выведена на чистую воду низость клеветника и отдано должное порядочности юноши. Если бы больше людей поступало так, меньше было бы места зависти и клевете.

CXLVIII

Остроумный ответ его же, приложимый ко многим епископам

Один из друзей спросил у Луиджи Марсили, что означают два острия на епископской митре. Марсили отвечал, что передняя означает Новый завет, а задняя — Ветхий, который епископы должны знать наизусть. «А что означают, — продолжал тот, — две полоски, которые свисают от митры до самой поясницы епископов?» — «То, что они не знают ни Нового, ни Ветхого», — сказал Марсили. Остроумный ответ и приложимый ко многим епископам.

CXLIX

Острота насчет Франческо Филельфо

В папском дворце, в кружке секретарей, где, как всегда, находились многие ученые мужи, речь зашла о распутной и грязной жизни этого негодя Франческо Филельфо¹. Многие обвиняли его в целом ряде престу-

---

¹ Ф и л е л ь ф о — знаменитый миланский гуманист, долгое время находился в открытой вражде с Поджо. Оба они беспрестанно обменивались инвективами, в которых осыпали друг друга самыми невозможными ругательствами и обвинениями. Причина вражды была отчасти политическая — Поджо был сторонником Медичи, а Филельфо их противником, — отчасти личная. Настоящая фацеция является как бы одним из эпизодов злобной полемики обоих гуманистов.

плений. Кто-то спросил, знатного ли он роду. Один мой земляк, милый и остроумный человек, сказал с самым серьезным видом: «Ну конечно, он блистает благородством, ибо отец его всегда носит по утрам шелковые одежды». Он намекал на то, что Филельфо — сын священника, ибо одежды, которые священники носят во время богослужения, большею частью шелковые.

CL

Другая острота насчет того же Филельфо

Другой остряк прибавил: «Нет ничего удивительного, что внук Юпитера, подражающий деяниям предков, Филельфо похитил как новую Европу, так и нового Ганимеда». Говоривший намекал на то, что Филельфо привез в Италию, обесчестив ее сначала, греческую девушку, дочь Иоанна Хризолора, и увез с собою в Грецию некоего падуанского юношу, плененный его красотой¹.

CLI

О нотариусе, который стал сводником

В Авиньоне был нотариус, француз, хорошо известный папской курии. Он увлекся публичной женщиной, бросил профессию нотариуса и жил на средства, которые его подруга зарабатывала своим ремеслом. На первое января, день, которым начинался год, он надел новую

---

¹ В своей полемике гуманисты говорили друг про друга самые невозможные вещи. Фацеции, посвященные Филельфо, дают об этом понятие. В инвективах против него Поджо повторял эти обвинения более пространно, с обильными ораторскими украшениями. Факты, касающиеся женитьбы Филельфо на дочери Иоанна Хризолора, кажется, не дают никаких поводов для инсинуаций Поджо, хотя Филельфо был такой человек, что от него можно было ожидать всего.

одежду, на рукаве которой были вышиты серебром французские слова, означающие: «Все лучше и лучше». Ремесло сводника казалось ему более предпочтительным, чем его прежняя профессия.

СЛП

Уловка некоего Петрилло для освобождения больницы

Кардинал барийский¹, неаполитанец родом, владел в Верчелли в Цизальпинской Галлии² больницу, которая давала ему мало дохода вследствие производящихся там больших издержек на бедных. Кардинал послал туда одного из своих людей, по имени Петрилло, чтобы собрать деньги. Петрилло нашел больницу полной немощными и хворыми, на содержание которых уходили все тамошние средства. Тогда, облачившись в костюм врача, он пришел в больницу и, осмотрев язвы разного рода, которые были на больных, созвал всех и сказал: «Против ваших язв нет другого лекарства, как мазь из человеческого жира. Поэтому бросьте между собою сегодня же жребий, кто из вас должен будет, ради излечения остальных, быть брошен в котел и сварен живьем». Испуганные этими словами — ибо каждый боялся, что жребий падет на него, — больные один за другим убежали. Таким образом Петрилло освободил больницу от содержания этих нечистоплотных людей.

СЛП

О звуке

В прежние времена, при папе Бонифации IX, в одной компании спорили, какой звук самый приятный и сладостный. Мнения высказывались разные. Лито д'Имола,

---

¹ Лудольфо Марамори.

² Ныне в Пьемонте.

секретарь кардинала флорентийского, того, который был настоящим кардиналом¹, сказал, что для голодного нет звука приятнее звонка. Ибо в домах кардиналов принято созывать живущих там к обеду и к ужину звонком. Когда звонок раздастся с опозданием, а у некоторых аппетит разыгрался давно, его звуки доставляют голодным много удовольствия. Все нашли, что Лито прав, особенно те, кому опоздание звонка, зовущего к еде, было делом знакомым.

CLIV

О сыне вельможи, которому отец приказал из-за его злого языка быть немым

У одного испанского вельможи был взрослый сын, обладавший чрезвычайно злым и ядовитым языком, навлекшим на него ненависть многих людей. Отец поэтому приказал ему никогда не раскрывать рта. Он повиновался. Случилось однажды так, что отец и сын были приглашены к королю на торжественный обед, на котором присутствовала также королева. Сын, ловкий во всем остальном, прислуживал отцу, как немой. Королева, которая славилась своей распутной жизнью, решила, что юноша глухонемой, и сообразила, что он будет для нее очень удобен. Она попросила вельможу, чтобы он отдал сына в услужение ей. Тот согласился, и она стала посвящать юношу в свои самые секретные дела, так что он был не раз свидетелем ее распутства. Прошло два года, и на такой же торжественный обед снова был приглашен отец юноши. Королю за это время часто приходилось видеть молодого слугу своей супруги, которого все считали немым. Пока он прислуживал королеве, король спросил

---

¹ «Н а с т о я щ и м» кардиналом в глазах Поджо и многих других был Франческо Цабарелла, кардинал св. Косьмы и Дамиана, более известный под именем кардинала флорентийского (кардиналы именовались по церквам, приписанным к ним и дававшим им доходы). Цабарелла в эпоху великой схизмы был лучшим другом ученых и писателей. В Констанце, на Соборе (1414—1418 гг.), он играл выдающуюся роль и был одним из самых видных кандидатов на папский престол, но умер, не дожив до выборов. Поджо тогда же составил надгробную речь, ему посвященную.

вельможу, от рождения или по какому-нибудь несчастному случаю лишен дара слова его сын. «Ни то, ни другое, — отвечал вельможа. — Это я запретил ему разговаривать из-за его злоязычия». Король попросил, чтобы с юноши было снято запрещение. Отец долго сопротивлялся, указывая, что может произойти какой-нибудь скандал, но, уступая настоянию короля, разрешил сыну говорить, если ему захочется. Тот прежде всего обратился к королю и сказал: «У вас такая супруга, с которой по бесстыдству и по развратной жизни может сравниться самая низкая из публичных женщин». Король смутился и приказал ему замолчать. У многих людей такой обычай, что, как бы редко они ни говорили, они всегда норовят сказать гадость про кого-нибудь.

CLV

Об одном опекуне

Дакконо дельи Ардингелли, флорентийский гражданин, был назначен опекуном к одному малолетнему. После продолжительного управления его имуществом от богатства не осталось ничего. Все ушло в глотку опекуна. Наконец с Дакконо спросили отчета, и должностные лица потребовали, чтобы он представил входящие и исходящие книги. Дакконо показал на свой рот и на свой зад, говоря: «Вот входящая, вот исходящая. Других нет».

CLVI

Острота Анджелотто о бороде греческого кардинала

Греческий кардинал¹ приходил в курию с длинной бородою, согласно обычаю своей родины. Многие удив-

---

¹ Речь идет о знаменитом кардинале Виссарионе, крупном ученом и одном из главных деятелей Флорентийского Собора, пытавшегося осуществить унию с греческой церковью. В 1440 г. он перешел в католичество и получил сан кардинала. Сделал очень много для пропаганды в Италии Платоновой философии. Умер в 1472 г.

лялись, почему он ее не снимет, как другие. Анджелотто, кардинал римский, который иногда мог быть очень остроумным, заметил по этому поводу: «Он хорошо делает. Среди стольких коз пусть заведется хоть один козел».

CLVII

О толстом рыцаре

Один рыцарь, очень толстый, въехал в Перуджу. Жители города, которые вообще любят пошутить, стали у него спрашивать в насмешку, почему он, против обыкновения, поместил свой чемодан не на крупе лошади, а спереди. «Так нужно, — ответил он весело, — потому что город ваш полон воров и грабителей».

CLVIII

Забавное заявление судьи адвокату, который ссылался на «Клементину» и «Новеллу»

В Венеции в светском суде судьи разбирали дело о завещании. Выступали и адвокаты, защищавшие интересы своих клиентов. Один из них, бывший священником, сослался в подкрепление своих доводов на «Клементину» и «Новеллу»¹ и привел из них соответствующие параграфы. Тогда судья, старый уже человек, которому эти имена были незнакомы и который мало общался с Соломоном, с гневным лицом обрушился на адвоката: «Что за черт! — воскликнул он. — Как тебе не совестно перед лицом столь почтенных мужей называть имена бесстыдных потаскух! Неужели ты думаешь, что их слова мы примем во внимание как некий законодательный текст?»

¹ «Клементина» — дополнение к Своду канонического права, изданное папою Климентом V (1305—1314). «Новелла» — всякое вообще дополнение к тому же Своду, названное так по аналогии с законами, составляющими IV часть Юстинианова Свода гражданского права.

Этот олух думал, что Клементина и Новелла не названия законов, а имена женщин, с которыми адвокат сожительствовал у себя дома.

CLIX

Средство против холода

Я спрашивал однажды, как уберечься ночью в постели от холода. «Тем способом, — сказал кто-то из присутствовавших, — которым спасался один мой приятель во время своего ученья. Обыкновенно он каждый день освобождал желудок после ужина. А когда он этого не делал, переваренная пища, оставаясь внутри, согревала, по его словам, ночью его тело». Средство против холода, которое вышло из употребления.

CLX

Об одном проповеднике

В праздник св. Христофора некий проповедник, обращаясь к народу, красноречиво восхвалял святого за то, что он носил на своих плечах Христа, и беспрестанно вопрошал: «Кто на земле сподобился такого избрания, чтобы носить на себе Спасителя?» И когда он назойливо повторял, неизвестно в который раз: «Кто сподобился такой милости?» — одному веселому человеку в толпе это надоело, и он воскликнул: «Осел, который нес на себе мать и младенца».

CLXI

Спор двух лиц из-за одинакового герба

Один генуэзец, капитан военного корабля, приглашенный во Францию королем и участвовавший в военных действиях против англичан, имел на щите изображе-

ние бычачьей головы. Увидел это изображение некий французский рыцарь и объявил, что это его герб. Произошел спор, и француз вызвал генуэзца на дуэль. Генуэзец вызов принял, но явился к месту дуэли невооруженный. Француз был уже там в полном снаряжении. Генуэзец задал своему противнику вопрос: «Из-за чего мы будем сегодня драться?» Противник отвечал: «Я утверждаю, что герб, который ты носишь, прежде, чем принадлежать твоему роду, принадлежал мне и моим предкам». На вопрос генуэзца, что изображает его герб, француз отвечал: «Бычачью голову». — «Так нам не из-за чего биться, — сказал тогда генуэзец, — ибо мой герб изображает не бычачью, а коровью голову». Этими остроумными словами была высмеяна пустая похвальба француза.

CLXII

Шутка врача, который давал лекарства как придется

В Риме если кто заболевает, то мочу его обыкновенно посылают с приложением одной или двух серебряных монет к врачу, который по ней дает свой совет. Один врач, которого я лично знал, с вечера писал подряд много рецептов и клал их в мешочек. Утром, когда к нему приносили мочу и просили лекарства, он опускал руку в мешочек, доставал оттуда рецепт, какой попадетсЯ, и вручал пациенту с итальянскими словами: «Prega Dio te la mandi buona», то есть: «Молись богу, чтобы он послал тебе подходящий». Жалкая участь тех больных, судьба которых решалась не соображением, а жребием.

CLXIII

Совет человеку, который горевал из-за долгов

Один перуджинец шел по улице задумчивый и печальный. Встретившийся с ним знакомый спросил, что его так заботит. Перуджинец отвечал, что у него есть

долги и нет денег, чтобы их платить. «Какой ты глупый! — сказал знакомый. — Оставь эту заботу твоим кредиторам».

CLXIV

О том, как греки и генуэзцы были наказаны за убийство

Некоторые генуэзцы, живущие в Пере (это генуэзский квартал в Константинополе¹), отправились в город для торговли с греками. Там между ними и греками вспыхнула ссора, несколько человек из них было убито, несколько ранено. Генуэзцы принесли на убийц жалобу императору, требуя правосудия. Император обещал исполнить желание их немедленно и в наказание за содеянное велел сбрить убийцам бороды, что почитается у них большим бесчестьем. Тогда генуэзский подеста в Пере, считая, что над ними насмеялись, обещал своим землякам, что он сам отомстит за убитых. Некоторое время спустя генуэзцы пришли в Константинополь, где убили и ранили несколько греков. Император сейчас же принес генуэзскому подесте энергичную жалобу, требуя наказания виновников. Подеста обещал исполнить требование, приказал схватить убийц с сообщниками и в назначенный день привести их на место, где якобы должна была совершиться казнь. При вести об этом к месту казни собралось много греков и все население Перы. Пришли и священники с крестами, как бы готовясь к выносу покойников. Герольд водворил молчание, и подеста объявил, что всем виновным будут выбриты зады на том основании, что у генуэзцев бороды растут не на лице, а на ягодицах. Так

---

¹ У Поджо сказано: «генуэзский город около Константинополя». Пера находится по эту сторону Золотого Рога. В настоящее время это часть Константинополя, где живут европейцы. До захвата Константинополя крестоносцами четвертого похода (1204) там были фактории генуэзцев, венецианцев и всех вообще европейцев. После того, как Михаил Палеолог с помощью генуэзцев отнял город у «латинян», генуэзцы одни получили в свое распоряжение всю Перу.

бритье у греков лиц, а у генуэзцев — задов привело к тому, что за одинаковое преступление последовала одинаковая кара.

CLXV

Шутка о римлянах, которые съедают доблести

В день первого мая римляне утром варят и едят разные сорта овощей, которые они называют «virtú», что означает «доблесть». Об этом обычае шел как-то раз разговор между друзьями, и Франческо Лавиньи из Милана сказал в шутку: «Нет ничего удивительного, что римляне выродились и стали непохожи на своих предков: они каждый год убивают и съедают свои доблести».

CLXVI

О человеке, который дал обет поставить свечу деве Марии

Во время моего пребывания в Англии я слышал забавный рассказ о капитане корабля, ирландце. Он был застигнут однажды сильнейшей бурей. Огромные волны так кидали его корабль, что все потеряли надежду на спасение. Капитан дал обет, если судно спасется, поставить в некоей церкви деве Марии, матери божьей, которая славилась чудесами этого рода, восковую свечу величиною с корабельную мачту. Его помощник заметил ему, что нельзя давать неисполнимые обещания, потому что во всей Англии невозможно набрать столько воску, чтобы сделать такую свечу. «Молчи, — сказал ему капитан, — и не мешай мне, что бы я ни обещал деве Марии. Лишь бы избавиться от опасности! Когда опасность пройдет, мать божия довольствуется самой дешевой свечкой».

CLXVII

Подобная же шутка по поводу обета св. Кириаку

Подобным же образом один купец из Анконы пошутил насчет св. Кириака (этого святого, изображаемого с большой бородою, Анкона чтит как патрона города). Купец этот тоже попал в большую бурю и, боясь быть погребенным в волнах, обещал принести в дар св. Кириаку целый дом в течение известного срока. Когда срок прошел, купец покаялся в этом на исповеди своему приходскому священнику. Священник, почуяв выгоду, принялся убеждать его исполнить обет, и купец обещал, что он постарается снять со своей совести эту тяжесть. Но священник стал часто и с горьким упреком ставить ему на вид, что нельзя откладывать без конца исполнение обета. Назойливые ли приставания священника или вспыхнувшее в нем нечестие вырвали наконец у купца такие слова: «Не надоедайте мне больше с этим делом, потому что мне случилось обмануть бороды подлиннее, чем у Кириака».

CLXVIII

О монахе, от которого забеременела настоятельница

Один монах францисканского ордена ухаживал за моей знакомой, настоятельницей монастыря в Риме, и все просил, чтобы она уступила его желаниям. Но она отвергала его настояния, боясь забеременеть и подвергнуться за это наказанию. Тогда монах обещал дать ей ладанку, которая, если она будет носить ее на шее на шелковой нитке, предохранит ее от зачатия и позволит ей отдаваться, кому захочет, не боясь ничего. Настоятельница поверила и уступила, ибо это отвечало ее собственным желаниям. Через три месяца она убедилась, что беременна. Монах скрылся, заметив, что дело неладно. Настоятельница поняла, что она обманута, развернула и вскрыла ладанку, чтобы посмотреть, что там написано. Там оказа-

лись итальянские слова: «Asca imbarasca, non facias te supponi et non implebis fascam»¹. Превосходное заклинание против беременности.

CLXIX

Удивительный ответ мальчика кардиналу Анджелотто

Анджелотто, кардинал римский, человек злой на язык и насмешливый, был говорлив, но не всегда благоразумен. Когда папа Евгений был во Флоренции, к Анджелотто пришел, чтобы навестить его, очень шустрый десятилетний мальчик и приветствовал его коротко, но необыкновенно изящно. Анджелотто подивился серьезности мальчика и его уменью говорить. Он задал ему несколько вопросов, на которые тот ответил вполне складно. Тогда, обращаясь к присутствующим, Анджелотто сказал: «Дети, одаренные таким умом и столь образованные с малых лет, глупеют с годами и к старости становятся совсем слабоумными». Мальчик сейчас же ответил: «Должно быть, в детстве вы были самым образованным и самым умным из всех ваших сверстников». Кардинал был очень смущен быстрым и остроумным ответом того, кого он считал ребенком и кто, однако, уличил в глупости его самого.

CLXX

О подмастерье сапожника, который был застигнут с женой хозяина

В Арещо подмастерье одного сапожника часто возвращался в дом своего хозяина под тем предлогом, что ему удобнее там шить башмаки. Его беспрестанные

---

¹ Первые два слова не имеют никакого значения ни по-латыни, ни по-итальянски. Последнее слово — итальянское, значит «кошель» или «сумка». Но оно в латинском винительном падеже. Средние слова — так называемая кухонная латынь. Смысл всего приблизительно такой: не отдавайся никому и не будешь беременна.

отлучки из мастерской возбудили подозрение у сапожника, который однажды неожиданно пришел домой и застал подмастерье в любовном занятии с женою. И он воскликнул: «За такое шитье я не только не заплачу тебе денег, а еще пошлю к дьяволу».

CLXXI

Что угоднее богу — слово или дело

Один остроумный человек, мой знакомый, спросил у монаха, что угоднее богу — слово или дело. Монах ответил, что дело. «Значит, — заметил тот, — больше заслуги перед богом у того, кто делает четки, чем у того, кто их перебирает, говоря молитву»¹.

CLXXII

О египтянине, которого пытались обратить в христианство

Некий христианин уговаривал мусульманина из Египта, с которым у него были давние отношения и который приехал в Италию, хоть раз сходить в церковь к обедне. Тот согласился и простоял обедню вместе с христианами. После этого в компании спросили его мнение об обрядах и торжественном ритуале церковной службы. Он отвечал, что все проходило чинно и как следует, за исключением одного: совершенно забыта была любовь к ближнему, ибо один человек ел и пил, а остальные стояли голодные и им ничего не досталось².

---

¹ В оригинале сильнее, но очень трудно для передачи: «тот, кто делает «Pater noster», чем тот, кто его читает». «Pater noster» означает и «Отче наш» и четки.

² Намек на причастие.

CLXXXIII

Об испанском епископе, который полакомился куропатками, обратив их в рыбу

Один испанский епископ по пути остановился в гостинице и, так как была пятница, послал слугу купить ему рыбу. Рыбы слуга на рынке не нашел, а нашел пару куропаток. Епископ велел ему купить их, зажарить и подать к столу. Слуга, который решил, что ему велено было приготовить их на воскресенье, очень удивился и спросил епископа, неужели он собирается есть куропаток в постный день. Епископ отвечал: «Я съем их, превратив в рыбу». И когда слуга удивился еще больше, прибавил: «Разве ты не знаешь, что я священник. Что труднее: сделать из хлеба тело господне или из куропатки рыбу?» Он совершил над куропатками крестное знамение, приказав им превратиться в рыбу, и, как рыбу, их съел.

CLXXXIV

Проделка папы Мартина с назойливым послом

Посол герцога Миланского очень настойчиво просил о чем-то папу Мартина V. Папа не соглашался. Посол настаивал все упорнее и шел по пятам за папою до самых дверей его опочивальни. Тогда папа, чтобы избавиться от докучливых просьб, проговорил, приложив руку к щеке: «Ох, как у меня болят зубы!» И, оставив посла, ушел к себе.

CLXXXV

О человеке, который осуждал жизнь кардинала Анджелотто

Кто-то очень осуждал жизнь и нравы умершего перед тем кардинала Анджелотто, который был жаден, груб и совершенно лишен совести. Один из присутствующих

сказал: «Я думаю, что на том свете дьявол не раз съел его в наказание за его преступления и потом им испражнился». Другой, большой шутник, заметил на это: «Его мясо до такой степени было противно, что ни один дьявол, как бы ни был хорош его желудок, не решится попробовать этого мяса: его стошнит».

CLXXVI

О шутнике, который смеялся над флорентийским рыцарем

Был недавно во Флоренции рыцарь, ростом очень маленький и с огромной бородой. Мы все его знали. Один шутник стал над ним подтрунивать и отпускать насмешки по поводу его роста и бороды. Это повторялось каждый раз, когда они встречались на улице, и с такой назойливостью, что становилось уже в тягость. Узнав об этом, жена рыцаря позвала насмешника к себе, накормила его превосходным обедом, подарила ему платье и попросила прекратить издевательство над мужем. Тот обещал и, когда после этого случайно встречался с рыцарем, молча проходил мимо. Присутствовавшие, удивленные этим, подстрекали его к насмешкам и спрашивали, почему он не смеется над рыцарем, как прежде. Тогда он, приложив палец к губам, сказал: «Мне так забили рот, что я не могу больше говорить». Еда — лучшее средство добиться расположения.

CLXXVII

О том, как дочь оправдывала перед отцом свое бесплодие

Некий синьор после многих лет совместной жизни с женою развелся с ней из-за ее бесплодия и отправил ее обратно к родителям. Когда она явилась в отчий дом, отец потихоньку стал ее упрекать за то, что она не постаралась

произвести на свет младенца, хотя бы при чем-нибудь содействии. Она отвечала: «Отец! Я, право, не виновата. Я перепробовала это со всеми слугами, даже с конюхами, и ни один из них не сумел сделать меня беременной». Отец очень сокрушался об участи дочери, которая сделала все, чтобы победить бесплодие.

CLXXVIII

О флорентийце-лгуне

Был во Флоренции человек, который так привык лгать, что никогда не говорил правды. Знакомый, с которым он часто бывал вместе и которого часто обманывал, встретясь с ним однажды, прежде чем он успел раскрыть рот, крикнул ему: «Врешь!» — «Как я могу врать, — заметил тот, — когда я ничего не говорил». — «Я хочу сказать, что ты соврал бы, если бы заговорил».

CLXXIX

О ревнивце, который оскотил себя, чтобы испытать верность жены

Один обитатель Губбио, по имени Джованни, человек чрезвычайно ревнивый, все думал, как лучше всего узнать, изменяет ли ему с кем-нибудь жена. В конце концов он придумал хитрое средство, достойное ревнивца. Он оскотил себя с той целью, что если после этого жена его забеременеет, то это будет доказательством ее измены.

CLXXX

Что услышал священник от жертвователя

Один священник из Кафель Фиорентино, принимая в оффертории¹ то, что, согласно обычаю, в праздничные дни приносили прихожане, говорил каждому, как было принято: «Да воздастся вам во сто крат и да сподобитесь вы жизни вечной». Услышав эти слова, один знатный старик, жертвовавший монету, сказал: «С меня будет довольно, если я получу обратно хотя бы капитал».

CLXXXI

О священнике, который во время проповеди ошибся в числах

А вот случай с другим священником. Он объяснял народу Евангелие и, рассказывая, как наш Спаситель накормил пятью хлебами пять тысяч человек, оговорился и сказал не «пять тысяч», а «пятьсот». Его причетник тихо заметил ему, что он ошибся в числе и что Евангелие говорит о пяти тысячах. «Молчи, дурак, — зашипел на него священник. — Хорошо будет, если они поверят и тому числу, которое я сказал».

CLXXXII

Мудрый ответ кардинала авиньонского королю Франции

Мне хочется среди этих наших рассказиков припомнить остроумные слова кардинала авиньонского, человека очень умного. Когда папы имели пребывание в Ави-

---

¹ Офферторий — помещение в церкви, где принимались приношения прихожан.

ньоне¹, перед ними, чтобы придать больше пышности их выходу, вели много лошадей без всадников, в богатом убранстве. Французский король с негодованием спросил у кардинала, сопровождало ли когда-нибудь такое величественное апостолов. «Конечно, нет, — отвечал кардинал. — Но ведь апостолы жили в те времена, когда и у королей были другие нравы, ибо они были пастухами и сторожами стад».

CLXXXIII

Ужасный случай в церкви св. Иоанна Латеранского

Эта чудовищная история рассказывается не для забавы, а для того, чтобы отвратить от преступлений. Один августинский монах, римлянин родом, проповедовал этим постом народу. Я был при этом. Чтобы побудить своих слушателей исповедоваться в грехах, он рассказал о следующем чуде, свидетелем которого ему довелось быть шесть лет назад. После полуночи он вместе с другими монахами встал, чтобы петь утреню в церкви св. Иоанна Латеранского². Вдруг из одной могилы³, где восемнадцать дней назад был погребен некий римский гражданин, послышался голос, который несколько раз подряд воззвал к присутствующим и просил подойти к гробовой плите. В первый момент все были очень испуганы, но потом понемногу собрались с духом и подошли к тому

---

¹ Папы переселились во французский город Авиньон в 1309 г. в результате столкновения папы Бонифация VIII с римскими баронами, которых поддерживал французский король Филипп IV Красивый. Они пробыли там до 1377 г. Авиньон и его территория были приобретены папской курией в собственность в 1348 г. и принадлежали Риму до 1791 г. Вернула его Франции Великая французская революция.

² Базилика св. Иоанна Латеранского — одна из древнейших церквей Рима, основана Константином Великим. Во времена Поджо, при Мартине V и при Евгении IV, эта «мать церквей» капитально перестраивалась. Ее нынешнее барочное оформление относится ко второй половине XVI в.

³ В то время частью хоронили покойников внутри церквей, подняв ту или другую плиту пола и устроив под нею могилу.

месту, куда звал голос. И покойник сказал им, чтобы они не пугались, а пошли принесли чашу и подняли камень. Когда его просьба была исполнена, он сел в гробу, выплюнул в чашу освященную гостию¹, которой он был причащен перед смертью, и сказал, что он осужден на самые страшные муки за то, что жил с матерью и дочерью и никогда не исповедался в этих преступлениях. Сказав это, покойник снова лег в свою могилу.

CLXXXIV

Как был посрамлен проповедник, громко кричавший

Один монах, который часто проповедовал народу, имел, как все глупые люди, привычку кричать очень громко, и одна из женщин, бывших в церкви, плакала, слушая его крики, переходившие в рев. Монах несколько раз заметил это и, думая, что женщина растрогана его словами, которые будят в ней любовь к богу и голос совести, призвал ее к себе и спросил, почему она плачет и не его ли слова растрогали ее душу и заставили проливать эти благочестивые — так он думал — слезы. Женщина отвечала, что ее действительно очень трогают и больно сокрушают его громкий голос и его крики. Она — вдова, и от мужа ей остался ослик, благодаря которому она зарабатывала себе на пропитание. Этот ослик имел привычку часто, днем и ночью, реветь, совсем так, как монах. Теперь ослик околел, она осталась без всякой поддержки в жизни. И когда она слушает громкие восклицания проповедника, они ей кажутся похожими на голос ее ослика; ослик приходит ей на память, и она невольно бывает растрогана до слез. Так этот глупец, скорее крикун, чем проповедник, ушел, увидев свою глупость посрамленной.

---

¹ Гостия — облатка, которой до сих пор причащаются католики.

CLXXXV

О ладанке против чумы для ношения на шее

Недавно, когда я ездил в Тиволи, чтобы повидать детей, отправленных мною туда из-за свирепствовавшей в Риме чумы, я слышал историю, очень смешную и стоящую того, чтобы занести ее в наши рассказы. За несколько дней перед тем один монах, из числа странствующих, проповедуя в соседних деревнях перед народом, обещал дать — ибо уже начинали бояться чумы — надежную ладанку: кто будет носить ее на шее, никогда не погибнет от чумы. Глупая деревенщина, поверив обещаниям монаха, раскупала у него ладанки, давая за них что мог. Их вешали на шею на нитке, не бывшей в употреблении. Монах наказал не раскрывать ладанок до истечения пятнадцати дней, в противном случае они потеряют силу. Потом, собрав много денег, он исчез из тех мест. Но любопытство людей было так велико, что ладанки развернули и прочли через короткое время. Там было написано по-итальянски:

Donna, se fili e cadeti lo fuso,
Quando te fletti tien lo culo chiuso.

Это значит:

Жена, коль ты прядешь и прялка упадет,
Сожми зад, нагибаясь, иначе запоет.

С этим не могут сравниться никакие рецепты врачей и никакие лекарства.

CLXXXVI

О том, как открыли рот кардиналу Анджелотто вместо того, чтобы его закрыть

Римлянин Анджелотто умел говорить. Язык у него был злой и не давал спуску никому. Когда по вине эпохи, чтобы не сказать — по глупости людской, Анджелотто

был сделан кардиналом, он, согласно обычаю, некоторое время молчал в тайном совещании кардиналов. Ибо пока папа не дает новому кардиналу разрешения говорить, он, как гласит речение, держит рот закрытым. Однажды кто-то спросил у кардинала Сан Марчелло¹, что они делали на собрании консистории. Кардинал ответил: «Открывали рот Анджелотто». — «О! — воскликнул я. — Было бы лучше и умнее, если бы вы закрыли ему рот крепкой цепочкой».

CLXXXVII

О том, как Ридольфо подарил кому-то необыкновенную лошадь

Один дворянин из Пичено просил Ридольфо Камерино, о котором мы говорили раньше, подарить ему лошадь. При этом он ставил условием, чтобы лошадь соединяла в себе такую красоту и столько достоинств, что подобного животного никак невозможно было найти в конюшнях Ридольфо. Тогда Ридольфо, чтобы удовлетворить его желание, выбрал среди своих лошадей кобылу и жеребца и отправил их пичентинцу, присовокупив, что посылает ему все возможности, чтобы он создал лошадь по своему вкусу, ибо среди его лошадей нет ни одной, которая отвечала бы его требованиям. Эти слова учат не просить таких необыкновенных вещей, найти которые трудно, и не дать не обидно.

CLXXXVIII

Как священник насмеялся над крестьянином, хотевшим его поймать

Один священник находился среди дня в постели вместе с женою крестьянина, а сам крестьянин лежал под постеле-

---

¹ Кардиналом Сан Марчелло был архиепископ капуанский Никколо д'Арчалачо.

лю, собираясь поймать его на месте преступления. Священник не подозревал, что муж спрятался под постелью. У него — вероятно, от чрезмерной работы — закружилась голова, и он воскликнул: «Ох! Мне кажется, что весь мир раскрылся передо мною!» Тогда крестьянин, у которого накануне пропал осел, сказал ему, забыв о своем позоре: «Посмотри, пожалуйста, нет ли там где-нибудь случайно моего осла».

CLXXXIX

Бой между сороками и сойками

В апреле текущего 1451 года случилось нечто ужасное на границе Франции и Бретани. Сороки и сойки, построившись в воздухе стройными колоннами, со страшным криком бились ожесточенно целый день. Победа осталась за сойками. С их стороны было найдено около двух тысяч убитых на земле, а со стороны сорок — около четырех. Время покажет, что означает это чудо.

CXC

Остроумный ответ Франческо относительно детей генуэзцев

Франческо да Кварто, флорентийский купец, жил в Генуе с женой и семейством. Сыновья его были худенькие и хрупкие, в то время как генуэзские дети обычно упитанные и крепкие. Кто-то из генуэзцев спросил Франческо, почему его дети худые и слабого сложения, не такие, как маленькие генуэзцы. Он отвечал: «Причина простая. Я делаю своих детей один, а вам для этого нужна помощь многих людей». И действительно, генуэзцы, женившись, очень скоро отправляются в морские странствования, а жен оставляют под охраною, как они говорят, других в течение многих лет.

СХСІ

Забавная просьба старика, которому не хватало сил для любовных ласк

Презабавный случай рассказал один наш приятель. Его сосед, тоже флорентиец, в зрелых годах женился на молоденькой девушке. В нее влюбился Рикардо дельи Альберти, знатный и красивый молодой человек. По ночам он часто приходил, в сопровождении целой толпы людей, к дому, где жил предмет его страсти, и устраивал при свете факелов, как это принято, так называемые серенады, и звуки музыки и пения будили мужа. В конце концов муж отправился к Бенедетто, отцу молодого человека, напомнил ему их былую близость и обоюдные услуги и долго жаловался ему на сына. Под конец он серьезным тоном сказал старику, что Рикардо хочет его убить, хотя он этого ничем не заслужил. Старик, ошеломленный и огорченный, ответил, что он не даст совершиться такому преступлению, и просил рассказать все подробно, чтобы он мог решительным образом удержать сына. Муж женщины сказал: «Твой сын ухаживает за моей женою и по ночам часто будит меня с женой флейтами и другой музыкой. И я, чтобы жена не тянулась к молодому, стараюсь доставить ей удовольствие больше, чем позволяют мне мои силы. Так как это происходит постоянно, то моих сил уже не хватает. И если твой сын не откажется от своей затеи, эти ночные бодрствования окончательно меня убьют». Шутка помогла. Рикардо по просьбе отца перестал надоедать мужу и жене.

СХСІІ

Забавные слова необразованного, смутившего ученых

Несколько монахов беседовали о возрасте и деяниях нашего Спасителя и о том, что он начал проповедовать после того, как ему исполнилось тридцать лет. При этом присутствовал человек, совершенно лишенный образова-

ния. И он задал вопрос, что сделал Иисус прежде всего, когда ему исполнилось тридцать лет. Одни задумались, другие стали говорить разное. А тот сказал: «Это очень легко сообразить, а вы со всей вашей ученостью не знаете». Когда монахи стали его спрашивать, что же Христос стал делать прежде всего, человек ответил: «Вступил в свой тридцать первый год». Все рассмеялись и похвалили остроумное замечание.

СХСIII

Остроумная насмешка над купцом, обвинявшим других

Карло Джерио, флорентийский купец, один из тех банкиров, которые ездят по пятам за римской курией, как все купцы, ведущие дела в разных местах, попал в Авиньон. Оттуда он вернулся в Рим, и в компании друзей, среди других разговоров, у него спросили, как живут и что делают в Авиньоне флорентийцы. Он ответил, что они все довольны и полны жизни, ибо кто проживет там год, сходит с ума. Тогда один из собеседников, которого звали Алигьери, человек очень остроумный, спросил у Карло, сколько времени он сам провел в Авиньоне. Тот ответил, что только шесть месяцев. «Какой же ты ловкий, Карло, — сказал Алигьери. — То, что другие делают в год, ты успел в полгода». Мы все очень смеялись над этой остротой.

СХСIV

Прекрасный ответ дамы молодому человеку, в нее влюбленному

Один молодой человек во Флоренции воспылал любовью к даме знатной и добродетельной и ходил за нею в церковь и вообще всюду, где она бывала. Он говорил друзьям, что все время ищет, где бы и при каких обсто-

ятельствах он мог сказать даме несколько слов, которые он заранее придумал и подготовил. Однажды в праздничный день дама отправилась в церковь св. Лючии, и, когда она подошла к бассейну со святой водой, кто-то из друзей заметил молодому человеку, что нужно пользоваться случаем и сказать ей то, что он хотел. А он, совершенно растерявшись, как дурак, едва решился, да и то понукаемый и подталкиваемый другом, подойти к даме. Он забыл то, что приготовился ей сказать, не смел раскрыть рот и, лишь когда друг шепнул ему, чтобы он произнес хотя бы слово, вымолвил наконец: «Синьора, я ваш слуга». Дама улыбнулась и ответила ему: «У меня дома достаточно и, пожалуй, больше чем нужно слуг, которые подметают комнаты, моют посуду, перетирают ножи. Новых мне не нужно». Друзья смеялись и глупости молодого человека, и прекрасному ответу дамы.

СХСV

О дворянине времен императора Фридриха, храбром на словах, но струсившем

В те времена, когда император Фридрих¹, умерший в Буонконvento, городке сиенской территории, раскинул лагерь перед Флоренцией, на расстоянии двух миль от города, многие из флорентийских дворян² вооружились для защиты отечества и двинулись против осадного стана врагов. Один хвостун из дворянского рода, сидя на коне, в полном вооружении, галопом понесся из городских ворот, браня других за медлительность, крича, что они отстают из трусости, и похваляясь, что он один схватится

---

¹ Явная описка Поджо. В Буонконvento умер в 1313 г. не Фридрих, а Генрих VII Люксембургский, тот, которого воспел Данте. Он пытался покорить Флоренцию, но неудачно и, сняв осаду, удалился на территорию гибеллинской Пизы, где и кончил свои дни от злокачественной лихорадки.

² Дворяне во Флоренции — потомки феодалов, имевшие поместья и замки в окрестностях города и к началу XIII в. вынужденные переселиться в самый город. Они продолжали борьбу против горожан, кулцов и ремесленников и внутри стен, но были побеждены и лишены политических прав в 1293 г. Постепенно, тоже не без борьбы, слились с горожанами.

с врагами. Проскакав около мили и напрасно растрачивая силы хвастливыми восклицаниями, он стал встречать раненых, возвращающихся из сражения. Тогда он стал понемногу сдерживать коня, а потом уже поехал шагом. Когда же он услышал крики врагов, сражающихся с гражданами, и перед ним открылась издали картина битвы, остановился совсем. Некоторые из тех, кто слышал его похвальбу, стали спрашивать, почему он не идет в битву, и дворянин ответил после долгого молчания: «Я не чувствую себя таким храбрым и сильным для боя, каким я себе казался». Нужно как следует взвешивать силы тела и духа и не обещать больше того, что в силах выполнить.

СХСVI

О человеке, который два года был без пищи и питья

Боюсь, что этот наш рассказик покажется гораздо более невероятным, чем все остальное, ибо тут будет идти речь о чем-то таком, что противно природе и очень легко поддается опровержению. Некто, по имени Жак, бывший в римской курии при папе Евгении так называемым копиистом, вернувшись на родину, в Нуайон, во Францию, заболел тяжелым и продолжительным недугом. Мой рассказ был бы очень долог, если бы я захотел передать все, что, по его словам, с ним случилось во время болезни. Много лет спустя, на шестой год понтификата Николая V¹, он пожелал совершить паломничество ко гробу господню и пришел в Рим голый и с пустыми руками, ибо по дороге попался разбойникам. Жак обратился к служащим курии, моим соседям и своим старым знакомым, людям очень порядочным. Он рассказал им, что в течение

---

¹ Н и к о л а й V (1447—1454) — знаменитый гуманист Томмазо Парентучелли, друг Поджо и всех вообще ученых, папа, которому науки и искусства в Италии XV в. обязаны очень многим. Он поддерживал ученых, организовал переписку рукописей в самых широких размерах, заказывал переводы греческих писателей, начал постройку Ватиканского дворца. В предпоследний год его понтификата Поджо сменил службу в курии на пост канцлера Флорентийской республики.

двух лет после того, как кончилась его болезнь, он не ел и не пил, хотя пытался много раз. Это — священник. Он очень худ, но духом здоров, постоянно служит в церкви, и я его видел во время обедни. Многие богословы и врачи серьезно его расспрашивали. Они говорят, что случай противоречит законам природы, но настолько достоверен, что сомневаться в нем могут только упрямы. Много народу приходит к Жаку каждый день, чтобы с ним поговорить. Мнения о нем различны. Одни думают, что в тело его вселился дьявол, но в нем нет ничего, что не было бы свойственно человеку разумному, честному и религиозному. Он каждый день занимается своим ремеслом переписчика. Другие того мнения, что его меланхолический темперамент дает ему пищу. Несколько раз беседовал с ним и я, считая выдумками рассказы о нем. Он говорит, что сам не меньше других удивлен тем, что с ним происходит. Перестал он есть и пить не сразу, а понемногу. Я удивлялся бы этому факту гораздо больше, если бы, перелистывая недавно одну летопись, переписанную мною когда-то во Франции, не нашел там подобного случая. Во времена императора Лотаря и папы Пасхалия, в 822 году¹, двенадцатилетняя девочка в деревне Комерен, в округе Туля, после причастия на Пасху первые десять месяцев воздерживалась от хлеба, а следующие три года — и от пищи и от питья. Потом она вернулась к прежнему нормальному образу жизни. Человек, о котором говорится, надеется, что и с ним будет то же.

СХСVII

Остроумное слово человека, обещавшего обучить осла

Некий тиран², желая присвоить себе имущество одного из подданных, который хвалился, что он может

---

¹ Папа Пасхалий I (817—824) умер раньше, чем вступил на престол император Лотарь (840), старший сын Людовика Благочестивого и внук Карла Великого. У Поджо, следовательно, опять недоразумение.

² Речь идет об одном из мелких тиранов северной и средней Италии, которые захватили под разными титулами власть в городских республиках во второй половине XIII в.

сделать очень многое, приказал ему под страхом тяжелого наказания обучить грамоте осла. Тот ответил, что это невозможно, если только ему не будет предоставлено для этого много времени. Тиран позволил ему назначить какой угодно срок, и он попросил десять лет. Все стали над ним смеяться, говоря, что он взялся за совершенно невозможное дело. А он успокоил друзей: «Я ничего не боюсь, ибо за это время либо умру я, либо осел, либо синьор». Этими словами он показал, что дело верное — оттягивать на долгое время и откладывать исполнение трудной задачи.

СХСVIII

О священнике, который не знал, мужчина Епифания или женщина

Один из моих друзей рассказал мне в день Крещения про смехотворную глупость священника, своего земляка. Он возвещал прихожанам, что наступает праздник Епифании¹. «Завтра, — сказал он, — вы будете с великим благочестием праздновать Епифанию. Это большой праздник, один из самых славных. Я не знаю, мужчина это или женщина. Но и в том и в другом случае этот день должен быть отпразднован нами с величайшим благоговением».

СХСIX

О ростовщике, который притворно раскаялся и стал поступать еще хуже

К одному старому ростовщику, который делал вид, что отказался от своего ремесла, пришел человек и попросил денег под проценты, предлагая в залог серебряный крест с частицею дерева от креста нашего Спасителя. На прось-

---

¹ E p i r h a n i a — богоявление, или крещение.

бу о деньгах старик ответил: «Я отрекся от этого грешного ремесла, но пойдя к моему сыну (он сказал его имя), который загубил свою душу, и он тебе деньги одолжит». И дал ему в провожатые слугу, чтобы вести закладчика к дому сына. Когда они отошли уже довольно далеко, старик подозвал слугу: «Эй, ты, скажи сыну, чтобы он не забыл при назначении цены вычесть вес дерева». Таким образом, этот ростовщик, притворявшийся, что он вернулся к жизни по совести, испугался, что сын оценит дерево креста по той же цене, что и серебро; он считал, что оно стоит дешевле. Очень легко истинная природа людей берет верх над всем.

СС

Басня о птицах, якобы умеющих говорить

Некто брал из клетки находящихся там птиц и убивал их, свертывая им головы. Случайно в это время у него из глаз потекли слезы. Тогда одна из птиц, заключенных в клетке, сказала остальным: «Мужайтесь! Я вижу у него слезы. Ему стало жаль нас». Но другая птица, старшая из всех, возразила: «Сын мой, смотри не на глаза, а на руки». Этим она показала, что нам нужно обращать внимание не на слова, а на дела.

ССІ

Человек, у которого на шее разные цепи, провозглашен сугубым дураком

Один миланский рыцарь, хвастливый воин¹, прибывший во Флоренцию в качестве посла, ежедневно красовался по городу с различными цепями на шее. Видя его

---

¹ «Miles gloriosus» — заглавие комедии Плавта.

глупое хвастовство, Никколò Никколи¹, человек очень ученый и быстрый на насмешку, сказал: «Других дураков сажают на одну цепь, а у этого глупость такова, что ему одной мало».

ССП

Остроумный ответ Ридольфо, синьора Камерино, послу, который поносил всех синьоров

Во время войны флорентийцев против папы Григория XI Пичентинская область и почти все владения римской церкви отпали от папы. Посол от жителей города Реканати, прибыв во Флоренцию, благодарил приоров за то, что усилиями флорентийцев его родине возвращена свобода, и в сильных выражениях поносил папу, его советников и особенно синьоров и тиранов. Он громил их дурное управление и их преступления, не обращая никакого внимания на Ридольфо, синьора Камерино, который в то время был кондотьером на службе Флоренции, присутствовал поэтому на приемах послов и давно привык к их выходкам. Ридольфо обратился к послу и спросил его, к какому цеху² или к какой ученой специальности он принадлежит. Тот ответил, что он доктор гражданского права. Ридольфо снова спросил, сколько лет обучался он своей науке. Посол сказал, что больше десяти лет. «Мне бы хотелось, — заметил тогда Ридольфо, — чтобы ты хоть один год поучился сдержанности». Он дал понять, что было глупо в его присутствии поносить так сильно синьоров.

---

¹ Никколò Никколи (1364—1437) — глава флорентийских гуманистов среднего поколения, которого связывала с Поджо давняя, ничем не омраченная дружба. Никколи ничего не писал, но он был в значительной степени вдохновителем тех, кто собирал древние рукописи и излагал в различных трактатах основы гуманистического мировоззрения.

² Цехи (artes, art) были в то время не только ремесленные, но также и купеческие и интеллигентские (врачей, юристов) корпорации.

ССШ

О судье, в доме которого свинья разлила масло

Некий судья был назначен для решения спора между двумя тяжущимися. Один из них поднес ему кувшин масла с соответствующей просьбою, в надежде, что благодаря этому судья решит дело в его пользу. Узнав об этом, другой послал судье свинью с просьбою быть милостивым к нему. Судья вынес решение в пользу свиньи. Тогда первый стал его упрекать, что он даром взял масло и нарушил обещание. Судья ответил: «Какая-то свинья пришла ко мне в дом, наткнулась на масло, разбила кувшин и разлила его содержимое, так что я про тебя забыл». Недурной ответ со стороны продажного судьи.

ССIV

Messer perde il piato

Энрико ди Монтелеоне, адвокат при римской курии, был уже стар и малоопытен в своем ремесле. Его поэтому звали по-итальянски: «Messer perde il piato», что означает: «Господин, проигрывающий дела». Его однажды спросили, почему он всегда проигрывает дела. Он ответил: «Потому что все обращаются ко мне с делами, лишь когда хотят добиться чего-нибудь несправедливого. А раз дела неправые, естественно, что я их проигрываю». Забавный ответ со стороны плохого ходатая.

ССV

Песенка, которая нравится трактирщику

Некий путник, проголодавшись, остановился в таверне, где наелся и напился досыта. Хозяин потребовал платы. Он ответил, что денег у него нет, но он готов опла-

тить свой обед песенкою. Хозяин заявил, что ему нужны не песни, а деньги. «А если я спою тебе песенку, которая тебе понравится, сочтешь ты себя удовлетворенным?» Хозяин сказал, что сочтет. Путник спел и спросил, нравится ли ему песня. Хозяин ответил, что нет. Тот спел другую, потом третью. Хозяин все говорил, что песни ему не нравятся. «Ну, — сказал путник, — тогда я спою тебе еще одну, и она тебе понравится». И, вынув кошель и делая вид, что готовится его развязать, он запел любимую песенку странствующих людей «*Metti mano alla borsa e paga l'oste*», то есть «Бери кошель и плати хозяину». Спев ее, он спросил, неужели и эта не нравится ему. Хозяин ответил, что эта нравится. Тогда путник воскликнул: «Значит, мы квиты, как было условлено, раз она тебе понравилась!» И ушел, не заплатив.

ССVI

Веселый ответ насчет худого человека

Один наш земляк, мой большой друг, — человек очень худой и тонкий. Когда кто-то удивлялся его худобе и спрашивал о ее причине, некий остроумец ответил: «Что тут удивительного! Дело простое: он тратит полчаса на принятие пищи и два часа на то, чтобы от нее освободиться». И правда, у него так уже повелось, что последнее занятие берет очень много времени.

ССVII

Шутливый ответ относительно малочисленности друзей у бога

К одному нашему земляку, очень веселому человеку, который долго был болен тяжелым недугом, пришел монах, чтобы укрепить его духом. Утешая его, он сказал между прочим, что бог обыкновенно наказывает таким образом и обременяет невзгодами тех, кого любит. «Не

удивительно тогда, — заметил больной, — что у него так мало друзей. Если он будет так же обращаться с ними и впредь, их у него будет еще меньше».

ССVІІІ

О монахе из братства св. Антония, мирянине и волке

Монах из числа тех сборщиков, которые просят подаяния во имя св. Антония¹, выклянчил у одного крестьянина сколько-то хлеба, обещая ему, что в течение всего года его добро — и в частности его овцы — будет цело и невредимо. Веря его словам, крестьянин пускал своих овец пастись без строгого присмотра, и волк растерзал их у него несколько. Полный негодования, крестьянин, когда монах пришел к нему в следующем году просить хлеба, объявил, что ничего не даст, и сердито укорял его за лживые обещания. Когда монах спросил, в чем дело, крестьянин рассказал, что волк унес у него несколько овец. «Ах, волк! — воскликнул монах. — Это дурной зверь, лишенный всякой веры. Он обманул бы, если бы мог, самого Христа, не то что св. Антония!» Глупо верить тем, для кого вранье является промыслом.

ССІХ

О том, как удивительным образом оказались квиты духовник и кающийся

Некто пришел к священнику — не то с искренними намерениями, не то для смеха — и объявил, что хочет исповедоваться в грехах. Священник предложил ему перечислить то, что он помнит из грехов, и тот сказал, что украл что-то у соседа, но что тот еще больше украл у

---

¹ Антоний Падуанский — францисканский монах, один из наиболее видных представителей ордена, проповедовал в начале XIII в.

него. «Одно покрывается другим, — решил священник, — ибо оба вы согрешили одинаково». Кающийся припомнил и другой случай, когда он кого-то побил, но сам тоже получил от него побои. Священник снова признал, что вина была искуплена наказанием. И многое еще подобным же образом поведал кающийся, и всякий раз священник признавал, что одно покрывается другим. Наконец тот объявил: «Остается один ужасный грех, который вгоняет меня в краску и в котором я боюсь признаться, особенно вам, потому что вас он касается главным образом». Священник стал уговаривать его отбросить страх и честно признаться в грехе. Кающийся долго отнекивался, но в конце концов сказал, повинувшись уговорам священника: «Я согрешил с вашей сестрою». А священник в ответ: «Ну а я много раз грешил с вашей матерью, так что, как и в прочих случаях, одна вина смывает другую». Таким образом, если один проступок покрывается другим, грешник освобождается от наказания.

ССХ

Обмен остротами двух молодых флорентийцев

Один молодой человек из Флоренции нес к Арно сети, в которых моют шерсть¹. Ему навстречу попался шустрый мальчуган, который спросил, чтобы позабавиться над ним: «Какую птицу хочешь поймать ты в эти сети?» — «Я иду, — был ответ, — к выходу из лупанария², там протяну сеть и поймаю в нее твою мать». Отпор последовал немедленно. «Пощупай там сеть получше, — сказал мальчик, — наверное, найдешь там и свою собственную». Две остроты, пропитанные одинаковой солью.

---

¹ Шерстяная промышленность Флоренции питала большой и четко расчлененный рабочий класс. Мытьем сырой шерсти занимались так называемые *lavandai*.

² Л у п а н а р и й — притон.

ССХІ

Хитрость флорентийки, пойманной на месте преступления

Жена одного трактирщика из окрестностей Флоренции, женщина поведения очень свободного, находилась однажды в постели со своим любовником. В это время явился другой, с намерением получить от нее то же, что и первый. Услышав его шаги на лестнице, женщина вышла к нему навстречу, сказала ему, что сейчас он ничего от нее не получит, и просила его поскорее уйти. Тот отказался. Началось препирательство, которое длилось столько времени, что пришел муж. Он стал спрашивать о причине спора. Женщина, скорая на выдумку, сказала: «Вот этот человек в ярости и непременно хочет подняться наверх и броситься на другого, который, спасаясь от него, спрятался у нас. А я стараюсь его удержать, чтобы не совершилось тут такого ужасного преступления». Тот любовник, который был спрятан в комнате, услыша этот разговор, ободрился и начал сам грозить оттуда и кричать, что он сумеет отомстить за оскорбление. Второй, в свою очередь, стал делать вид, что угрожает первому и хочет силою ворваться к нему. Простодушный муж, расспросив о причине ссоры, взялся примирить врагов. Он переговорил с обоими, мир был заключен и вдобавок вспрыснут вином, которое выставил муж. Вышло, что ему не только изменила жена, но еще он потерпел убыток, угостив вином любовников жены. Женщины, захваченные на месте преступления, очень ловко умеют вывернуться из положения.

ССХІІ

О покойнике, которого живым понесли к могиле, который заговорил и всех рассмешил

Был во Флоренции дурачок, по имени Ниньякка, совсем не такой глупый и довольно приятный. Несколько веселых молодых людей, чтобы позабавиться, решили

убедить его, что он тяжело болен. Они сговорились между собою, и когда Ниньякка утром вышел из дому, он встретил одного из них, который спросил, не болен ли он чем, потому что он бледен и не похож на себя. Ниньякка отвечал, что он чувствует себя хорошо, но немного дальше встретил другого, который задал ему, как было условлено, вопрос, нет ли у него лихорадки, потому что он кажется похудевшим и у него нездоровый вид. Ниньякка, поверив этому, сам стал думать, что он не совсем здоров, и дальше пошел медленнее и с опаской. Тут встретил его третий и, тоже по уговору, воскликнул, глядя на него: «По лицу твоему видно, что у тебя сильная лихорадка и что ты серьезно болен». Ниньякка испугался еще больше, ноги у него отнялись, и он остановился в задумчивости, стараясь понять, не лихорадит ли его в самом деле. В это время подошел четвертый. Этот стал говорить Ниньякке, что он тяжело болен, удивлялся, что он не лежит в постели, уговорил его сейчас же идти домой и предложил проводить его до дому и ухаживать за ним по-братски. Ниньякка побрел домой, как человек, пораженный тяжким недугом, и лег в постель с таким видом, словно готов был испустить дух. Остальные заговорщики сейчас же пришли к нему, говоря, что он сделал очень хорошо, что лег в постель. А немного спустя явился еще один, который сказался врачом, и, пощупав пульс, объявил, что больному осталось немного жить. Окружив постель, шутники стали говорить между собою: «Глядите, он умирает. Уже холодеют ноги, язык отказывается служить, мутнеют глаза». А потом: «Кончился. Закроем ему глаза, сложим руки и снесем на кладбище». И еще: «О, какая ужасная потеря для нас его смерть! Хороший был человек и нам был друг». И принялись утешать друг друга. Ниньякка не говорил ни слова, как подобает покойнику, и сам был уверен, что он умер. Молодые люди положили его в похоронные носилки и понесли по городу. Когда их спрашивали, в чем дело, они отвечали, что умер Ниньякка и что они несут его хоронить. По дороге много народу присоединилось для забавы к шествию. Шел говор, что Ниньякка скончался и что его несут на кладбище. Вдруг один трактирщик воскликнул: «Он был подлый скот и вор первейший, который заслуживал веревки». Дурачок, услышав эти слова, поднял голову и молвил: «Если бы я был жив, а не мертв, как сейчас, я

сказал бы тебе, висельник, что ты врешь!» Те, кто нес Ниньякку, бросили носилки, в которых он лежал, среди всеобщего громкого хохота.

ССХШ

Красиво выраженное отрицание красоты

По улицам Флоренции шли, разговаривая, два друга, из которых один был высокий и смуглый лицом. Им встретилась девушка, прогуливавшаяся в сопровождении матери. Высокому вздумалось позабавиться, и он сказал: «Вот девушка очень красивая и изящная». Так как эти слова были сказаны развязным тоном, то девушка ответила: «Нельзя того же сказать о вас». — «Конечно, — возразил тот, — если захотеть солгать так, как это сделал сейчас я».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне хочется сказать в заключение несколько слов о том месте, где рассказывались многие из переданных здесь историй, их, так сказать, сцене. Это наша Bugiale¹, то есть своего рода мастерская вранья, основанная когда-то секретарями ради забавы. Еще со времен папы Мартина мы завели обычай собираться в потайном местечке папской курии, куда мы приносили все новости и где мы беседовали о разных вещах как для развлечения, так иногда и серьезно. Там мы никому не давали спуска и поносили все, что нам не нравилось, причем сам папа иногда показывал нам пример. Многие приходили к нам туда, боясь, как бы не попало им прежде других. Среди рассказчиков первым был Рацелло из Болоньи, некоторые из историй которого я привел выше. Приходилось

---

¹ Буквально: вранья.

мне также часто упоминать об Антонио Лоски, чрезвычайно остроумном человеке, и о Чинчо Романо, который очень любил шутки. И сам я прибавил многое от себя, не лишенное соли. Теперь, когда все они завершили свои дни — по вине и людей и времени, — кончилась и Bugiale. И пропал обычай шутить и развлекаться игривой беседой¹.

---

¹ Действующими лицами во «Вральне» были прежде всего апостолические секретари, наиболее ответственные чиновники папской канцелярии. Чином ниже были апостолические писцы, еще ниже — так называемые аббревиаторы, которые вели запись исходящих бумаг.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Дживелегов. Поджо Браччолини и его «Фацеции»</i>	5

ФАЦЕЦИИ

Предисловие	24
I. Об одном бедном матросе из Гаэты	26
II. О враче, который лечил слабоумных и безумных	27
III. О Боначчо деи Гуаски, который вставал поздно . .	29
IV. О еврее, которого убедили принять христианство	29
V. Епископ верхом	30
VI. Замечание Цуккаро	30
VII. Об одном подесте	31
VIII. О жене, которая обманула своего мужа	32
IX. О священнике, который не знал дня вербного вос- кресенья	33
X. О крестьянах, которых спросили, хотят ли они Христа живого или мертвого	33
XI. О том, что сказал повар славному миланскому герцогу	34
XII. Слова того же повара к тому же государю	34
XIII. Просьба того же повара к герцогу	35
XIV. О Джаноццо Висконти	35
XV. О портном Висконти — для сравнения	36
XVI. Жалоба, принесенная Фачино Кане по поводу гра- бежа	37
XVII. Обращение кардинала к папским солдатам	38
XVIII. Ответ патриарху	38
XIX. О папе Урбане VI	39

XX.	О священнике, который вместо облачения принес епископу каплунов	39
XXI.	О друге моем, который огорчался, что ему предпочитают людей менее достойных	41
XXII.	Женщина на берегу По	42
XXIII.	Об аббате Сеттимо	42
XXIV.	О сестре констанцкого гражданина, которая забеременела	42
XXV.	Слова императора Сигизмунда	43
XXVI.	Слово римского священника Лоренцо	43
XXVII.	Разговор Никколó из Ананьи	44
XXVIII.	О чуде	44
XXIX.	Другое чудо, рассказанное Уго из Сиены	45
XXX.	Еще одно чудо	45
XXXI.	Еще чудо	45
XXXII.	Острое слово одного актера о папе Бонифации	46
XXXIII.	О священнике, который похоронил собачку	47
XXXIV.	О тиране, который несправедливо обвинил богатого человека	47
XXXV.	О монахе, который произнес очень короткую проповедь	48
XXXVI.	Забавный совет Миначчо одному крестьянину	49
XXXVII.	Ответ того же Миначчо	49
XXXVIII.	О кривом бедняке, который хотел купить пшеницы	50
XXXIX.	Проповедник, который предпочитал десять девушек одной замужней женщине	50
XL.	О нищенствующем монахе, который во время войны говорил о мире с Бернардо	50
XLI.	Рассказ Франческо Филельфо	52
XLII.	Рассказ кардинала бордоского о скоморохе	53
XLIII.	Ответ Ридольфо Бернабó	54
XLIV.	Другой остроумный ответ Ридольфо	55
XLV.	О том, как флорентийцы выставили портрет Ридольфо как изменника	55
XLVI.	О некоем, ранившем Ридольфо стрелой	55
XLVII.	История о Манчини	56
XLVIII.	О человеке, который взвалил на плечи свой плуг	56
XLIX.	Изящный ответ Данте, флорентийского поэта	57
L.	Остроумный ответ того же поэта	58
LI.	О женщине, которая упрямо называла мужа вшивым	58
LII.	О человеке, который искал в реке утонувшую жену	59
LIII.	О крестьянине, который просил сделать его знатым	59

LIV. Слова дамы, которая увидела в окне одежду куртизанки	59
LV. Остроумное замечание	60
LVI. Остроумное слово одного юноши	60
LVII. О глупце, который принял за себя самого подражавшего его голосу	61
LVIII. О скупце, который попробовал мочи	61
LIX. О пастухе, который исповедовался не так, как нужно	61
LX. Об игроке, который попал в тюрьму за игру	62
LXI. Об отце, который упрекал сына за пьянство	63
LXII. О молодом человеке из Перуджи	63
LXIII. О герцоге Анжуйском, который показал сокровище Ридольфо да Камерино	64
LXIV. О том же Ридольфо	64
LXV. Остроумный ответ одного перуджинца	66
LXVI. Петух и лисица	66
LXVII. Забавное слово	67
LXVIII. Спор между флорентийцем и венецианцем	67
LXIX. Сравнение Антонио Лоски	68
LXX. О сказителе, который объявил, что будет декламировать о смерти Гектора	69
LXXI. О женщине, которая притворилась перед мужем полумертвой	69
LXXII. О рыцаре, у которого была строптивая жена	70
LXXIII. О знахаре и об осле	70
LXXIV. Сравнение Пьетро де Эги	71
LXXV. О венецианце, который не узнал своей лошади	71
LXXVI. Ответ Карло из Болоньи	72
LXXVII. О старом ростовщике, который перестал давать под проценты из боязни потерять приобретенное	73
LXXVIII. О старой куртизанке, просившей милостыню	73
LXXIX. О докторе и о невежде	73
LXXX. Замечание епископа Алетто	74
LXXXI. Остроумное слово некоего аббата	74
LXXXII. Еще остроумное замечание	75
LXXXIII. Чудеса, рассказанные переписчиком	75
LXXXIV. Чудесная кара за поношение святых	76
LXXXV. Смешная история про старика, который нес осла	78
LXXXVI. Верх невежества	79
LXXXVII. Другая глупость	80
LXXXVIII. Об одном бородатом старике	80
LXXXIX. История одного нотариуса, рассказанная Карло из Болоньи	81

ХС.	О флорентийском юристе, который, будучи послом у королевы, просил ее о любви	82
ХСІ.	О человеке, который изнасиловал дьявола, принявшего вид женщины	82
ХСІІ.	Об адвокате, который получил фиги и персики от одного тяжущегося	83
ХСІІІ.	О хитростях врача, посещавшего больных	84
ХСІV.	Тяжба двух лиц о деньгах	85
ХСV.	О необразованном человеке, который просил у архиепископа миланского сан архiereя	86
ХСVІ.	О монахе, который исповедовал вдову	88
ХСVІІ.	О человеке, который притворился мертвым перед женой	88
ХСVІІІ.	Ответ монаха Бернабб, синьору миланскому	89
ХСІХ.	О забывчивом слуге	90
С.	О человеке, который, чтобы стать известным, готов был истратить тысячу флоринов	90
СІ.	Шутка знаменитого Данте	91
СІІ.	Забавный ответ на вопрос мужа, спрашивавшего, может ли жена родить через двенадцать месяцев	91
СІІІ.	Лукавый вопрос одного священника	92
СІV.	Шутка одного человека над перуджинским послом	92
СV.	Перуджинские посланцы у папы Урбана	93
СVІ.	Глупое заявление флорентийских послов	93
СVІІ.	Забавное замечание Джован-Пьетро из Сиены	94
СVІІІ.	Забавный рассказ врача	95
СІХ.	О секретаре императора Фридриха II	95
СХ.	О пьянице	97
СХІ.	Шутка апостолического писца Эверардо, который издал непристойный звук в присутствии кардинала	97
СХІІ.	Веселая шутка другого кардинала	97
СХІІІ.	О женщине, которая, желая закрыть голову, открыла зад	98
СХІV.	Забавный случай с человеком, который отправил письма жене и купцу	98
СХV.	Рассказ о Данте, который часто бранил свою жену	99
СХVІ.	Рассказ Цуккаро о женщине, просившей лекарство у священника	100
СХVІІ.	Об отшельнике, который сожительствовавал со многими женщинами	102
СХVІІІ.	О молодом флорентийце, который согрешил с женой своего отца	103

CXIX. Спор миноритов о том, как нужно изобразить св. Франциска	103
CXX. О флорентийском священнике, который отправился в Венгрию	104
CXXI. Ответ крестьянина своему помещику	105
CXXII. Слова чудака	105
CXXIII. Издевательство над человеком, желавшим зарезать свинью	105
CXXIV. Ответ Фачино Кане	106
CXXV. О жене пастуха, у которой был ребенок от священника	106
CXXVI. О крестьянине, который привел ослов, нагруженных хлебом	107
CXXVII. Веселый ответ бедняка богатому, которому было холодно	107
CXXVIII. О горце, который хотел жениться на молодой девушке	108
CXXIX. О враче, который изнасиловал больную жену портного	108
CXXX. О ростовщике из Виченцы	109
CXXXI. О глупом венецианце, который держал шпоры в кармане	109
CXXXII. О венецианце, который по дороге в Тревизо получил удар камнем от своего слуги	110
CXXXIII. О том, как крестьянин спрятал в соломе лисицу, спасавшуюся от собак	110
CXXXIV. О флорентийце, который купил лошадь	111
CXXXV. Шутка скомороха Гонеллы	111
CXXXVI. Другая шутка Гонеллы над человеком, который хотел научиться отгадывать	112
CXXXVII. О чудесах, рассказанных папе Евгению	112
CXXXVIII. Чудесное видение	113
CXXXIX. Нотариус-мошенник	114
CXL. Жуткая история о мальчике, который ел детей	115
CXLI. О некоем, кто выдавал себя за человека высокоцеломудренного и был застигнут на месте преступления	116
CXLII. О глупом миланском жителе, который подал священнику список своих грехов	116
CXLIII. О человеке, который подговорил друга хвалить его родителям невесты	117
CXLIV. Шутка Пасквино из Сиены над земляком	117
CXLV. О докторе, который говорил по-латыни при ловле птиц	118

CXLVI.	О том, как хвалили одного юношу в Риме	118
CXLVII.	Мудрый ответ клеветнику	119
CXLVIII.	Остроумный ответ его же, приложимый ко многим епископам	120
CXLIX.	Острота насчет Франческо Филельфо	120
CL.	Другая острота насчет того же Филельфо	121
CLI.	О нотариусе, который стал сводником	121
CLII.	Уловка некоего Петрилло для освобождения больницы	122
CLIII.	О звуке	122
CLIV.	О сыне вельможи, которому отец приказал из-за его злого языка быть немым	123
CLV.	Об одном опекуне	124
CLVI.	Острота Анджелотто о бороде греческого кардинала	124
CLVII.	О толстом рыцаре	125
CLVIII.	Забавное заявление судьи адвокату, который ссылался на «Клементину» и «Новеллу»	125
CLIX.	Средство против холода	126
CLX.	Об одном проповеднике	126
CLXI.	Спор двух лиц из-за одинакового герба	126
CLXII.	Шутка врача, который давал лекарства как при- дется	127
CLXIII.	Совет человеку, который горевал из-за долгов	127
CLXIV.	О том, как греки и генуэзцы были наказаны за убийство	128
CLXV.	Шутка о римлянах, которые съедают свои доблести	130
CLXVI.	О человеке, который дал обет поставить свечу де- ве Марии	130
CLXVII.	Подобная же шутка по поводу обета св. Кириаку	131
CLXVIII.	О монахе, от которого забеременела настоятель- ница	131
CLXIX.	Удивительный ответ мальчика кардиналу Андже- лотто	132
CLXX.	О подмастерье сапожника, который был застигнут с женой хозяина	132
CLXXI.	Что угоднее богу — слово или дело	133
CLXXII.	О египтянине, которого пытались обратить в хрис- тианство	133
CLXXIII.	Об испанском епископе, который полакомился куропатками, обратив их в рыбу	134
CLXXIV.	Проделка папы Мартина с назойливым послом	134
CLXXV.	О человеке, который осуждал жизнь кардинала Анджелотто	134

CLXXVI.	О шутнике, который смеялся над флорентийским рыцарем	135
CLXXVII.	О том, как дочь оправдывала перед отцом свое бесплодие	135
CLXXVIII.	О флорентийце-лгуне	136
CLXXIX.	О ревнивце, который оскопил себя, чтобы испытать верность жены	136
CLXXX.	Что услышал священник от жертвователя	137
CLXXXI.	О священнике, который во время проповеди ошибся в числах	137
CLXXXII.	Мудрый ответ кардинала авиньонского королю Франции	137
CLXXXIII.	Ужасный случай в церкви св. Иоанна Латеранского	138
CLXXXIV.	Как был посрамлен проповедник, громко кричавший	139
CLXXXV.	О ладанке против чумы для ношения на шею	140
CLXXXVI.	О том, как открыли рот кардиналу Анджелотто вместо того, чтобы его закрыть	140
CLXXXVII.	О том, как Ридольфо подарил кому-то необыкновенную лошадь	141
CLXXXVIII.	Как священник насмеялся над крестьянином, хотевшим его поймать	141
CLXXXIX.	Бой между сороками и сойками	142
CXC.	Остроумный ответ Франческо относительно детей генуэзцев	142
CXCI.	Забавная просьба старика, которому не хватало сил для любовных ласк	144
CXCII.	Забавные слова необразованного, смутившего ученых	144
CXCIII.	Остроумная насмешка над купцом, обвинявшим других	145
CXCIV.	Прекрасный ответ дамы молодому человеку, в нее влюбленному	145
CXCV.	О дворянине времен императора Фридриха, храбром на словах, но трусившем	146
CXCVI.	О человеке, который два года был без пищи и питья	147
CXCVII.	Остроумное слово человека, обещавшего обучить осла	148
CXCVIII.	О священнике, который не знал, мужчина Епифания или женщина	149
CXCIX.	О ростовщике, который притворно раскаялся и стал поступать еще хуже	149
CC.	Басня о птицах, якобы умеющих говорить	150

ССI. Человек, у которого на шее разные цепи, провозглашен сугубым дураком	150
ССII. Остроумный ответ Ридольфо, синьора Камерино, послу, который поносил всех синьоров	151
ССIII. О судье, в доме которого свинья разлила масло	152
ССIV. Messer perde il piatto	152
ССV. Песенка, которая нравится трактирщику	152
ССVI. Веселый ответ насчет худого человека	153
ССVII. Шутливый ответ относительно малочисленности друзей у бога	153
ССVIII. О монахе из братства св. Антония, миряnine и волке	154
ССIX. О том, как удивительным образом оказались квиты духовник и кающийся	154
ССX. Обмен остротами двух молодых флорентийцев	155
ССXI. Хитрость флорентийки, пойманной на месте преступления	156
ССXII. О покойнике, которого живым понесли к могиле, который заговорил и всех рассмешил	156
ССXIII. Красиво выраженное отрицание красоты	158
Заключение	158

Поджо Браччолини Д. Ф.

П 44 Фацеции/Пер. с лат. и вступ. статья А. Дживеле-гова; Худож. В. Носков (младший). — М.: Худож. лит., 1984. — 167 с., ил.

Джан Франческо Поджо Браччолини (1380—1459) — выдающийся итальянский писатель эпохи Возрождения. В своих «Фацециях» (коротких забавных новеллах) он высмеивает нравы разных слоев итальянского общества XV века, бичует пороки духовенства.

П 4703000000-240 без объявл.
028(01)-84

ББК 84.4Ит
И(Ит)

Поджо Браччолини

ФАЦЕЦИИ

Редактор **Н. КУЛИШ**

Художественный редактор **Л. КАЛИТОВСКАЯ**

Технический редактор **Л. КОРОТЕЕВА**

Корректоры **Т. МЕДВЕДЕВА** и **Т. СИДОРОВА**

ИБ № 3927

Сдано в набор 24.10.83. Подписано в печать 23.05.84. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага шаберного мелования. Гарнитура «тип. Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8.82. Усл. кр.-отт. 17.43. Уч.-изд. л. 7.83. Тираж 50 000 экз.
Изд. № VI-611. Зак. 2856. Цена 65 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная ли-
тература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический ком-
бинат Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли. Калинин, пр. Ленина, 5